

Философия Права

№ 4 (83)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Шавеко Н. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВТОРОГО ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ
ПО ДЖОНУ РОЛЗУ 7

ПРАВООПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Донцова К. Б.

ПРЕДМЕТ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ 15

Федин И. Г.

СООТНОШЕНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ С КАТЕГОРИЯМИ «РАЗУМНОСТЬ»
И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» 22

Богатова Е. В.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: СТАТИКА И ДИНАМИКА ПОНИМАНИЯ 30

Кейдунова Е. Р., Мавренкова Е. А., Напханенко И. П., Попадопуло Д. В.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ АФФЕКТОВ 35

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Сериков А. В., Венцель С. В.

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ГЕРМАНИИ,
США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 43

Рожковский В. Б., Вакула И. М., Воскобоев А. И. БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДЕОНТОЛОГИЗАЦИИ ИДЕИ УМАЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	50
--	----

Цымбал Е. А. ДУХОВНЫЙ МИР И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ	56
--	----

Колесникова Е. Ю. ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	63
---	----

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Середнев В. А. К ВОПРОСУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ «ПРАВ ЧЕЛОВЕКА» ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ «ПРАВ ГРАЖДАНИНА»	70
--	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Овчарова А. И. НАЦИОНАЛЬНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ МАТРИЦА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	74
---	----

Туманов С. Н. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ОТ КРИТИКИ К СОЗИДАНИЮ ТРАКТОВКИ	82
--	----

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Надеева К. А. ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХИИ	88
---	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аминев Ф. Г. ЗНАЧЕНИЕ ЭТИЧЕСКОГО СТАНДАРТА СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	93
---	----

МАТЕРИАЛЫ XXII ДИМИТРИЕВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ «НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Бойко А. И. РЕЛИГИЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА	98
---	----

Келеберда Н. Г. О ЦЕЛЯХ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	106
---	-----

Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАВЕНСТВА КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТЬИ 148 УК РФ «НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ»	111
Саядова А. С. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	117
Тищенко Е. В. ПРЕСТУПНОСТЬ И КУЛЬТУРА	123
Шалагинова Н. А. СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЕВИАЦИИ	128
Разогреева А. М. ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВОЗМУЩЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЧУВСТВ: КОНЦЕПЦИЯ Э. ДЮРКГЕЙМА И АКТУАЛЬНЫЕ АРТ-ПРАКТИКИ	133
Серегин А. В. О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ФОРМЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ	139

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
А. С. Ханахмедов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
Г. Ч. Синченко, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru

Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 1088,6 рубля (2 номера).

Выпускающий редактор: Е. В. Васильцова
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 24.11.2017. Подписано в печать 15.12.2017. Выход в свет 21.12.2017.
Формат 60x84 1/8. Объем 18,25 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 17,20. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY OF LAW

Shaveko N. A. SOME ASPECTS OF THE SECOND PRINCIPLE OF JUSTICE BY JOHN RAWLS	7
---	---

LEGAL UNDERSTANDING AND LEGAL DOCTRINE

Dontsova K. B. THE SUBJECT OF PROCEDURAL AND LEGAL REGULATION: THE GENERAL THEORETICAL ASPECT OF STUDY	15
Fedin I. G. CORRELATION OF CONSCIENTIOUSNESS WITH CATEGORIES OF «REASONABLENESS» AND «JUSTICE»	22
Bogatova E. V. LEGAL CULTURE: STATICS AND DYNAMICS OF UNDERSTANDING	30
Kejdunova E. R., Mavrenkova E. A., Naphanenko I. P., Popandopulo D. V. CONCEPT AND TYPES OF AFFECTS	35

PHILOSOPHIC AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Serikov A. V., Wentzel S. V. EXPERIENCE OF COUNTERACTION TO YOUTH EXTREMISM IN GERMANY, THE USA AND GREAT BRITAIN: COMPARATIVE ANALYSIS	43
Rozhkovsky V. B., Vakula I. M., Voskoboev A. I. HUMAN BEING IN THE CONTEXT OF THE DEONTOLOGIZATION OF THE IDEA OF BELITTLING A PERSON	50
Tsymbal E. A. SPIRITUAL WORLD AND IDENTITY OF THE INDIVIDUAL IN A CONSUMING SOCIETY	56
Kolesnikova E. Yu. FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL BEHAVIOR OF YOUTH IN THE EDUCATIONAL SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY	63

PROBLEMS OF LEGAL AXIOLOGY

Serednev V. A. TO THE QUESTION OF CONFRONTATION: THE IDEOLOGY OF «HUMAN RIGHTS» AGAINST THE IDEOLOGY OF «CITIZEN'S RIGHTS»	70
---	----

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LEGAL POLICY OF THE STATE

Ovcharova A. I. NATIONAL-IDENTIFICATION MATRIX OF RUSSIAN POLITICAL POWER: SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION	74
Tumanov S. N. FOREIGN POLICY OF THE STATE: FROM CRITICISM TO CREATION OF INTERPRETATION	82

SPIRITUAL AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF LAW

Nadneeva K. A.

PECULIARITIES OF THE AXIOLOGICAL ORIENTATION OF RUSSIAN EMIGRATION
IN THE CZECH REPUBLIC 88

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF FIGHT AGAINST CRIME

Aminev F. G.

THE VALUE OF ETHICAL STANDARDS OF A FORENSIC EXPERT IN THE INVESTIGATION
OF CRIMES RELATED TO EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES 93

MATERIALS OF THE XXII DIMITRIIAN EDUCATIONAL READINGS «MORAL VALUES AND THE FUTURE OF MANKIND»

Boyko A. I.

RELIGION AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY OF THE STATE 98

Keleberdga N. G.

ABOUT AIMS AND PURPOSES OF ART IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT
OF MODERNITY 106

Osokin R. B., Kokorev V. G.

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AND EQUALITY AS A CRITERION FOR ASSESSING
AND IMPROVING ARTICLE 148 OF THE CRIMINAL CODE «VIOLATION
OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION» 111

Sayadova A. S.

LEGAL BASIS OF COUNTERACTION TO RELIGIOUS EXTREMISM IN MODERN RUSSIA 117

Tishchenko E. V.

CRIME AND CULTURE 123

Shalaginova N. A.

SOCIAL MARGINALITY AS A PRECONDITION FOR DEVIATION 128

Razogreeva A. M.

CRIME AS COLLECTIVE OUTRAGE OF SENSES: THE CONCEPT
OF E. DURKHEIM AND CONTEMPORARY ART PRACTICES 133

Seregin A. V.

ABOUT NECESSITY OF STUDYING THE CANONICAL RIGHT FOR REMOVING
THE GAPS OF LEGAL KNOWLEDGE ABOUT THE FORM OF STATE AND
LEGAL SYSTEM OF ANCIENT RUSSIA 139

Шавеко Николай Александрович
Shaveko Nikolai Alexandrovich

научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Researcher, the Udmurt Branch, the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВТОРОГО ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПО ДЖОНУ РОЛЗУ

Some aspects of the second principle of justice by John Rawls

В статье анализируется предложенная известным американским ученым Дж. Ролзом теория справедливости, в частности, принцип честного равенства возможностей и принцип различия. Автором рассматривается конструктивная критика данных принципов ведущими мыслителями либерального направления (Р. Дворкин, У. Кымлика, О. Хеффе, Ф. Хайек, А. Сен и другие), предлагаются пути преодоления выявленных недостатков.

Ключевые слова: Ролз, справедливость, равенство возможностей, принцип различия.

The article analyzes the theory of justice, proposed by the well-known American thinker J. Rawls, namely the second principle of justice, which is divided on the principle of fair equality of opportunity and difference principle. It is considered a constructive criticism of this principle, proceeding from the leading liberal thinkers (R. Dworkin, W. Kymlicka, O. Hufje, F. Hayek, A. Sen and others). The ways of overcoming the lacks in the J. Rawls' formulation are proposed.

Keywords: Rawls, justice, equality in opportunities, principle of differences.

Джон Ролз (1921–2002) – американский философ, сторонник либерально-государственной концепции внутреннего и международного права. Его работа «Теория справедливости» является одной из самых значительных в политической философии XX века. В своей книге Дж. Ролз пытается ответить на вопрос, о каких принципах справедливости договорились бы рациональные индивиды, заинтересованные в продвижении своих интересов, находясь в так называемой «исходной ситуации», когда никто точно не знает, к какой социальной группе он относится, какими способностями одарен, в каком обществе живет, какие доходы имеет или может иметь. Дж. Ролз приходит к выводу, что в такой ситуации рациональные индивиды выберут два определенных принципа справедливости. В настоящей статье рассматривается второй из этих принципов, согласно которому социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно:

а) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей;

б) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевающих (принцип различия) в соответствии с принципом справедливых сбережений [7, с. 267].

Принцип честного равенства возможностей противопоставляется Ролзом принципу «карьера открыта талантам». С одной стороны, справедливо дать возможность талантливым людям проявлять себя и занимать соответствующее место в обществе, с другой стороны, необходимо уточнить, что лица, имеющие равный талант и равное желание его использовать, должны иметь равные шансы на успех. Таким образом, следует добиваться нивелировки влияния социальных случайностей и естественного везения на реализацию уже имеющегося таланта. В этом заключается честное равенство возможностей, которое предполагает, что социально значимые должности открыты для любого, кто имеет соответствующий талант (отсутствует дискриминация). Это право не может быть отчуждено на том основании, что лицо, не реализовавшее талант, будет получать больше прибыли от ситуации, когда должности заняты другими [7, с. 70–77]. Высокие

должности требуют высоких талантов и дают большие преимущества для тех, кто их замещает, но это неравенство является оправданным, если замещающее должностное лицо действительно талантливо (имеет выдающиеся способности) [6, с. 39].

Принцип различия, присутствующий в формулировке второго принципа справедливости, означает, что в ситуации, когда невозможно повысить общий уровень благосостояния, оно должно быть распределено между членами общества равным образом, однако если можно увеличить общее благосостояние путем введения неравенства, то сделать это необходимо таким образом, чтобы прибыль получали все, а наименее обеспеченные слои общества (их репрезентативные представители) – максимум возможной для них прибыли. Следовательно, неравенство допускается только тогда, когда равенство обещает для наименее преуспевающих еще меньше прибыли, чем неравенство (например, тотальное равенство ведет к снижению уровня производства в отсутствие конкурентной экономики, что не идет на благо и наименее обеспеченным, поэтому перераспределение имеет свои пределы, и нужно согласиться на определенное неравенство доходов и богатств). Неравенство, согласно принципу различия, призвано максимизировать ожидания наименее преуспевающих [7, с. 77–80]. Одновременно каждый должен получить хотя бы какую-то пользу от неравенства – в противном случае оно не допускается.

Отметим, что Дж. Ролз предпринял попытку сформулировать из этого принципа конкретные правила, например, необходимость введения налога на наследование, но эта попытка представляется нам неоправданной, поскольку справедливость конкретных правил всегда зависит от особенностей ситуации, в которой они применяются. В ситуации «исходного положения» речь может идти только об общих принципах справедливости.

Принцип различия необоснованно критиковался (Р. Вульф, Б. Барбер, Б. Барри) за то, что он якобы допускает дискриминацию по принципу расы, пола и т. п., например, если неравенство между мужчиной и женщиной приносит последней пользу, то оно допустимо [4, с. 81–82]. По нашему мнению, такое неравенство вполне оправдано, ведь с учетом правил приоритета между первым и вторым

принципом справедливости женщинам в любом случае гарантируются основные свободы и равные возможности в занятии должностей и выборе профессий. Кроме того, рассматриваемое гипотетическое неравенство направлено как раз на защиту интересов женщин. Учитывая это, ни о какой дискриминации при интерпретации принципа различия не может идти речи.

По мысли Дж. Ролза, для того чтобы выявить наименее успешный слой населения, не нужно создавать систему «межличностных сравнений», как это происходит в утилитаристских учениях. Критерием здесь выступает только индекс «первичных благ» (под ними ученый понимал основные свободы, карьерные возможности, материальные богатства и т. п. блага, которые могут служить средствами достижения максимально обширного перечня самых разных целей), и удовлетворение человека, соответственно, приносит достижение целей [7, с. 90–91]. Поскольку в соответствии с первым принципом справедливости индивиды рассматриваются как равноправные, а принцип честного равенства возможностей предполагает, что они имеют равный доступ к должностям, критериями выделения отдельных социальных групп при применении принципа различия становятся лишь доход и богатство, а не все «первичные блага». Доходы и богатства распределяются неравномерно благодаря трем основным видам случайностей: семейное и классовое происхождение, природные дарования и удача [7, с. 95]. Именно на преодоление этих случайностей направлен второй принцип справедливости.

Принцип справедливых сбережений, который также упоминается в формулировке второго принципа справедливости, означает, что каждое поколение должно накапливать сбережения в целях обеспечения «социального минимума» (в виде зарплат, социальных выплат, коллективных благ, духовного капитала) на таком уровне, который «максимизирует ожидание наименее преуспевшей группы» [7, с. 254]. С одной стороны, будущие поколения только пользуются благами предыдущих, не имея возможности и не являясь поэтому обязанными им отплатить, с другой стороны, они могут стать жертвой безответственной политики ранее живущих. Выход заключается в том, что в исходном положении ни-

кто не знает своего поколения и должен принять некий принцип регулирования межпоколенческих отношений. В итоге делается вывод, что бедные поколения сберегают меньше, богатые – больше, и такой подход максимизирует ожидания наименее обеспеченных. Вопрос, однако, в том, как в целях сравнения определить степень благосостояния будущих поколений. По всей видимости, правильным будет проявлять рациональность и пытаться прогнозировать в меру возможностей, принимая в расчет в большей степени ближайшее будущее, чем отдаленное, так как первое прогнозируется лучше второго. Но у Дж. Ролза эта проблематика, к сожалению, не раскрыта. Цель накоплений, по его мнению, – это справедливое общество, и если последнее достигнуто, сбережений вообще больше не требуется. Таким образом, «в своем полном виде принцип различия включает в себя принцип накопления в качестве ограничения» [7, с. 260].

Указанный способ разрешения межпоколенческой справедливости критиковался многими мыслителями, в частности, О. Хэффе, который писал, что «договор между поколениями будет справедливым лишь тогда, когда следующее поколение не получает в наследство никаких ипотек без одновременно наследования достаточных гарантий по ним. С этой точки зрения, к примеру, добыча необновляемых источников энергии будет справедливой лишь при условии, если она осуществляется не быстрее, чем будут открыты новые источники» [10, с. 132]. «Поколение, позволяющее себе сильнее обременять окружающую среду в результате роста населения, обязано настолько улучшить экологический баланс в целом, насколько оно угрожает обременить окружающую среду» [10, с. 162]. То же самое касается других сфер: настоящее не должно жить за счет будущего (отсюда повышенные трудовые права женщин с детьми и пр.). Заслуживает внимания также позиция Р. Солоу, согласно которой следующему поколению следует оставить «все, что потребуется для достижения уровня жизни, который по крайней мере столь же высок, как наш собственный, и точно так же это поколение должно отнестись к следующему за ним»; А. Сен добавляет к этому, что мы должны обеспечить будущему поколению такой же или больший уровень реальных сво-

бод и возможностей [8, с. 326–328]. Все вышеназванные мыслители не поддерживают мнение Дж. Ролза о том, что накопление богатств необходимо только для достижения справедливого общества и что когда-то будет достигнут такой уровень справедливости, при котором накопление богатств более не потребуется.

Вместе принцип различия и принцип честного равенства возможностей образуют, по Ролзу, концепцию «демократического равенства». Необходимо упомянуть о двух уточнениях к принципу честного равенства возможностей: первое заключается в том, что природные дарования распределяются неравным образом, и это кажется несправедливым, потому что талантливые люди могут не сделать ничего для развития своего таланта и тем не менее зарабатывать на нем преимущества, тогда как другие по воле природы остаются ни с чем; второе уточнение состоит в учете социальных факторов, влияющих на развитие талантов, поскольку чтобы развить талант, необходимо получить образование, требующее финансовых вложений, и дети с одинаковыми дарованиями, родившиеся в разных по достатку семьях, получают разные шансы на успех. Кроме того, характер человека, часто ставящийся в заслугу, в действительности зависит от семейного воспитания. Эти два уточнения представляют собой, по сути, применение принципа различия к принципу честного равенства возможностей. В итоге приходим к выводу, что на образование менее развитых и менее обеспеченных людей нужно тратить больше ресурсов, чем на образование других людей, «по крайней мере, в некоторый период жизни, скажем, в ранние школьные годы» [7, с. 97]. Безусловно, это не должно приводить к отрицательной динамике благосостояния всего общества: кооперация должна приносить хотя бы минимальную выгоду.

Можно предположить, что инвестировать в образование одаренных гораздо прибыльнее и эффективнее, чем в образование менее одаренных, поэтому те преимущества, которые получают последние от предоставления только более одаренным возможности для самореализации, обучения и занятия должностей, могли бы оправдать подобное неравенство. Но, по всей видимости, ставя принцип честного равенства возможностей выше принципа различия, Дж. Ролз

полагает, что в вопросе самореализации не может идти речи о прибыли: возможность получения образования должна быть равной для всех, поэтому на обучение менее одаренного общества должно тратить больше ресурсов, чем на более одаренного. По мнению ученого, это, возможно, и в ущерб прибыли, но во благо справедливости. Уточним, что любое финансирование образования должно осуществляться только при доказанной заинтересованности учеников в прилежном обучении.

В связи с рассмотрением второго принципа справедливости Дж. Ролз поднимает традиционную для либерализма проблему обеспечения реального равенства в возможностях реализации свобод. Ученый признает, что ценность свободы неодинакова для всех и большее богатство ведет к росту ценности свободы. Одновременно он отмечает: «Неспособность воспользоваться своими правами и возможностями в результате бедности или невежества, а также общего недостатка средств, иногда включается в число ограничений, определяющих свободу. Я, однако, утверждать этого не буду; вместо этого я буду считать, что эти вещи влияют на ценность свободы, ценность для индивида прав, определяемых первым принципом» [7, с. 184]. Таким образом, проблема неравных шансов на реализацию тех или иных свобод решается именно вторым принципом справедливости. Принцип различия, требующий максимизации первичных благ для наименее преуспевающих, указывает на то, что ценность свободы для данного социального слоя также должна быть максимизирована [7, с. 185]. Это означает, что законодатель, исходя из конкретных обстоятельств, должен понять, каким именно первичным благам (в том числе каким именно видам свобод) отдают приоритет наименее удачные члены общества, и распределить указанные блага соответствующим образом, то есть согласно второму принципу справедливости, максимизируя ожидания наименее обеспеченных лиц [7, с. 319]. Как нам видится, такое решение проблемы может привести к тому, что наименее преуспевающие из всех первичных благ будут отдавать предпочтение доходам и богатству, а не возможностям, правам и свободам, поэтому ценность свободы для них останется достаточно низкой, что, в свою очередь, может послужить источником нивелировки первого принципа справедливости.

С другой стороны, необходимо учитывать критику гиперболизации идеи равенства возможностей, высказанную множеством мыслителей, в частности, Ф. Хайеком, который считал, что для обеспечения абсолютного равенства возможностей «правительству пришлось бы полностью контролировать материальное и социальное окружение всех лиц» и взять под контроль «буквально все обстоятельства, способные влиять на благополучие любого человека», в связи с чем лозунг равенства возможностей «превращается в совершенно иллюзорный идеал, а любая попытка реализовать его на практике порождает настоящий кошмар» [9, с. 253]. С мнением Ф. Хайека соглашался У. Кимлика, который утверждал: «Полное равенство условий невозможно. Мы могли бы попытаться максимально уравнивать условия. Но и это нельзя считать приемлемым решением. Поскольку для оказания помощи людям с серьезными физическими или умственными недостатками и для уравнивания условий их жизни с условиями здоровых людей никакой суммы денег не будет достаточно, нам, возможно, придется потратить на это все имеющиеся ресурсы... Заботясь об условиях жизни людей, мы заботимся о том, чтобы они могли претворить в жизнь свои цели. Но если, пытаясь уравнивать условия, мы не даем кому-либо достичь своей цели, то наши намерения терпят крах» [3, с. 171]. Вероятнее всего, полного равенства возможностей добиться невозможно и нужно выработать некоторую меру стремления к нему. По мнению Дж. Ролза, наименее удачливые члены общества должны согласиться на такое неравенство ценности свобод, которое гарантирует им большую способность достигать своих целей, чем дальнейшие шаги правительства в сторону достижения равной ценности свобод; иными словами, ценность свобод должна быть не полностью равной, а по возможности максимизированной для наименее успешных лиц, в частности, путем финансирования правительством свободной дискуссии об обществе [7, с. 184–185, 202]. В предисловии к русскому изданию «Теории справедливости» ученый пишет, что главное средство для сглаживания социальных неравенств – это гарантия основных свобод и честного равенства возможностей, а принцип различия является второстепенным [7, с. 11–12].

В научной литературе наиболее дискуссионным аспектом второго принципа справедливости стал принцип различия. Одним из поводов для научных споров стала позиция Дж. Ролза о том, что мера причитающегося конкретному лицу материального блага не обязательно зависит от того вклада, который оно сделало в общее процветание. Мера вклада индивида зависит от его способностей, возможностей, свобод, а также от спроса и предложения на рынке, от многих случайных обстоятельств, в общем, от таких факторов, которые далеко не всегда в нашей власти [7, с. 268–277]. С одной стороны, этот довод Дж. Ролза довольно убедителен, но, с другой стороны, в таком случае налицо проблема тунеядства, которую ученый не рассматривает. Наименее обеспеченные слои населения, например, могут совсем не трудиться, то есть не вносить никакого вклада в общее благосостояние, и тем не менее, согласно второму принципу справедливости, мы обязаны будем максимизировать их ожидания. Выходом из этого затруднения могло бы стать установление довольно низкого стандарта «прожиточного минимума», по которому определялись бы наименее обеспеченные слои, в результате чего уклоняться от создания социальных благ при свободном пользовании ими, созданными другими людьми, могли бы только крайне малообеспеченные, другие же вынуждены были бы минимально работать ради социальных благ. Но такой подход повлек бы за собой большие диспропорции в классе бедноты. Еще менее привлекательным выглядит установление обязанности трудиться (добросовестно использовать свои способности).

С некоторых позиций эта проблема вообще могла бы быть отвергнута. Так, Дж. Ролз презюмирует выгоду от социальных институтов для каждого, поэтому перераспределение благ должно происходить таким образом, чтобы выигрывали все (пусть даже бедные делают это в наибольшей степени). Это означает, в нашем понимании, что, например, обеспеченный предприниматель, заработавший с помощью своего капитала 10 у. е. и затративший ресурсы в размере 3 у. е., получает чистую прибыль – 7 у. е., из которых 6 у. е. в соответствии со вторым принципом справедливости должны быть перечислены (через налоговую систему и систему социального обеспечения)

наименее обеспеченным слоям населения. Предприниматель, не отрицая необходимости налогового бремени и помощи нуждающимся, может возразить, что налоги все же слишком высоки и отбирают почти всю прибыль. Но с точки зрения ролзовской теории такого возражения не последует, так как данное лицо в любом случае окупило свои затраты и минимально заработало, то есть сохранило стимул для дальнейшей аналогичной деятельности. Этот аргумент не зависит от того, пытались ли наименее обеспеченные лица заработать себе на жизнь, и имеют ли они извинительные обстоятельства своей бездеятельности, следовательно, проблема тунеядства отсутствует. Единственное, что можно возразить с точки зрения Дж. Ролза несправедливой экспроприации доходов обеспеченного предпринимателя: если бы они не были отняты, то он вложил бы их в производство и обеспечил бы прибыль уже не 7 у. е., а, например, 15 у. е., чем улучшил бы положение бедняков, причем не только посредством систем налогообложения и социального обеспечения, но и созданием новых рабочих мест. Пожалуй, только этот аргумент удерживает нас от того, чтобы не «отнимать» почти всю прибыль у капиталистов в пользу люмпен-пролетариата. Другое замечание состоит в том, что чрезмерная налоговая нагрузка может повлечь отток капитала за границу и в целом ухудшит положение населения, в том числе самых бедных его слоев, но Дж. Ролз отмечал, что он предполагает «закрытое» общество (что в условиях глобализации, на наш взгляд, не вполне оправдано).

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что теория Дж. Ролза не объясняет, почему нужно распределять блага неравным образом, если лица в наименее благоприятном положении попали в него не вследствие естественных или социальных случайностей (которые и пытается преодолеть это неравное распределение), а по своему сознательному выбору. Так, Р. Дворкин отмечал, что когда неравенство в доходах – это результат выбора, а не обстоятельств, реализация принципов Дж. Ролза ведет к несправедливым результатам: общество финансирует дорогостоящее хобби одного за счет труда других [11, с. 134]. Такого же мнения придерживался У. Кимлик, задаваясь вопросом: «А что если я не родился в приви-

легирированной социальной среде и не получил особых талантов, но благодаря сделанному выбору и усилиям смог обеспечить себе более высокий доход, чем у других? Аргумент Ролза не объясняет, почему принцип дифференциации применим ко всем неравенствам, а не только к тем, которые связаны со случайными, в моральном отношении, факторами» [3, с. 148].

Нельзя не заметить, что Дж. Ролз в итоге вынужден был признать убедительность вышесприведенной критики, замечая, что человек, целыми днями занимающийся серфингом на Малибу, не вправе рассчитывать на общественные фонды [5, с. 83–84]. Для решения указанной проблемы ученый вводит такое первичное благо, как досуг, и корреспондирует его благу дохода. Иными словами, если человек беден, но и не пытался изменить это положение, значит он выбрал досуг вместо богатства.

Один из главных критиков теории справедливости Дж. Ролза Р. Дворкин, как и Ролз, отвергал свойственный утилитаризму понимание равенства как равенства благосостояния, под которым подразумевал два варианта:

а) равенство в положительных эмоциях – должно быть отвергнуто, поскольку необходимо установить его или хотя бы просто приблизиться к нему, даже если бы могли сравнивать значимость различных эмоций по объективным критериям;

б) равенство в возможности достижения каких-либо целей необоснованно, поскольку цели (политические, личные или безличные) должны быть ранжированы на правильные или неправильные.

Кроме того, в обоих случаях, писал критик, необходимо помнить, что человек привыкает к имеющемуся, поэтому, чем больше у него есть, тем выше его жизненный стандарт, тем больше потребностей, вследствие чего прежний уровень благ уже не в состоянии вызвать в нем аналогичные эмоции или способствовать достижению вновь возникающих жизненных целей. Следование в подобной ситуации правилу благосостояния привело бы к жертвованию теми, кто имеет малые потребности, ради тех, кто неумерен в желаниях.

Но если изложенное «равенство как благосостояние» неверно, то, по мнению Р. Дворкина, остается только понимание равенства как равенства ресурсов, конкретных благ, неза-

висимо от их реальной полезности для человека. Однако, конечно, нельзя опускаться до крайнего эгалитаризма. Встает вопрос о золотой середине: не нужно фанатично преследовать равенство возможностей, так как в конечном счете это стремление приведет к затратам ресурсов на перераспределение, при которых уменьшатся возможности каждого, но нам необходимо тем не менее найти способ преодолеть природные и социальные случайности. Р. Дворкин предлагает модель «страхования», согласно которой каждый в обществе должен жертвовать некоторое количество благ на случай, если окажется в группе наименее успешных [11, с. 135–152].

Теория Р. Дворкина также несвободна от критики. В частности, Р. Арнесон обращал внимание на то, что в реальности довольно сложно определить, в какой степени положение человека является его выбором, а в какой – действием случайных обстоятельств, и попытка какой-либо группы определить это встретит большое возмущение; кроме того, как писал У. Кимлика, следует учесть, что на успешность той или иной позиции (на значимость природных и социальных благ) можно указывать только применительно к конкретным обстоятельствам, которые всегда изменчивы [11, с. 153]. Вопрос состоит в том, сколько времени и сил нужно направить на ликвидирование этого незнания. Гипотетические вычисления, которых требует теория Р. Дворкина, слишком сложны подобно вычислениям пользы у утилитаристов, Дж. Ролз же прямо указывает, что теория справедливости должна быть простой и легко применимой, и в этом следует Канту, который хотел сделать применение категорического императива понятным даже «обыденному и неискушенному рассудку» [2, с. 153]. В итоге, по мнению У. Кимлика, на практике идеал Р. Дворкина почти не отличим от идеала Дж. Ролза [3, с. 175–177].

Не менее интересен и другой аргумент против теории справедливости Дж. Ролза, который также содержится в трудах Р. Дворкина и У. Кимлика. Дело в том, что критерием для определения наименее успешной группы населения у Дж. Ролза выступают только первичные социальные блага [1, с. 74], в то время как существуют еще и природные блага (таланты,

здоровье, окружающая среда и пр.). Поэтому по Дж. Ролзу, считает Кимлика, «получается, что два человека, если у них одинаковая доля первичных социальных благ, но при этом один из них физически или умственно неполноценен, могут считаться равными. И наоборот, если у кого-то больше первичных социальных благ, то это несправедливо, даже если эти блага не покрывают дополнительные расходы, связанные, например, с тяжелым заболеванием или инвалидностью. Возникает закономерный вопрос, почему оценка общественных институтов должна происходить с точки зрения тех, кто имеет наименьшую долю именно социальных, а не природных благ, ведь это противоречит всему, что было сказано ранее. Ведь с позиции людей в изначальной позиции для ведения успешной жизни в будущем здоровье не менее важно, нежели деньги» [11, с. 130]. Ролз не допускает, чтобы люди, богато одаренные от природы, получали большую долю благ, нежели природой обделенные, просто в силу самого этого факта. «Однако это несколько не смягчает неблагоприятные последствия несчастных случаев и социальных потрясений. Ведь человек с ограниченными возможностями вынужден нести дополнительные медицинские и транспортные расходы, которые являются следствием обстоятельств, а не сознательного выбора, и которые могут препятствовать ведению достойной жизни... И хотя Ролз утверждал, что незаслуженны как социальные, так и природные различия, он делал вывод, что первые должны быть компенсируемы, а вторые не должны влиять на распределение благ. Однако, если мы полагаем, что и социальные и природные различия не заслуженны, но случайны, то мы должны заключить, что компенсации подлежат как первые, так и вторые» [11, с. 131; 3, с. 162–165].

Таким образом, уточняя Дж. Ролза, нужно признать, что наименее обеспеченный слой населения должен определяться не только на основании индекса первичных социальных благ и случайности их распределения (например, долговая кабала, возникающая по извинительным обстоятельствам), но и в соответствии с индексом первичных природных и иных благ, и случайности их распределения (например, люди с тяжелыми заболеваниями, за воз-

никновение которых они не отвечают, вынуждены тратить значительные средства для поддержания нормальной жизнедеятельности, и с учетом этого относятся к группе наименее обеспеченных даже, если имеют немалый доход). А. Сен выделял в связи с этим роль не только физических и умственных увечий, но и окружающей среды и социальной обстановки, которые также влияют на возможность использования ролзовских первичных социальных благ [8, с. 331–332].

Называя одним из видов первичных благ возможности, Дж. Ролз отчасти сгладил рассматриваемую проблему, но благо возможностей касается только замещения должностей, где мы, отмечает ученый, действительно должны обеспечить инвалидам возможности для трудоустройства, а людям с низким уровнем интеллекта – для образования. В остальном же, по его мнению, различия должны устраняться не напрямую, а через перераспределение доходов и богатств по принципу различия.

Подводя итог вышеизложенному, констатируем, что второй принцип справедливости, сформулированный Дж. Ролзом, далек от полноты, в частности, для создания справедливой системы перераспределения материальных благ необходимо различать случайные и сознательные факторы меньшей обеспеченности отдельных лиц социальными благами, а кроме того, учитывать различия не только в социальных, но и в природных благах членов общества. Обоснованные возражения в научном сообществе вызвал также предложенный Ролзом принцип справедливых сбережений, главной идеей которого является недопустимость существования настоящего за счет будущего или, напротив, только ради будущего. Одной из самых сложных остается проблема поиска той меры, в пределах которой следует стремиться уравнивать реальные возможности людей по реализации их прав и свобод. Представляется, что необходимо избегать такого тотального регулирования, которое поставит под угрозу верховенство первого принципа справедливости (принципа равных свобод) и потребует таких бюджетных затрат, при которых положение наименее обеспеченных слоев в целом еще более ухудшится.

Литература

1. Алексеева Т. А. Справедливость как договор (критический анализ теории Джона Ролза) // Проблемы политической философии. М., 1991.
2. Кант И. Критика практического разума // Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007.
3. Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. М., 1998.
4. Кузьмина А. В. Идея справедливости в либеральной традиции. М., 1998.
5. Ролз Дж. Идея блага и приоритет права // Современный либерализм. М., 1998.
6. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1 (52).
7. Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009.
8. Сен А. Идея справедливости. М., 2016.
9. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006.
10. Хеффе О. Справедливость. Философское введение. М., 2007.
11. Чурносов И. М. Правовая концепция Рональда Дворкина: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Bibliography

1. Alekseeva T. A. Justice as contract (critical analysis of the John Rawls theory of justice) // Issues of political philosophy. Moscow, 1991.
2. Kant I. Critique of Practical Reason // The fundamentals of the metaphysics of morality. Critique of practical reason. Metaphysics of manners. St. Petersburg, 2007.
3. Kymlicka Yu. Liberal equity // Modern liberalism. Moscow, 1998.
4. Kuz'mina A. V. The idea of justice in the liberal tradition. Moscow, 1998.
5. Rawls J. The Priority of Right and Ideas of Good // Modern liberalism. Moscow, 1998.
6. Rawls J. Justice as fairness // Logos. 2006. № 1 (52).
7. Rawls J. A theory of justice. Moscow, 2009.
8. Sen A. The idea of justice. Moscow, 2016.
9. Hayek F. Law, legislation and liberty. Moscow, 2006.
10. Hoeffe O. Justice. A Philosophical Introduction. Moscow, 2007.
11. Churnosow I. M. Philosophy of law by R. Dworkin: dis. ...PhD in law. Moscow, 2014.

Донцова Кристина Борисовна
Dontsova Kristina Borisovna

аспирант Саратовской государственной юридической академии.

Postgraduate, the Saratov State Law Academy.

E-mail: vestnik2@ssla.ru

**ПРЕДМЕТ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

The subject of procedural and legal regulation: the general theoretical aspect of study

В статье рассматриваются вопросы понятия, предмета и специфики процессуального права, а также соотношения категорий «юридический процесс» и «юридическая процедура». Автор анализирует два основных подхода к пониманию юридического процесса, приводит аргументы в пользу перспективности общетеоретического понимания юридического процесса как процессуальной деятельности суда. Предлагается авторское определение понятия предмета правового регулирования процессуального права.

Ключевые слова: процессуальное право, предмет правового регулирования, юридический процесс, юридическая процедура.

The article discusses the concepts, the subject and the specifics of procedural law and correlation of categories «legal process» and «legal procedure». The author analyzes two main approaches to understanding the legal process, giving arguments in favor of the perspective of a general theoretical understanding of the legal process as a procedural activity of the court. The author's definition of the subject of legal regulation of the procedural law is proposed.

Keywords: procedural law, subject of legal regulation, legal process, legal procedure.

В последнее время вопросы, связанные с пониманием и трактовкой процессуального права, определением оснований его формирования и выделения в системе права, особенностей и значения, представляют не только научный, но и практический интерес. Так, неоднозначность понимания процессуального права, оснований отнесения различных норм права именно к процессуальным на практике имеет непосредственное отношение к работе над объединением арбитражного и гражданского процессуальных кодексов. Принятие и вступление в законную силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [25] позволяет вновь поставить вопрос о необходимости дифференциации процессуальной составляющей отечественной системы права.

Вместе с тем юридическая наука лишена стройной системы знаний о процессуальном праве, отражающем реальную правовую действительность, основанную на закономерностях ее развития и на стройной цепочке научных и эмпирических аргументов. При этом на специально-отраслевом уровне за последние

годы накоплено достаточно материала для широкого общетеоретического обобщения знаний о процессуальной составляющей российского права, что заставляет автора оценить имеющиеся наработки с точки зрения различных подходов к пониманию природы юридического процесса и определиться с теоретической конструкцией «процессуальное право» для последующего соотношения с материальным правом. При этом логично будет обратиться к основаниям формирования отраслей права, процессу дифференциации его системы, особенностям процессуальных норм и другим сопутствующим вопросам.

В юридической науке общепризнано, что отрасли права, являясь важнейшим элементом его внутреннего строения, объединяют совокупность правовых норм, направленных на регламентирование однородных общественных отношений, и дифференцируются по двум критериям: предмету и методу правового регулирования. Как элемент системы права, отрасли имеют объективный характер и в меньшей степени зависят от воли зако-

нодателя, и во многом определяют систему источников права [1, с. 17; 4, с. 282–289].

Все многообразие отраслей права предлагается делить по различным основаниям, выделяя базовые (конституционное право), профилирующие (гражданское право, уголовное право, административное право, гражданское процессуальное и уголовно-процессуальное право), специфические отрасли права (финансовое, трудовое, семейное и другие), а также отдельные отраслевые семьи, под которыми понимается совокупность отраслей права, объединенных на основе общности предмета и метода правового регулирования. К последней категории относится публичное и частное право, материальное и процессуальное право [15, с. 408–411]. Для выделения процессуального права большое значение имеет обозначение тех общественных отношений, которые регламентированы его нормами. Поскольку основой краевого содержания процессуальных отраслей выступает процесс, то понимание последнего, а также близкого к нему понятия «процедура» входит в определение предмета правового регулирования процессуального права и его трактовку.

Предметом правового регулирования самостоятельной отрасли права выступают устойчивые и повторяющиеся общественные отношения, не урегулированные уже существующей отраслью по причине их специфики, но нуждающиеся в правовой регламентации. К предмету процессуального права также относятся процессуальные отношения, их специфика и понимание.

К настоящему времени оформились два основных подхода к определению понятия юридического процесса и его границ: так называемые «широкий» и «узкий» подходы. Первый получает все большую популярность и объединяет сторонников рассмотрения процесса и процессуальной составляющей в системе права с использованием исходной методологической установки и философских категорий «содержание» и «форма». Появление идей широкого подхода связывается с исследованиями П. Е. Недбайло в середине 50-х годов XX века, посвященными гарантиям реализации норм права [16, с. 20–29]. Одной из гарантий их осуществления автор называет процессуальную форму всякой деятельности, связанную с применением правовых

предписаний, которая состоит из правил, определяющих порядок реализации нормативных правовых актов в жизни.

Более обстоятельную разработку эта идея получила в 70–80-е годы прошлого столетия [8; 12; 27] и продолжает развиваться в современной науке [22, с. 15–26; 17] не только российского права, но и других стран. Так, в юриспруденции Франции процедура позиционируется как последовательность актов или операций, которые должны быть осуществлены в определенном порядке в присутствии определенных представителей власти или частных лиц с целью добиться исполнения того или иного юридического акта [23, с. 130]. В рамках данного представления процедуры связаны как с действиями уполномоченных государством должностных лиц, так и с действиями частных лиц и участников отношения.

Представители широкого подхода понимания процесса включают в него не только деятельность, регламентированную процессуальными отраслями права, но и деятельность нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния, социального обеспечения и других. Например, имеющими процессуальный характер предписаниями называются нормы конституции и иных законов, посвященные разрешению разногласий палат, порядку утверждения полномочий депутатов [11, с. 40–47], статусу личности (производство по делам о гражданстве, о беженцах и так далее), внутрисистемным изменениям в Российской Федерации (порядок изменения статуса субъекта Российской Федерации, порядок изменения наименования субъекта Российской Федерации), избирательному процессу [22, с. 17].

Юридический процесс в трактовке широкого понимания связан с совершением действий по реализации норм права на основе стадий правоприменительной деятельности, которая осуществляется компетентными субъектами, наделенными властными полномочиями на рассмотрение конкретных юридических дел и принятие юридических актов. Такая деятельность нуждается в процедурно-процессуальной регламентации [7, с. 3–11].

Для сторонников широкого понимания процесса любая процедурная деятельность, связанная с правоприменением, представляет собой процесс. Однако, несмотря на привлекательность и простоту такого под-

хода к определению юридического процесса в качестве предмета правового регулирования процессуального права, в нем остается масса неточностей, делающих его весьма уязвимым. Критические замечания положений широкого подхода основаны на допущении его сторонниками смешения понятий «процесс» и «процедура».

В целях максимально четкой регламентации общественных отношений и реализации их участниками субъективных прав и обязанностей на нормативном уровне устанавливается порядок совершения действий, создается модель движения какого-либо явления, предполагающая наличие нескольких ступеней деятельности. Названные действия относятся к правовым процедурам, которые присущи как материальному, так и процессуальному праву, но они не могут смешиваться, поскольку имеют различное назначение [18, с. 44–45]. Материальная процедура предназначена для эффективной реализации материальных регулятивных правоотношений, в которых осуществляется обычное, позитивное поведение участников, а процессуальная процедура – для материальных охранительных правоотношений [18, с. 31].

Примером иерархичной, сложносоставной материальной процедуры выступает порядок приема, который включает следующие элементы: определение требований к гражданину, желающему заключить трудовой договор, гарантии при заключении трудового договора, перечень необходимых для его заключения документов, установление формы трудового договора, определение круга лиц, имеющих право на заключение договора со стороны работодателя, порядок извещения работника о решении администрации работодателя, правила фактического допущения к работе, особые условия, трактуемые как заключение трудового договора, порядок заключения трудового договора в случае перевода.

Анализ рассмотренной процедуры демонстрирует верность упреков смешения порядка осуществления различных видов правоприменительной деятельности. Проводя сравнение процессуально регламентированной деятельности суда и иных субъектов правоприменения, сходные черты, конечно, обнаруживаются, однако это не должно становиться предпосылкой нивелирования более важных признаков нетождественных объектов.

Представителями широкого подхода к пониманию процесса не разъясняется ситуация, при которой правовая процедура и процедурная деятельность имеют место в других формах реализации права, не связанных с правоприменением (исполнение, использование).

Помимо этого, затруднительно найти ответ на вопрос, почему при таком распространении процедурно-процессуальной деятельности в различных сферах, регламентируемых правом, далеко не все ее виды становятся предметом регулирования норм процессуальных отраслей? И дело в этом случае состоит совсем не в субъективных факторах, влияющих на формирование отраслей права и отраслей законодательства, а в несоответствии выводов представителей широкого понимания процесса теоретической и практической юриспруденции о дифференциации процедурной и процессуальной формы деятельности.

С. С. Алексеев указывал, что не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом. Юридический процесс – не просто длящиеся, растянутые во времени юридические отношения, а особая процедура, которая выражает специфические юридические режимы применения права. Следует не только сохранить категорию «процессуальная форма», но и утвердить в теории права понятие «юридическая процедура» [3, с. 237].

Верным, на наш взгляд, является утверждение А. М. Васильева о том, что процессуальная форма как юридический феномен установлена законом не для каждой правоприменительной процедуры, а только для такой, в которой охраняемые права и интересы требуют дополнительных гарантий и средств защиты через суд – орган, специально уполномоченный на применение наказаний, административных и гражданских санкций, а также на разрешение споров по гражданским, трудовым, семейным и другим делам [6, с. 13]. Так, если речь идет о регламентации деятельности государственных органов, то следует говорить о процедуре, если же о деятельности судебных органов, то корректнее применять понятие «процесс».

Особую связь между характером отношений и пониманием процесса и процедуры обнаруживаем в работах С. С. Алексеева, который подчеркивает, что на основе правоохранительных отношений, имеющих мате-

риально-правовой характер, складываются и соответствующие процессуальные отношения, опосредующие порядок и процедуру применения государственно-принудительных мер юридической ответственности и защиты [2, с. 285].

О необходимости разграничения правовых процедур указывалось как в общей теории права, так и в отраслевых науках. Представители науки гражданского процессуального права настаивают на том, что юридические процедуры должны относиться только к материальному праву. Так, И. М. Зайцев и Н. А. Рассахатская утверждают, что юридические процедуры всегда составляют часть материально-права, так как регламентированы материально-правовыми нормами в отличие от процессов, регулируемых нормами процессуальных отраслей права [10, с. 50].

Указанный выше недостаток широкого подхода к пониманию процесса преодолевается представителями «узкого» подхода, основанного на отстаивании специфики юридической материи, на строгом различии процедуры и процесса, представляющего собой процессуальную деятельность в рамках судопроизводства [19, с. 17].

Понимание процесса в рамках узкого подхода основано на вычленении из всего объема материально-правовых отношений охранительного правоотношения, благодаря которому процесс выделяется из всех других видов юридических процедур [18, с. 62]. Основное назначение охранительного правоотношения видится в том, чтобы устранить препятствия на пути реализации регулятивного правоотношения и либо дать ему возможность развиваться, либо подвести итог неудавшемуся правоотношению.

Участниками охранительного правоотношения выступают компетентные государственные органы, деятельность которых является сложной формой правоприменительной деятельности – процессуальной деятельностью, характеристика которой складывается из следующих признаков: реализовывается органами, призванными осуществлять охранительные функции (суд, прокуратура, полиция, государственные инспекции); решает правоохранительные задачи (установление виновных и применение к ним справедливых мер правового воздействия, охрана прав, сво-

бод и законных интересов личности и т. п.); стадийна; обязательно присутствует в стадии доказывания; наличие и функционирование системы особых гарантий для участников процессуальной деятельности [13, с. 80–81]. Такое понимание процессуальной деятельности получило в юридической литературе название традиционного.

Отметим, что теория охранительного правоотношения позитивно отразилась на решениях вопроса об определении процессуального и процедурного в правовой материи. Именно в ней четко просматриваются вполне аргументированные позиции по разграничению процедуры и процесса. Кроме этого, теория правоохранительного правоотношения позволила разграничить правоприменение-процесс от иной правоприменительной деятельности.

Вместе с тем, оценивая оба подхода с точки зрения состояния практической сферы юриспруденции, реализации регулятивных и охранительных отношений, развития системы права и законодательства, вынуждены отметить, что и традиционное понимание процесса небезупречно и создаст почву для сомнений и дальнейших разработок этого вопроса.

В целом соглашаясь с большинством выводов и поддерживая традиционное понимание процесса, тем не менее считаем, что непосредственно процессом можно назвать лишь процессуальную деятельность суда по следующим причинам.

Во-первых, суд – орган государства особой природы, со специфическими задачами и целями, формами и методами деятельности, а потому общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия, имеют специфические черты, касающиеся особого субъектного состава и содержания [5, с. 56]. Деятельность суда по охране и восстановлению нарушенного права отличается от деятельности иных субъектов правоприменения, осуществляющих правоохранительную функцию, и сложностью, и результатом. В связи с этим не случайным представляется конституционное установление формы реализации судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Наличие в Конституции этой нормы ста-

ло основанием для позиции, которую занимают некоторые представители процессуальных наук [20, с. 16]. Они считают, что в современном российском праве есть всего четыре процессуальные формы деятельности (четыре вида процесса), установленные п. 2 ст. 118 Конституции РФ. Все, что выходит за их рамки, предлагается признать процедурами.

Во-вторых, все процессуальные отрасли современного права сопряжены с деятельностью именно судов. Надо полагать, что существование системы судов, специализирующихся на рассмотрении определенных категорий дел, заставляет законодателя создавать процессуальный закон, регламентирующий их деятельность. Например, прокурорская деятельность, являясь процедурной и правоохранительной по своему содержанию и характеру, или деятельность нотариата, хотя и регламентируются процедурными положениями, однако не вызывают появления кодифицированного процессуального нормативного правового акта. Именно деятельность судов, как наиболее сложный вид правоприменения, становится предметом регулирования последнего.

Подтверждение этой идеи находим в практике формирования не имеющих места ранее процессуальных отраслей: конституционной, арбитражной, административной. Так, конституционное судопроизводство связано с функционированием Конституционного суда, деятельность которого регламентирована специальным конституционным законом [26], содержащим преимущественно нормы процессуального характера, а также Регламентом Конституционного суда Российской Федерации [21]. Это обстоятельство дало возможность утверждать факт зарождения процессуальной отрас-

ли права – конституционно-судебного права [14, с. 196–212].

Объективно сложившееся и признаваемое многими административно-процессуальное право также связано со специализацией в системе судебных органов, подтвержденной принятием самостоятельного кодифицированного акта – Кодекса административного судопроизводства.

В некоторых учебных источниках однозначно, без анализа содержания дискуссий по этому вопросу, предметом правового регулирования процессуальных отраслей права называются общественные отношения по поводу применения норм материального права в процессе разрешения юридических дел и споров, преимущественно в суде [9, с. 119].

Представители традиционно признаваемой гражданской процессуальной отрасли в качестве предмета правового регулирования рассматривают правоприменительную деятельность судов по защите оспариваемых или нарушенных субъективных прав физических лиц и организаций, признаваемых и не признаваемых юридическими лицами [24, с. 26].

С учетом изложенного полагаем, что предметом правового регулирования процессуального права являются правоприменительные отношения охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений.

Литература

1. Алексеев С. С. О материалистическом подходе к системе советского права // Правоведение. 1961. № 3.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. Т. 1.
3. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.
4. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.

Bibliography

1. Alekseev S. S. About materialistic approach to the system of Soviet law // Jurisprudence. 1961. № 3.
2. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 vols. Moscow, 1981. Vol. 1.
3. Alekseev S. S. Soviet law structure. Moscow, 1975.
4. Baytin M. I. The Essence of law (modern regulatory law on the verge of two centuries). 2 nd ed., added. Moscow, 2005.

5. Боннер А. Т. Существует ли юридический процесс? // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980.
6. Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980.
7. Горшенев В. М. Природа юридического процесса как комплексной системы // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1980.
8. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
9. Григонис Э. П. Теория государства и права: курс лекций. СПб., 2002.
10. Зайцев И. М., Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2.
11. Ким А. И., Основин В. С. Государственно-правовые нормы и их особенности // Правоведение. 1967. № 4.
12. Краснов Н. И., Иконичкая И. А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975.
13. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003.
14. Овсепян Ж. И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2.
15. Оксамытный В. В. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2004.
16. Недбайло П. Е. О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм // Советское государство и право. 1957. № 6.
17. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005.
18. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
19. Проблемы судебного права / под ред. В. М. Савицкого. М., 1983.
20. Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995.
21. Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 10.11.2016) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.
5. Bonner A. T. Is there a legal process? // Works VUZE. The problem of correlation between substantive and procedural law. Moscow, 1980.
6. Vasiliev A. M. For enforcement and procedural law // Works VUZE. The problem of correlation between substantive and procedural law. Moscow, 1980.
7. Gorshenev V. M. Nature of the legal process as an integrated system // Actual problems of legal process in national government. Yaroslavl, 1980.
8. Gorshenev V. M. Methods and organizational forms of legal regulation in the socialist society. Moscow, 1972.
9. Gregonis E. P. Theory of state and law: a course of lectures. St. Petersburg, 2002.
10. Zaitsev I. M., Rasskhodkay N. A. The civil procedural form: the concept, content and the value // State and law. 1995. № 2.
11. Kim A. I., Osnovin V. S. State legal norms and their characteristics // Law. 1967. № 4.
12. Krasnov N., Ikonitskaya I. A. Procedural issues of Soviet land law. Moscow, 1975.
13. Lukyanova E. G. Theory of procedural law. Moscow, 2003.
14. Ovsepiyan Zh. I. Constitutional judicial procedural law: the origins of the field of law, science and academic discipline // Jurisprudence. 1999. № 2.
15. Axamitny V. V. Theory of state and law: textbook for high schools. Moscow, 2004.
16. Nedbaylo P. E. On legal guarantees correct implementation of the Soviet legal norms // Soviet state and law. 1957. № 6.
17. Pavlushina A. A. Theory of the legal process: problems and prospects: dis. ... doctor of law. Samara, 2005.
18. Protasov V. N. Fundamentals of General procedure theory. Moscow, 1991.
19. The problem of legal rights / edited by V. M. Sawicki. Moscow, 1983.
20. Rasskhodkay N. A. Civil procedure form: abstract of dis. ... PhD in law. Saratov, 1995.
21. The rules of the constitutional Court of the Russian Federation (as amended on 10.11.2016) // Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation. 2016. № 4.
22. Salikov M. S. Constitutional-procedure law as science, branch of law and discipline // Law and politics. 2000. № 4.
23. Sandevoyr P. Legal procedures in French law: Russian-French series of educational and informational materials. 2nd ed. Moscow, 1994.

-
-
22. Саликов М. С. Конституционно-процессуальное право как наука, отрасль права и учебная дисциплина // *Право и политика*. 2000. № 4.
23. Сандевуар П. Юридические процедуры во французском праве: российско-французская серия учебных и информационных материалов. 2-е изд. М., 1994.
24. Свирин Ю. А. О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // *Адвокат*. 2014. № 10.
25. Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2017. № 31. Ч. I. Ст. 4772.
26. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447; 2017. № 1. Ч. I. Ст. 2.
27. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976.
24. Svirin Yu. A. On the unity of civil procedure and civil procedural law // *Lawyer*. 2014. № 10.
25. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391; 2017. № 31. Vol. I. Art. 4772.
26. Federal constitutional law of 21.07.1994 № 1-FCL (an edition from 28.12.2016) «On the constitutional Court of the Russian Federation» // *Meeting of the legislation of the Russian Federation Code*. 1994. № 13. Art. 1447; 2017. № 1. Vol. I. Art. 2.
27. *Legal procedural form. Theory and practice* / ed. P. E. Nedbaylo, V. M. Gorshenev. Moscow, 1976.

Федин Илья Геннадьевич
Fedin Ilya Gennadievich

соискатель Алтайского государственного университета.

Aspirant, the Altai State University.

E-mail: fedinig@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ДОБРОСОВЕЩНОСТИ С КАТЕГОРИЯМИ
«РАЗУМНОСТЬ» И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Correlation of conscientiousness with categories of «reasonableness» and «justice»

Статья посвящена понятию добросовестности как наиболее обсуждаемой в российской научной литературе категории, которую исследователи пытаются объяснить посредством устоявшихся подходов. Автор предпринимает попытку комплексного анализа добросовестности на предмет степени сопряженности с понятиями «разумность» и «справедливость». Целью статьи является определение места добросовестности в системе смежных и сопряженных категорий для устранения конкуренции между ними и разработки в будущем научных гипотез для разграничения последних. Возможность и степень такого разграничения определяются раскрываемой в статье природой данных категорий.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, справедливость, принципы права, правовые категории, российская правовая культура.

The article is devoted to the concept of conscientiousness, as the category most discussed in the Russian scientific literature, which is constantly being tried to explain it, through established approaches. For the purpose of overcoming the current situation, the article attempts to analyze the integrity of integrity in terms of the degree of contiguity of this category with the concepts of «reasonableness» and «justice». The purpose of the article is to determine the place of conscientiousness in a system of related and related categories, to eliminate competition between them and to develop in the future scientific hypotheses for the delineation of the latter. The possibility of such a distinction and its degree are determined by the nature of these categories disclosed in the article.

Keywords: conscientiousness, reasonableness, justice, principles of law, legal categories, Russian legal culture.

В настоящее время понятие «добросовестность» является одной из наиболее обсуждаемых в научной литературе оценочных категорий, в исследовании которой наблюдается постоянное применение ранее опробованных методов. Вместе с тем применение устоявшихся теоретических подходов к пониманию добросовестности вопреки целям исследователей приводит скорее к повышению абстрактности в трактовке этого понятия, чем к разработке теоретически значимых результатов. В связи с этим актуальным является вопрос о применении новых подходов к исследованию добросовестности.

Как показывает сложившаяся практика, одним из эффективных методов исследования отдельно взятой категории является определение ее места в системе смежных и совместимых понятий. Учитывая это, необходимо определить, какие правовые понятия являются сопряженными с категорией добросовестности

и в какой степени их пересечение определяет природу добросовестности. В контексте сказанного необходимо отметить, что существующие научные разработки на тему добросовестности не дают хотя бы частичного понимания в вопросе ее разграничения с иными понятиями и их градации в рамках определенной иерархии правовых категорий. Имеющиеся исследования затрагивают лишь вопросы о смысловом наполнении добросовестности и иных основополагающих оценочных понятий.

Анализ действующего законодательства показал, что добросовестность, в случае ее использования при конструировании нормативного материала в совокупности с другими оценочными понятиями, чаще всего применяется в комплексе с категорией «разумность». Например, согласно ч. 3 ст. 602 ГК РФ при разрешении спора между сторонами об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину, суду не-

обходимо руководствоваться принципами добросовестности и разумности [1].

Согласно ч. 2 ст. 6 ГК РФ, при невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости [1]. В представленной норме понятие «добросовестность» тесно взаимосвязано со смысловыми единицами «разумность» и «справедливость», что указывает на наличие, с точки зрения законодателя, определенной связи между перечисленными концептами.

Постоянное, одновременное, а также преимущественное использование законодателем понятий «добросовестность», «разумность» и «справедливость», схожесть их смыслового наполнения при поверхностном рассмотрении позволяют с опорой на представленную эмпирическую базу сделать вывод, что перечисленные категории являются правовыми и как минимум смежными, а как максимум сопряженными и пересекающимися. Неопределенность в вопросе о степени сопряжения данных понятий требует углубленного исследования их соотношения для последующего разграничения.

Не вдаваясь в глубокий анализ понятий «разумность» и «справедливость», а исследуя их лишь в той степени, которая позволяет познать соотношение таковых с категорией «добросовестность», рассмотрим сначала понятие «разумность». В общеизвестном значении разумность – это свойство человеческого сознания, основанное на интеллектуально-волевой деятельности, направленное на реализацию поставленной им цели оптимальным способом, причем поставленная цель должна соответствовать критериям истинности. Следовательно, в общем понимании разумная деятельность – это интеллектуальная и волевая деятельность, имеющая адекватные цели.

В большинстве исследований, посвященных разумности, последняя определяется как средний интеллектуальный уровень. К примеру, разумными, по мнению В. И. Емельянова, следует считать действия, которые совершил бы человек, обладающий нормальным или средним уровнем интеллекта, знаний и жизненного опыта [12, с. 102]. Именно поэтому в отечественной юридической литературе разум-

ность, применимую к соответствующему субъекту, предлагается называть «средний человек» [8, с. 101]. Следовательно, разумные действия – это адекватные и рациональные действия, которые может и должен совершать субъект, обладающий средним уровнем интеллекта.

Анализируя соотношения принципов разумности и добросовестности, выделяют две позиции, в соответствии с которыми приведенные категории предлагается рассматривать как два обособленных принципа или понимать принцип разумности как часть принципа добросовестности [9]. Рассмотрим соотношение указанных принципов с точки зрения названных позиций.

Подвергнув категории разумности и добросовестности глубокому анализу в работе «Категории “добросовестность” и “разумность” в гражданском праве: вопросы соотношения», Е. В. Василенко отмечал, что рассмотренные принципы являются самостоятельными [9, с. 16]. Между тем в своем исследовании ученый сделал важные выводы, указывающие на вторичность принципа разумности по отношению к принципу добросовестности: «Категории “разумность” и “добросовестность” являются тесно взаимосвязанными. При решении вопроса о добросовестности следует учитывать действие принципа разумности». Добросовестность, по его мнению, в большей степени характеризует объективную сторону осуществления прав, а разумность – субъективную [9, с. 17].

Данное умозаключение наглядно демонстрирует разделение добросовестности в процессе анализа на объективную и субъективную части и включенность в состав субъективной стороны добросовестности категории разумности.

Придерживаясь противоположной точки зрения и развивая позицию единства рассматриваемых категорий, Л. Н. Симантович отметила, что разумность является более узкой категорией, чем добросовестность. Разумность – это основанный на добросовестности баланс своих и чужих интересов, то есть осмысленность субъектом своего поведения, предполагающая наличие соответствующего опыта. В отличие от механизма воздействия императивных норм, точно описывающих меру дозволенного или запрещенного поведе-

ния, требование разумности заставляет субъекта взвешивать на весах совести свои и чужие интересы, основываясь на личном мнении. При этом разумным является действие, не нарушающее границу интересов другого лица [17, с. 81–82].

Данные выводы формируют один из важных тезисов, утверждающих, что разумность как более узкий принцип базируется на принципе добросовестности.

К такому же выводу приходят высшие судебные инстанции. К примеру, Верховный суд Российской Федерации в одном из обзоров судебной практики определил, что о недобросовестности приобретателя могут свидетельствовать обстоятельства, подтверждающие, что он знал или при проявлении разумной осмотрительности должен был знать о приобретении имущества у лица, не имевшего права его отчуждать [3]. Выдержка из данного правового акта подтверждает, что с точки зрения высших судебных органов разумность входит в добросовестность как критерий субъективной оценки, имеющий определенную, установленную данными органами характеристику.

Требуется подчеркнуть, что позицию, согласно которой категория «добросовестность» является более общей по отношению к категории «разумность», разделяют большинство исследователей. Так, М. Ф. Лукьяненко отмечала: «Разумность выступает лишь в качестве признака, свойства других явлений. Понятие “разумность” самостоятельного значения как оценочное понятие в гражданском праве не имеет» [15, с. 253]. Приведенное мнение уточняет сказанное о соотношении категорий, обнаруживая разумность как предельно узкий и несамостоятельный принцип. Подобное мнение имеет и А. В. Волков, который полагает: «Разумность представляет собой структурную сторону добросовестности, а добросовестность – собирательную форму здравого адекватного, честного поведения» [10, с. 150].

Вместе с тем, если принимать во внимание тезис о том, что разумность входит в добросовестность как составная часть, то при рассмотрении законодательных норм, в которых ссылка производится одновременно на разумность и добросовестность или только на разумность, можно прийти к обратному выводу, что последняя является самостоятельным принципом. В качестве примера можно при-

вести п. 4 ст. 450 ГК РФ, согласно которому сторона, которой предоставлено право на одностороннее изменение договора, должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно [1]. Однако считаем, что указанное предположение и приведенная норма не опровергают формируемую нами гипотезу, так как в положении законодательства и в иных подобных нормах законодатель, не смотря на включенность в добросовестность разумности, говоря о последней, акцентирует внимание на субъективной стороне добросовестности. Соответствующее предписание, таким образом, обязывает предполагаемого добросовестного правоприменителя осуществлять более пристальный субъективный анализ юридически значимых действий.

Обращение к эмпирической базе настоящего исследования будет являться наиболее наглядной демонстрацией обоснованности этой гипотезы. Статья 1 ГК РФ, устанавливая принцип добросовестности в качестве основополагающего, не называет в числе таковых принцип разумности. Между тем ст. 10 ГК РФ, определяя признаки злоупотребления правом, а, следовательно, и добросовестного поведения, указывает, что добросовестность и разумность участников правоотношений предполагается [1]. Таким образом, законодатель, обязывая участников правоотношений на уровне фундаментальных принципов действовать добросовестно, определяет на более низком по юридической силе уровне, что добросовестность предполагается до тех пор, пока не доказано иное, и дополнительно требует придерживаться разумности как второстепенного критерия оценки действий субъектов в рамках добросовестного поведения.

Исходя из раздела 6 Международных правил толкования торговых терминов «Инкотермс 2000», слово «разумный» требует оценки не с точки зрения мировой практики, а с учетом более сложного принципа добросовестности и честной деловой практики [2]. Следовательно, отстаиваемая позиция имеет свое эмпирическое подтверждение на уровне международных правовых актов. Представляется, что включение принципа разумности в принцип добросовестности связано с необходимостью ограничения непосредственно принципа разумности для более гармоничного их сочетания при реализации, в том числе по отдельности.

Продвигаясь по пути исследования вопросов соотношения основополагающих правовых категорий с добросовестностью, остановимся на кратком анализе справедливости. Справедливость означает такое положение вещей, которое рассматривается как должное, отвечающее представлениям о сущности человека, его неотъемлемых правах, исходящее из признания равенства между всеми людьми и необходимости соответствия между деянием и воздаянием за добро и зло [14, с. 16]. Справедливость является крайне абстрактной категорией, встречающей различное понимание.

В научной литературе существуют точки зрения, которые полностью разграничивают понятия «добросовестность», «разумность» и «справедливость». Анализируя рассматриваемые понятия, Е. Е. Богданова указывает: «Большей гибкости и эффективности для применения будет способствовать использование данных принципов по отдельности и в определенных случаях в совокупности. Наряду с несомненной важностью введения добросовестности в качестве общего принципа гражданского права следует такое же внимание оказать принципам разумности и справедливости» [7, с. 22]. Действительно, развитие данных принципов как обособленных, их умозрительное разграничение и применение по отдельности способствовало бы эффективной реализации соответствующих правовых норм, в которые данные категории включены. Однако в юридической литературе преобладающее количество исследований дает основание для выводов о имеющемся единстве данных категорий.

Так, по мнению известного специалиста в области римского права Д. В. Дождева: «На уровне индивидуальных поведенческих установок и ценностных ориентаций комфортность (ориентация на общепринятые стандарты поведения) принципам справедливости выражает понятие добросовестности. Этот психологический аспект правового поведения, являясь продуктом и отражением правового принципа формального равенства и соразмерности в отношениях обмена, отражает необходимое соучастие субъекта правового общения в формировании и поддержании правовых установок и принципов» [11, с. 97]. Позиция Д. В. Дождева указывает на то, что с субъективной позиции правоприменителя рассмат-

риваемые понятия неразделимы, а характеристика обстоятельств с точки зрения одной лишь добросовестности включает в себя анализ ситуации в рамках справедливости и не требует ссылки на последнюю в правовых текстах. Приведенное мнение ученого отражает также иерархию рассматриваемых категорий при их теоретическом осмыслении, в рамках такой градации основополагающим является принцип равенства, из которого вытекает добросовестность, являющаяся в свою очередь фундаментальной категорией для справедливости и разумности.

Р. Гуд также определяет добросовестность через понятие «справедливость», отмечая, что добросовестность представляет неопределенное понятие справедливости, которое делает судебные решения непредсказуемыми [21]. Как и другие исследователи, Р. Гуд отмечает таким образом включенность справедливости в структуру добросовестности.

Европейский суд по правам человека в рамках одного из последних и широко обсуждаемых в юридическом сообществе судебных актов по делу «Гладышева против Российской Федерации», обосновывая добросовестность приобретателя и указывая на необходимость защиты его прав, определил, что вмешательство в право на уважение собственности должно устанавливать «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав лица [4]. Такой подход, сформулированный в акте международной юстиции, обязательном для Российской Федерации, выражает необходимость учитывать принцип справедливости при оценке действий субъекта на предмет добросовестности.

Принимая во внимание, что настоящая статья посвящена исследованию своего предмета в рамках российского права, при анализе связи между добросовестностью и справедливостью считаем необходимым обратиться к пониманию их соотношения в правовой культуре и правосознании. Такой метод, по нашему мнению, учитывая уникальность сферы, в рамках которой исследуется предмет, позволит объективно определить понимание соотношения рассматриваемых категорий в российском праве.

Рассуждая на эту тему, судья Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин отметил: «За-

щица права и свободу человека, Конституционный Суд исходит из того, что само понятие свободы не беспредельно. С позиций христианской этики свобода может подпасть под власть греха, в своей извращенной форме пробуждать самые низменные инстинкты, которые превращают человека в зверя. Именно поэтому Конституция предполагает в необходимых случаях ограничение прав и свободы человека, чтобы свобода не превратилась в анархию, а искаженное понимание права – в правовой беспредел» [13, с. 302]. Изложенное примечательно тем, что даже судья Конституционного суда Российской Федерации указывает на необходимость учета в отечественной юрисдикции канонов христианской этики на самом высоком правоприменительном уровне, в противном случае могут быть извращены фундаментальные правовые основы.

Размышляя в данном русле, В. Д. Зорькин также подчеркнул: «Конституционное положение о социальной справедливости и социальном государстве находится в серьезном противоречии с идеологией радикального либерализма, которая считает социальную справедливость в условиях рынка атавизмом» [13, с. 305–306]. Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что нынешняя либеральная политико-правовая парадигма, на которой строится правовая система Российской Федерации, рассматривает справедливость с определенной точки зрения, не согласующейся с традиционными для российского общества христианскими ценностями.

По мнению В. В. Сорокина, ценности свободы, равенства и справедливости выглядят неполноценными в отрыве от ценностей высшего порядка – религиозно-нравственных духовных основ. Справедливость без милосердия может оказаться причиной гуманитарной катастрофы [19, с. 125]. Данное мнение демонстрирует, что категорию «справедливость» для ее эффективного использования в рамках правового регулирования необходимо базировать на основаниях более высокого порядка, имеющих нравственные и духовные истоки.

Концентрированно, наглядно и убедительно эта позиция раскрывается в выводе В. В. Сорокина: «Следование Правде (в рос-

сийской правовой традиции) позволяло избегать противоречий между истиной и справедливостью и разрешать споры по совести. Истина здесь представлена Божьими заповедями, справедливость означает жажду и возможность обретения этой истины, совесть – внутренний нравственный закон, вложенный Богом в сердца людей, а Правда есть синтезированное выражение права и нравственности. В любом случае Правда не возникала стихийно, от эфемерной природы либо вследствие опытного творчества людей; Правда была положена человеку извне в виде Божественной истины и дара совести» [19, с. 148].

Приведенную позицию ученых считаем применимой к рассматриваемым вопросам, поскольку понятие «совесть» для христианского понимания может обходиться без понятия «добро» и быть при этом эквивалентным по содержанию понятию «добросовестность». Следовательно, именно совесть (добрая совесть, добросовестность) является главным арбитром в преодолении противоречия между истиной как основной целью идеального разрешения юридической ситуации и справедливостью, как стремлением к такому разрешению казуса. Данное глубинное восприятие традиционных для российской правовой культуры правовых категорий делает добросовестность надпринципом и руководящей идеей по отношению к справедливости.

Переводя данный тезис в практическое русло, можно отметить, что простое применение принципа справедливости при анализе юридической ситуации позволит руководствоваться лишь рациональными соображениями и пользоваться «сухой» математикой. Использование же принципа добросовестности как главенствующей идеи, в рамках которой реализуется справедливость, позволяет задуматься над интересами и различным статусом всех участников правоотношения с учетом специфики каждой конкретной ситуации, тем самым применив надрациональный подход, что позволяет наиболее эффективно и качественно реализовать принцип справедливости. Такой подход в понимании соотношения категорий добросовестности и справедливости способен избежать принятия необоснованных правоприменительных решений.

Аналогичная точка зрения о соотношении

исследуемых категорий в российской правовой культуре выражена в мнении С. С. Алексеева, согласно которому: «Справедливость есть порождение глубоких трансцендентальных начал совести и добра и складывается под влиянием чувства права и утверждающихся на его основе правовых принципов» [5, с. 253].

Возможность понимания добра и совести, а следовательно, и добросовестности как порождения трансцендентальных начал позволяет раздвинуть границы познания соотношения категорий добросовестности и справедливости, шагнув далеко за пределы эмпирических границ, диктуемых законодателем, и устоявшейся политико-правовой идеологии, и отнести добросовестность к универсальным предметам метафизического познания, являющимся по своей сути основанием для последующей выработки сначала правовых идей, а затем и материального права. При таком подходе добросовестность в российской правовой культуре по отношению к справедливости необходимо рассматривать как глубоко фундаментальную категорию. Справедливость в этом соотношении является второстепенным концептом, вытекающим из более поверхностных аспектов национального правового понимания.

В связи с этим вполне адекватным и обоснованным видится реализованное на сегодняшний день стремление законодателя поставить добросовестность в число главенствующих категорий и принципов. Речь идет о том, что только добросовестность при рассмотрении триады «добросовестность, разумность, справедливость» возведена в частном праве в ранг основополагающих принципов. Кроме того, при упоминании в законодательстве одновременно трех указанных

принципов добросовестность всегда ставится на первое место.

Обобщая сказанное о разумности и справедливости, необходимо привести повсеместно встречающуюся позицию ученых, согласно которой предлагается считать категорию «добросовестность» объединяющей в себе «разумность» и «справедливость». Так, В. В. Сорокин и К. Е. Коваленко отмечали тесную взаимосвязь категорий «добросовестность», «справедливость» и «разумность» [18, с. 11]. Данную связь отразила, проанализировав базовые нормы отечественного и зарубежного законодательства, А. В. Попова, сделав вывод: «Под определение требования добросовестности подпадают следующие три категории: добрые нравы; добрая совесть; разумность и справедливость» [16, с. 5]. И наконец, теоретик в области современной цивилистики В. А. Белов, рассматривая принципы добросовестности, справедливости и разумности в рамках гражданского права, отстаивает гипотезу о том, что принцип добросовестности является общим понятием по отношению к двум другим – принципам разумности и справедливости [6, с. 50].

Данные авторитетные в юридической науке точки зрения наглядно и кратко обобщают все сказанное о соотношении рассмотренных категорий. Следовательно, позиция, указывающая на добросовестность как комплексную и фундаментальную категорию по отношению к разумности и справедливости, является в полной мере обоснованной. При этом связь данных понятий в современной науке является до конца не оцененной и требует более углубленного анализа на предмет каждой отдельно взятой категории для их последующего разграничения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5.
2. Международные правила толкования торговых терминов Инкотермс 2010. URL: <http://standartparts.ru/d/685376/d/inkoterms-2010.pdf>.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов

Bibliography

1. Civil code of the Russian Federation (part one) // Russian Federation Code. 1996. № 5.
2. International commercial terms Incoterms 2010. URL: <http://standartparts.ru/d/685376/d/inkoterms-2010.pdf>.
3. The review of court practice on the affairs connected with reclamation of premises from citizens in claims of public authorities and local government bodies (the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation is approved by Presid-

и органов местного самоуправления (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

4. Постановление Европейского суда по правам человека от 06.12.2011 «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации». Жалоба № 7097/10. URL: <http://www.consultant.ru/>.

5. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

6. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8.

7. Богданова Е. Е., Василевская Л. Ю., Гринь Е. С. и другие. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М., 2016.

8. Брагинский М. И. Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник ВАС РФ. 1995. № 7.

9. Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

10. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М., 2009.

11. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000.

12. Емельянов В. И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. 2002. № 10.

13. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М., 2008.

14. Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник для вузов. М., 2002.

15. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010.

16. Попова А. В. Понятие принципа добросовестности в обязательственном праве: европейские и российские подходы // Юрист. 2005. № 9.

17. Симантович Л. Н. Добросовестность и разумность в гражданском праве (вопросы теории и практики) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2 (25).

ium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.11.2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 5.

4. Resolution of European Court of Human Right of 06.12.2011 «Gladysheva against the Russian Federation». Complaint № 7097/10. URL: <http://www.consultant.ru/>.

5. Alekseev S.S. The most sacred that God has on the earth: Immanuel Kant and problems of the right in present period. Moscow, 1998.

6. Belov V. A. Conscientiousness, rationality, justice as principles of civil law // Legislation. 1998. № 8.

7. Bogdanova E. E., Vasilevskaya L. Yu., Grin E. S., etc. Contract law of Russia: reforming, problems and tendencies of development: the monograph / under a general edition of L. Yu. Vasilevskaya. Moscow, 2016.

8. Braginsky M. I. Implementation and protection of the civil rights. Transactions. Representation. Power of attorney. Limitation period // Messenger of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation. 1995. № 7.

9. Vasilenko E. V. Categories «conscientiousness» and «rationality» in civil law: ratio questions: abstract dis. ... PhD in law. Krasnodar, 2012.

10. Volkov A. V. Abuse of the civil rights. Problems of the theory and practice. Moscow, 2009.

11. Dozhdev D. V. Conscientiousness (bona fides) as legal principle // Political and legal values: history and present. Moscow, 2000.

12. Yemelyanov V. I. Concept «rationality» of civil law of Russia // Bulletin of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation. 2002. № 10.

13. Zorkin V. D. Russia and the Constitution in the 21st century. 2nd prod., additional. Moscow, 2008.

14. Koblikov A. S. Legal ethics: the textbook for higher education institutions. Moscow, 2002.

15. Lukyanenko M. F. Estimated concepts of civil law: rationality, conscientiousness, importance. Moscow, 2010.

16. Popova A. V. Concept of the principle of conscientiousness of liability law: European and Russian approaches // Lawyer. 2005. № 9.

17. Simantovich L. N. Conscientiousness and rationality in civil law (questions of the theory and practice) // Scientific works of the Russian Academy of legal profession and a notariate. 2012. № 2 (25).

---

18. Сорокин В. В., Коваленко К. Е. Диалектика общих принципов права // История государства и права. 2012. № 12.

19. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. М., 2007.

20. Черкашин В. А. Разумность в гражданском процессе: сущность и перспективы // Российский судья. 2011. № 6.

21. Goode R. The Concept of «Good Faith» in English law. URL: <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htmj>.

18. Sorokin V. V., Kovalenko K. E. Dialectics of the general principles of the right // History of state and law. 2012. № 12.

19. Sorokin V. V. A concept and essence of right in spiritual culture of Russia: monograph. Moscow, 2007.

20. Cherkashin V. A. Rationality in civil process: essence and prospects // Russian judge. 2011. № 6.

21. Goode R. The Concept of «Good Faith» in English law. URL: <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htmj>.

Богатова Евгения Владимировна
Bogatova Evgenia Vladimirovna

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института Красноярского государственного аграрного университета.

Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

E-mail: bogatova.ev@mail.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: СТАТИКА И ДИНАМИКА ПОНИМАНИЯ

Legal culture: statics and dynamics of understanding

В статье исследуется правовая культура в двух аспектах: статическом и динамическом. Автор обосновывает убеждение в том, что правовая культура личности, объединений и общества зависит от многих факторов в социально-экономической, духовно-нравственной, политико-правовой сферах жизни. Правовая культура, включая в себя правовые установки, качество правовой деятельности и юридическую практику, трансформируется в условиях возникновения и развития социальных отношений и процессов. По мнению автора, юридической науке необходимо оставить предметом анализа традиционное понимание правовой культуры с учетом современных реалий правовой действительности.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, статическое и динамическое понимание правовой культуры, участники правоотношений, развитие общества и государства, правовые ценности, правовая деятельность, права человека, законные интересы.

The article examines the legal culture in two aspects: static and dynamic. The author substantiates that the legal culture of personality, of unions and society depends on many factors in socio-economic, moral, political and legal life. Legal culture, including legal concepts, the quality of legal work and legal practice, transforms in terms of the beginning and development of social relations and processes. In author's opinion legal science must be the subject of the analysis considering the traditional understanding of legal culture taking into account modern reality of legal concept.

Keywords: legal culture, legal consciousness, static and dynamic understanding of legal culture, participants of legal relations, development of society and state, legal values, legal activities, human rights, legal interests.

В условиях прогрессивного развития различных групп отношений (межгосударственных, внутринациональных, экономических, торговых, финансовых и других) совершенствуется законодательство, меняется социально-экономический и политико-правовой климат в государстве. Как в любой коммуникативной системе, между государственным аппаратом и населением (гражданами) возникает обратная связь: с одной стороны, государственные органы формируют правила поведения в правовом поле, в том числе путем принуждения, с другой стороны, общество в процессе восприятия, осознания, переживания вырабатывает собственную оценку действий государственных структур через призму накопленного исторического опыта, социально-нравственных и духовных установок. Заметим, что данная оценка может иметь как позитивный, так

и негативный характер. Таким образом, в процессе эволюции государства в социуме формируется система правовых ценностей, установок, традиций, которые передаются будущим поколениям и укореняются в общественном сознании.

Важным аспектом правовой деятельности остается не только формирование, но и развитие, закрепление в общественном сознании как профессиональной, так и социальной, обыденной правовой культуры. В данном ключе речь должна идти о качественной правовой характеристике развития общества и государства. Так, по мнению А. П. Семитко, правовая культура – это не только уровень развития нормативных и индивидуальных юридических актов, но и уровень развития правовой деятельности, всего права, правового сознания, это правопсихологический климат, правовые ценности, идеа-

лы, традиции и обыкновения, и главное – это реальное правовое положение личности в государственно-организованном обществе, уровень ее прав и свобод, гарантированных государством [1, с. 37–38].

Правовая культура есть отражение трансформации социально-нравственных традиций (обычаев) и уровня образования, формируемых в процессе развития социума и государства путем закрепления прав и свобод в нормативных правовых актах и отношения личности и общества к данному субъективному праву и законному интересу. По нашему мнению, к наиболее удачному определению правовой культуры с позиции ее статического понимания относится следующее: правовая культура – это качественные характеристики социальных и правовых ценностей и предписаний, которые, в определенной мере являясь правовыми средствами, обеспечивают эффективное достижение личностью, общественными объединениями, иными участниками правоотношений своих прав, свобод и законных интересов, а также выполнение (соблюдение) возложенных на них обязанностей (запретов).

В то же время правовая культура может быть реализована при одновременном наличии следующих элементов: понимания, осознания и действия (в некоторых случаях – бездействия) в соответствии с законом субъектов правоотношений, а именно, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов (организаций, корпораций, индивидуальных предпринимателей и других), граждан.

Понимание правовых норм характеризуется восприятием субъекта конкретной нормы в соответствующем нормативном правовом акте сквозь призму своих законных интересов путем соотношения: норма права способна реализовать (воплотить) и урегулировать (защитить) законные интересы гражданина, общества, государства; она соотносится с общепринятыми принципами морали и справедливости; преобразуется вслед за социально-экономическими и геополитическими изменениями. Своего рода принцип справедливости формулируется так: «за нарушение моего права должно быть соразмерное ухудшение положения моего обидчика». Осознание права проявляется через понимание и усвоение (при-

нятие) субъектом содержания нормы права, реализуется как соотношение законного интереса и субъективного права. По своей сути право представляет систему норм, которые регламентируют и регулируют общественные отношения, являются общеобязательными и охраняются государством от нарушений [2, с. 114]. В то же время с помощью правовых норм определяются правила поведения субъектов различных правоотношений.

К понятию права допустимо применение и таких терминов, как «легальный» и «легитимный», что в свою очередь может служить одним из индикаторов развития правового сознания и правовой культуры в государстве. Хотя правовая культура личности, общества не может появиться сама собой или быть навязанной государством, она формируется в процессе «осознанного принятия системы ценностей большинством населения, заинтересованного в том, чтобы поддерживать демократические правовые стандарты, обеспечивать гуманистические правила общежития и собственную социально-правовую защиту» [3, с. 15].

Поэтому при характеристике правовой культуры важно обозначить две ее стороны: статическое значение и динамическое понимание. С позиции статического понимания правовой культуры можно говорить о следующем.

1. Правовая культура личности – это ценностное качество конкретного общества, которое может включать в себя отдельные аспекты, к таковым в специальной литературе относят: а) традиционную правовую культуру, характеризующуюся состоянием господства авторитета, социально-правовой иерархией и возможностью подавления иной формы мышления и поведения; б) правовую культуру модерна, в основе которой лежат права человека, свободы индивидуума, справедливости; в) правовую культуру постмодерна, для которой характерен правовой плюрализм и признание необходимой свободы индивидуума, многообразия правовых культур, концепций, течений [4, с. 77].

2. Правовую культуру можно определить как субстанциональное явление, которому следует дать отдельные (соответствующие) характеристики: основные и дополнительные функции в механизме правового регулирования; состояние и уровень качественного раз-

вития правоотношений; индикатор законности и развития демократических основ и принципов государства; степень (уровень) участия граждан в политической жизни государства. Например, в условиях проведения демократических выборов правовая культура избирателя и иных участников избирательного процесса характеризуется умением данных субъектов правильно и качественно пользоваться документами (списком избирателей, бюллетенем, открепительным удостоверением и пр.). Правовая культура в данном случае выступает показателем правовой зрелости общества, его готовности к реализации демократических институтов.

3. Правовая культура отражает качество правового средства (установления), которое следует понимать как правовой инструмент, систему приемов и способов, закрепляющих энергетический потенциал правовых предписаний, предусматривающих в рамках активного поведения субъекта возможность достижения социальных благ, реализации прав, свобод и законных интересов участников правоотношений. Так, например, в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан закреплены меры, направленные на совершенствование российского законодательства и правоприменения, среди которых можно выделить следующие: организация системного мониторинга законодательства и правоприменения с целью выявления пробелов и противоречий; обеспечение доступа к правовой информации широких слоев населения через различные коммуникативные источники, в том числе с использованием интернет-ресурсов [5]. В рамках реализации указанных мер разрабатываются нормативные положения, закрепляющие основы правовой культуры граждан и общества в целом.

С точки зрения статического понимания можно говорить о правовой культуре как о системе накопленных правовых знаний, характеризующей степень развития правового государства, уровень гарантирования равенства реализации конституционных прав и свобод личности, в том числе с помощью запретов и дозволений.

В свою очередь правовую культуру можно

интерпретировать как систему исторически связанных, развивающихся надбиологических программ (правовая деятельность, правовое поведение и коммуникации), которые обеспечивают функционирование, воспроизводство и изменение правовой сферы жизнедеятельности человека [6, с. 34]. По мнению Н. А. Саркисовой, правовая культура – явление динамическое, оно впитывает в себя ценности цивилизации, способствует ее развитию и упорядочению [7, с. 48]. Поэтому для наиболее полного представления о правовой культуре данное явление следует рассматривать и через призму динамических характеристик (качеств). Так, с позиции динамического понимания правовой культуры можно говорить о следующем.

1. Правовая, социальная, духовно-нравственная культура личности во многом обусловлена социально-экономическим, морально-духовным и технологическим развитием общества; правовая культура является показателем качественного участия человека во многих социальных процессах. Например, в целях патриотического воспитания в Российской Федерации проводится акция «Бессмертный полк», созданы такие общественные объединения, как «Волонтеры Победы», «Российский союз молодежи». В специальной литературе справедливо отмечается, что в понятии культуры абстрагируется именно тот механизм деятельности, который не задается биологической организацией и отличает проявления специфически человеческой активности [8, с. 97].

2. Правовая культура, с одной стороны, зависит от состояния правотворческой, интерпретационной, правореализационной, правоприменительной деятельности и эффективности правового регулирования в целом, с другой стороны, правовая культура личности способна позитивно воздействовать на состояние правовой системы. Например, в специальной литературе отмечается связь между правовой культурой и инновационными процессами, развитием новых форм правовой деятельности [9, с. 15–17]. И наоборот, высокий уровень правовой культуры личности служит неременным условием надлежащего осуществления прав, свобод, обязанностей участников правоотношений, позволяющих создать препятствия на пути многих

негативных явлений, таких как: коррупция, правовой нигилизм, правовая неграмотность, высокий уровень преступности и обыкновенное социальное невежество. О правовой культуре личности (гражданина) можно говорить, во-первых, потому что он знает, понимает и верно осмысливает, оценивает свои права, свободы, обязанности, во-вторых, поскольку реально пользуется ими в практической деятельности [10, с. 20].

3. Следует признать неразрывную связь между правовой культурой и правосознанием, под которым можно понимать совокупность идей, взглядов, представлений о праве [11, с. 65]. На наш взгляд, правосознание человека является первичным социально-правовым явлением в содержании правовой культуры. При этом правовая культура личности находится в корреляционной связи с правосознанием, правовыми ценностями и установками, преобладающими в обществе. Например, правовая культура сотрудников правоохранительных органов меняется в условиях необходимости использования большого массива нормативных правовых актов и повышения требований к профессиональной деятельности, пристального внимания со стороны обще-

ства к правовому статусу и социальному портрету правоохранителя в целом.

Таким образом, с точки зрения динамики правовая культура – это процесс правового развития гражданина, отдельных групп общества, основанный на усвоении (осмыслении) накопленных знаний и их трансляции (воплощении, применении) как в обыденной (социальной), так и правовой жизни, а также творении своих прав, свобод и законных интересов в правовую деятельность.

В итоге правовая культура является суммой статических и динамических качеств социально-правовой действительности, включающей теоретико-правовые знания, методы и средства правовой деятельности, юридическую практику, транслируемой будущим поколениям вслед за изменениями, которые происходят в политической, экономической, социокультурной сферах жизни общества. Правовая культура является показателем качества правовой деятельности общества и государства, характеризует уровень отношения граждан к состоянию гражданского общества и правового государства, развитию демократических процессов и реального гарантирования естественных прав человека.

Литература

1. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990.
2. Основы государства и права: учебное пособие / А. В. Малько, Г. Н. Комкова, З. И. Цыбуленко и другие; под ред. А. В. Малько. 4-е изд., стер. М., 2010.
3. Смоленский М. Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. 2009. № 4.
4. Осипов М. Ю. Правовая культура и механизм ее формирования // Журнал российского права. 2002. № 1.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.
6. Сокольская Л. В. Основные методологические подходы к изучению правовой культуры // Право и образование. 2016. № 6.

Bibliography

1. Semitko A. P. Legal culture of the socialist society: the nature, contradictions, progress. Sverdlovsk, 1990.
2. The basics of state and law: textbook / A. V. Mal'ko, G. N. Komkova, Z. I. Tsybulenko, ect.; under the editorship of A. V. Mal'ko. 4th ed., erased. Moscow, 2010.
3. Smolenskiy M. B. Legal culture and the idea of statehood // State and law. 2009. № 4.
4. Osipov M. Yu. Legal culture and the mechanism of its formation // Journal of Russian law. 2002. № 1.
5. The foundations of state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens (app. Russian President 28.04.2011 № PR-1168) // Russian newspaper. 2011. 14 Jul.
6. Sokolskaya L. V. Basic methodological approaches to the study of legal culture // Law and education. 2016. № 6.
7. Sarkisova N. A. The legal culture of per-

7. Саркисова Н. А. Правовая культура личности и ее роль в совершенствовании политической системы общества // *Философия права*. 2015. № 3.

8. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

9. Тепляшин И. В. Правовая инноватика: контуры исследования // *Российский юридический журнал*. 2012. № 2.

10. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988.

11. Основы государства и права: учебное пособие для поступающих в юридические вузы / под ред. О. Е. Кутафина. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

sonality and its role in improving the political system of society // *Philosophy of law*. 2015. № 3.

8. Markaryan E. S. Theory of culture and modern science (logical-metodol. analysis). Moscow, 1983.

9. Teplyashin I. V. Legal innovation: outlines of a study // *Russian law journal*. 2012. № 2.

10. Agranovskaya E. V. Legal culture and rights of the individual. Moscow, 1988.

11. The basics of state and law: Textbook. A Handbook for entering law schools / under the editorship of O. E. Kutafin. 15th ed., rev. and extra. Moscow, 2008.

Кейдунова Елена Резовна
Kejdunova Elena Rezovna

доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Faculty of Law, the South Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: t2i8g1r2@yandex.ru

Мавренкова Елена Анатольевна
Mavrenkova Elena Anatolievna

доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат психологических наук.

Associate Professor, Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Psychology.
E-mail: meca1975@yandex.ru

Напханенко Игорь Павлович
Naphanenko Igor Pavlovich

заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Head of Administrative Law and Criminal Law Disciplines Department, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: nip1966@yandex.ru

Попандопуло Дмитрий Валерьевич
Popandopulo Dmitriy Valerjevich

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
E-mail: dwp2005@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ АФФЕКТОВ

Concept and types of affects

В статье исследуются проблемы оценки эмоционального состояния лиц, совершивших преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, а также отдельные вопросы судебной экспертизы указанных лиц, имеющие значение для уголовного судопроизводства. Значительное внимание уделяется видам аффекта, в частности, физиологическому и патологическому, их разграничительным признакам. Затрагивается также вопрос о разграничении аффекта от чувств и эмоций человека.

Ключевые слова: субъект преступления, аффект, эмоции, физиологический аффект, патологический аффект, чувства, опьянение, психолого-психиатрическая экспертиза.

The article studies the problems of assessing of emotional state of persons who committed a crime in a state of sudden violent emotional excitement, as well as certain issues of forensic examination of these persons relevant to criminal proceedings. Considerable attention is paid to the types of affect, in particular, to the physiological and pathological affect, their distinguishing features. The issue of differentiation of affect from feelings and emotions of a person is also touched upon.

Keywords: subject of crime, affect, emotions, physiological affect, pathological affect, feelings, intoxication, psycho-psychiatric examination.

Мотивация и эмоциональный аспект совершения преступлений в обязательном порядке оцениваются и учитываются при принятии

решений о вине лица, совершившего противоправное деяние, и его наказании в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Выделяют три вида эмоциональных переживаний: чувства, эмоции и аффекты, осуществляющие функцию координирования активности человека, которые определяют значимость как внутренних, так и внешних ситуаций для регулирования его жизни и деятельности. Выделение аффекта как эмоционального состояния преступника имеет важное значение для квалификации и расследования совершенных преступлений.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает, что даже столь серьезное общественно опасное деяние, как причинение вреда жизни человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего по конкретным причинам сильного душевного волнения (аффекта), относится к категории преступлений небольшой тяжести, лишь убийство нескольких человек повышает категорию преступления до средней тяжести [1]. В то же время отношение ученых и специалистов в области права, психологии, психиатрии и других к понятию и видам аффекта сложилось разное, а значит, требует соответствующих исследований.

Состоянием аффекта в свое время интересовались древнегреческие философы. Так, первым, кто употребил понятие «аффект», был Аристотель, затронувший эту тему в своем труде «О душе» [4]. Аристотель выделял несколько видов эмоций (чувства и аффекты), отталкиваясь от уровня их влияния на поведение. Он считал, что чувства лишь придавали определенный эмоциональный контекст разумным человеческим поступкам. Аффекты, в свою очередь, являясь яркими и сильными видами эмоций, мало поддавались разумному осмыслению, в силу этого с ними было сложно бороться. Аристотель полагал, что аффект в любом случае либо приведет к спонтанному поведению, либо изменит ранее запланированные действия, а значит, его последствия для человека могут быть непоправимыми. Также мыслитель сделал очень важный вывод: если аффект наступил, возможности его преодолеть нет, но можно предупредить аффект, то есть очиститься от него, используя разрядку от накопившихся в человеке эмоций (читая книги, просматривая пьесы).

В дальнейшем большой вклад в изучение аффекта внес нидерландский философ Б. Спиноза. Под аффектами он понимал «состояния

тела и идеи этих состояний, которые увеличивают или уменьшают активность человека» [17, с. 491]. Спиноза признавал несколько видов аффектов: первый – влечение (желание), являющееся проявлением сущности человеческой природы и стремлением к самосохранению; существенной разницы между желанием и влечением Спиноза не отмечал, однако, по его мнению, «желание есть влечение с осознанием его» [17, с. 496], то есть оно отличается от влечения своей осознанностью; вторым и третьим видами аффектов ученый считал аффекты удовольствия и неудовольствия: удовольствие увеличивает способность к действию, а неудовольствие – уменьшает. Другие аффекты Спиноза считал производными от трех указанных.

Большое внимание аффекту стало уделяться с конца XIX века, в начале XX столетия аффекты вычленили в обособленную группу. Прежде чем проанализировать понимание аффекта отечественными учеными, обратим внимание на зарубежных исследователей, среди которых можно выделить К. Юнга, Р. Шефера, П. Кнаппа и других. К примеру, К. Юнг под аффектом понимал «состояние чувства, отличающегося, с одной стороны, заметной иннервацией, с другой стороны, своеобразным нарушением процесса представления» [21, с. 502–503]. Для него аффект был синонимом эмоции. Также К. Юнг отличал аффект от чувства, говоря о том, что любое чувство, достигнув определенной силы, незаметно становится аффектом. Другие зарубежные ученые к аффектам относили как яркие, осязаемые со стороны реакции, так и незначительные переживания личности, считали, что аффект переживается очень ярко и может варьироваться от незначительных ощущений до эмоций огромного масштаба.

Переходя к отечественным ученым, следует отметить, что они также исследовали данную тему: большой вклад в изучение аффекта внесли С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, В. К. Виллонас, А. Н. Леонтьев и другие.

Одним из первых, кто дал оценку аффекту в своих трудах, был советский психолог С. Л. Рубинштейн, причем под аффектом он понимал бурно и стремительно протекающий эмоциональный процесс, обладающий взрывным характером, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю раз-

рядку в действии [11, с. 341]. Он считал, что аффекты и страсти отличаются от чувств, но при этом родственны им, наиболее характерным для аффекта свойством является его способность существенно влиять на сознание человека и его психическую деятельность. Также С. Л. Рубинштейн отмечал, что действия в состоянии аффекта имеют беспорядочный характер, как правило, возникают вследствие общего возбуждения. К тому же они не регулируются человеком, а «вырываются» у него, таким образом «проходя через него, а не исходя от него».

Изучением аффекта был занят другой видный психолог А. Н. Леонтьев, который выделял три вида эмоциональных явлений: чувства, аффекты, эмоции. Аффекты в его понимании – это относительно кратковременные, но сильные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями [8, с. 25]. Стоит отметить, что А. Н. Леонтьев в отличие от С. Л. Рубинштейна дополнил свое определение аффекта двумя свойствами:

а) сохранение в памяти в виде аффективных следов;

б) при повторении аффективной ситуации данные следы имеют свойство накапливаться, в силу чего человека становится очень чувствительным к подобным ситуациям.

По мнению Ф. С. Сафуанова, аффект – это эмоциональное состояние, внезапно возникающее и ограничивающее при этом возможность осознанно-волевой регуляции поведения, обладающее трехфазной структурой развития [13, с. 5].

При исследовании аффекта психологи неизбежно сталкивались с таким вопросом, как разграничение аффектов и эмоций. Так, Рубинштейн предлагал различать понятия «страсть» – сильная и длительная реакция и «аффект» – краткосрочная, бурно протекающая реакция взрывного характера. Это был один из первых шагов в отделении аффекта от других сильных эмоций. Советский психолог В. К. Виллонас писал: «Аффекты отличаются от эмоций относительной кратковременностью и большей силой» [6, с. 56]. В противовес ему А. Н. Леонтьев отмечал, что данные признаки не выступают в качестве основных при отграничении аффекта от эмоций. По его мнению, «эмоции вовсе не отличаются от аффектов мень-

шей силой или меньшими эффектами; есть более значимые отличия, чем те, которые зачастую обозначаются» [9, с. 346]. С точки зрения ученого, важную роль играют функциональные различия.

Разница между чувствами, аффектами и эмоциями состоит в том, что последние – это ситуационные переживания. В. К. Виллонас отмечал, что «оценку для текущей или ожидаемой ситуации может отразить только эмоция, аффекты в свою очередь могут являться только лишь ответной реакцией на неожиданную для человека ситуацию» [6, с. 73].

А. Н. Леонтьев писал, что аффект выступает состоянием, которое возникает у субъекта помимо его воли, в то же время эмоции проявляются у человека как состояние своего Я. «Аффекты всегда выступают не как то, что является моим, а как то, что происходит со мной» [9, с. 454].

Часто выделяют «дезорганизирующие» и «мобилизирующие» свойства аффектов. Однако, смотря на общую структуру деятельности, аффект будет занимать место с такой функцией, как «слепообразование». А. Н. Леонтьев отмечал, что данная функция особого рода, подобные следы вслед за К. Юнгом традиционно обозначают в качестве «аффективных комплексов», выявляющихся экспериментальным путем.

Продолжая речь о функциях аффекта, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь с ней еще двух свойств, а именно кумуляции и канализации. «Повторяясь, аффектогенная ситуация увеличивает соответствующий аффект, однако в соответствующих ситуациях аффективные следы могут «изживаться» – спонтанно (катарсис) или в результате воздействия терапевтических процедур (психоанализ)», – писал А. Н. Леонтьев [9, с. 467].

В научной литературе по общей психологии аффект принято рассматривать как личностные образования, которые не обязательно связаны с биологическими потребностями и инстинктами. С точки зрения В. К. Виллонаса, «они могут быть вызваны биологическими отношениями» [6, с. 56], однако неверно считать, что только в них они и живут.

На сегодняшний день в психологии под аффектами можно понимать внезапно возникающие, относительно кратковременные, но интенсивные и эмоциональные переживания, которым присуща различная модальность, на-

ступающие вследствие каких-либо аффектогенных ситуаций, обладающие качественными и количественными отличиями от непосредственно эмоций, при этом ограничивающие при совершении определенных действий свободу «волеизъявления» человека.

В психологической литературе принято выделять следующие виды аффекта:

- 1) кумулятивный;
- 2) патологический;
- 3) аномальный;
- 4) аффект на почве алкогольного опьянения;
- 5) физиологический.

Исторически сложилось, что понятие физиологического аффекта было введено, чтобы отличить простой, нормальный аффект от патологического, и показать, что он состоит из естественных для здорового человека нейродинамических процессов. Под физиологическим аффектом понимают вмняемое состояние человека с серьезными ограничениями в сознании, которое чаще всего возникает в ответ на единичное травмирующее воздействие. Патологический же аффект характеризуется помутнением сознания и полной потерей контроля над собой, человек в состоянии патологического аффекта считается невменяемым. Необходимо остановиться на таком вопросе, как разграничение двух указанных видов аффекта.

В течение долгого времени была распространена позиция, согласно которой физиологический и патологический аффекты разграничивали на основании того, здоров ли психически человек, у которого он возникает.

При этом разграничение упомянутых выше видов осуществляется не по критерию субъекта, у которого возникают соответствующие аффекты, а по критерию выраженности симптомов аффекта. Присутствуют ли истощения, нарушения сознания и другие признаки, благодаря которым можно отграничить патологический аффект от физиологического. Если говорить о стадиях развития аффекта, то и тот и другой проходят по одному сценарию, разграничивая три стадии: подготовительную, стадию аффективных действий (взрыва) и заключительную. Но, несмотря на внешнее сходство динамических особенностей этих видов аффекта, за ними стоят разнообразные механизмы как развития, так и возникновения данных состояний.

О подготовительной стадии следует ска-

зать, что патологический аффект может возникнуть как ответная реакция на сильный раздражитель, так и в отсутствие таковой. Однако в то же время физиологический аффект может возникнуть в ответ как на сильный раздражитель, так и вследствие аккумуляции аффективных переживаний. Следует подчеркнуть, что на стадии взрыва в состоянии патологического аффекта у человека наблюдается сумеречное сознание, а также полное помрачение сознания не на реальных, а на замещающих представлениях. Если рассматривать состояние физиологического аффекта, то в нем отмечается только сужение сознания, сконцентрированное на травмирующих реальных переживаниях.

В заключительной стадии для патологического аффекта характерно абсолютное истощение нервной системы и наблюдается состояние, во многом приближенное к прострации. При физиологическом аффекте не свойственны столь ярко выраженные прострация и истощение, ему преимущественно присущи чувства раскаяния, облегчения, вялости и тому подобное.

Следовательно, патологический аффект можно охарактеризовать как психическое расстройство, обладающее кратковременным характером, которому свойственны полное помрачение сознания и полная либо частичная амнезия [15, с. 79].

«Физиологический аффект – не временное болезненное расстройство психики, поскольку его появление не зависит от психических заболеваний, а протекание определяется психологическими законами развития нормальных психических процессов» [16, с. 33]. Причем сужение сознания происходит на основе не патологических, а физиологических механизмов. Лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии физиологического аффекта, будет признано вмняемым и привлечено к уголовной ответственности.

Анализируя аффект, стоит отметить, что, несмотря на отождествление терминов «физиологический аффект» и «аффект», исследователи, которые допускают смешение данных понятий, толкуют аффект не через определение понятия физиологического аффекта, а через иное определение, а именно: в психологии аффект трактуется как определенная разновидность эмоциональной реакции, ко-

торой присущи кратковременность, яркость и сила. Но такое понимание не противоречит убеждениям психологов, включающим в это понятие и физиологический аффект, стресс, и тому подобные эмоциональные состояния, при которых человек может потерять контроль над своими действиями, а также не осознавать их.

В советской психологии 80-х годов был описан так называемый кумулятивный аффект, возникающий при условии пребывания личности в субъективно тяжелой ситуации достаточно долго. В итоге накопленное напряжение выражается в виде аффективного всплеска.

Понятие аномального аффекта ввел И. А. Кудрявцев, который выделял у психопатических личностей аффективные реакции. По мнению Н. А. Подольного, аномальный аффект можно описать как «взрывные эмоциональные (аффективные) реакции, характеризующиеся патологическими измененными закономерностями развития и течения», причем «патологически измененными закономерностями» не обозначают патологию, характеризующую патологический аффект [10, с. 64].

Говоря об аффекте, который возникает при состоянии алкогольного опьянения, то на данный момент практически нет дискуссий о правомерности диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени алкогольного опьянения, хотя отдельные ученые относят его к «физиологическим». Так, О. Д. Ситковская в 1983 году обозначила, а затем проверила на практике возможность экспертной диагностики физиологического аффекта у находящихся в легкой степени простого алкогольного опьянения лиц. Другие авторы считают данный вид аффекта «аномальным» (например, такого мнения придерживались В. В. Нагаев, Н. А. Подольный). «Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта, – подчеркивает И. А. Кудрявцев, – обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции – состоянии опьянения обуславливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более агрессивная), а также изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения)» [7, с. 80]. Это влияние выступает в качестве условия, облегчающего возникновение аффекта.

На основе вышесказанного целесообразно отметить, что понятие аффекта является родовым по отношению к его видам: кумулятивному, аномальному, физиологическому и другим.

Исследуя аффект, также стоит затронуть актуальный на сегодняшний день вопрос: с помощью какой экспертизы должен определяться аффект – психиатрической или психологической? Долгое время существовало мнение, согласно которому для определения наличия или отсутствия физиологического аффекта непосредственно в момент совершения преступления, следует проводить судебно-психиатрическую экспертизу [5, с. 122]. Приверженцы данной точки зрения не берут в расчет то, что психиатрия изучает психопатологические явления, и как подметил Б. В. Сидоров, «в отличие от психиатрии предмет психологии – здоровая психика» [14, с. 86]. В силу этого существенным поводом назначить соответствующую психиатрическую экспертизу можно при наличии предположения о болезненном расстройстве психики обвиняемого либо о его психическом заболевании.

Таким образом, следует отметить необходимость судебно-психиатрической экспертизы при наличии оснований утверждать, что противоправные действия совершены в состоянии патологического аффекта либо же в другом болезненном состоянии психики. В психиатрии существует определенный массив сведений о различных болезненных формах психической деятельности, которые могут быть использованы в экспертных целях, что, в свою очередь, обуславливает применение специальных познаний.

Как справедливо отмечает Ф. С. Суфуанов, «вопрос о наличии или отсутствии физиологического аффекта как состояния, не носящего болезненного характера, не относится к области специальных знаний эксперта-психиатра, и решение его не входит в научную компетенцию последнего» [13, с. 21].

Диагностирование эмоционального состояния субъекта в момент совершения преступления, оценивание влияния на способность полностью осознавать смысл совершаемых им действий, а также способность руководить ими тогда, когда это состояние является диагностически сложным и не выходит за рамки психической нормы, включено в компетенцию экс-

перта-психолога, то есть в подобных случаях правильным будет проведение судебно-психологической экспертизы.

На практике иногда появляется необходимость разграничить физиологический и патологический аффекты у субъекта именно при совершении преступления. По мнению С. Шишкова, «в подобных случаях целесообразно проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы» [19, с. 24–28]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. И. Ткаченко [18, с. 11–12], А. Экмекчи [20, с. 10–12]. По мнению О. Д. Ситковской, разграничивать подобные состояния необходимо иным способом: «В таких случаях необходимо последовательное проведение сначала судебно-психиатрической экспертизы для диагностики патологического аффекта и лишь затем (в случае, если эксперты-психиатры приходят к выводу об отсутствии патологического аффекта у подэкспертного) – судебно-психологической экспертизы для установления наличия или отсутствия физиологического аффекта» [16, с. 104]. Однако на практике имеют место ситуации, когда суд ограничивается проведением судебно-психиатрической экспертизы, которая признает подсудимого вменяемым, что является основанием для проведения судебно-психологической экспертизы на предмет установления аффекта.

В соответствии с Федеральным законом РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «комплексная экспертиза назначается в тех случаях, когда возникающие вопросы не могут быть решены путем последовательного или одновременного проведения нескольких однородных экспертиз, то есть когда речь идет о разрешении связанных между собой специальных вопросов, но относящихся к разным отраслям одной науки или смежным наукам» [2].

Таким образом, в качестве компетенции комплексной психолого-психиатрической экспертизы выступает решение вопроса о состоянии аффекта в момент преступного деяния у лиц, имеющих те или иные психические расстройства, но вменяемых.

Л. В. Алексеева считает, что «назначение комплексной экспертизы целесообразно прежде всего в отношении лиц с признаками так называемых пограничных состояний, тради-

ционно относимых к “малой психиатрии” (неврозы, психопатии, алкоголизм, психопатическое развитие личности, олигофрения в степени легкой дебильности и прочее) при решении вопроса об их способности осознавать значение своих действий и руководить ими, а также для определения медицинского и психологического критериев вменяемости» [3, с. 65].

Стоит обратить внимание на то, что существуют разные особенности форм психических расстройств, которые в существенной степени видоизменяют характер и протекание аффекта. Соответственно, решать вопрос об эмоциональном состоянии субъектов с психическими расстройствами допустимо путем совместных усилий психологов и психиатров.

Также стоит отметить, что те вопросы, на которые должна ответить комплексная экспертиза, по существу не являются комплексными. Как пишет О. Д. Ситковская, «эксперты нередко даже “делят” между собой вопросы, а в выводах подписывают лишь свою часть заключения» [16, с. 108]. То есть одни вопросы решает психиатр, другие – психолог. В таком случае нарушается один из принципов проведения комплексной экспертизы, согласно которому вопросы, разрешаемые экспертами, должны обладать комплексным характером, а именно не могут быть решены в результате последовательного проведения нескольких самостоятельных экспертиз либо в рамках одной экспертизы [15, с. 65]. Таким образом, правильным решением будет последовательное проведение соответствующих экспертиз.

На данный момент стали проявляться разногласия среди психологов: возникли такие судебно-психологические теории, которые разделяют только отдельные ученые в данной сфере: атипичный и аномальный аффекты, отложенный аффект и прочее, – отмечает С. Шишков [19, с. 38]. Данный факт свидетельствует о необходимости создания официального документа, который бы регулировал решения вопросов, возникающих в связи с экспертизой аффекта с единой позиции.

Следовательно, аффекты (как понятие общепсихологическое) можно охарактеризовать как интенсивные, относительно кратковременные и внезапно возникающие эмоциональные

переживания разной модальности, наступающие вследствие определенных аффектогенных ситуаций. Кроме того, им свойственны качественные и количественные отличия от непосредственно эмоций, аффекты при совершении определенных действий ограничивают свободу «волеизъявления» человека.

В теории выделяют такие аффекты, как: физиологический, патологический, кумулятивный, аномальный и аффект на фоне алкогольного опьянения. К данной классификации относятся и эмоциональные состояния, которым феноменологически не свойственен характер физиологического аффекта, однако они все же значительно ограничивают «свободу воли» обвиняемого при совершении противоправно-

го деяния (напряжение и эмоциональное возбуждение, существенно воздействующее на поведение и сознание).

Говоря об установлении аффекта, следует подчеркнуть, что психологическая экспертиза нуждается в унификации критериев и методов, на основании которых становится возможным выявить аффект экспертным путем. Данную проблему можно урегулировать, разработав специальный методический документ, утверждение которого было бы возложено на ведомства, располагающие в своих судебно-экспертных учреждениях экспертами-психологами – Министерство юстиции Российской Федерации и Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
3. Алексеева Л. В. Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии // Психологический журнал. 2002. № 6.
4. Аристотель. О душе. М., 2008.
5. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994.
6. Виллонас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
7. Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С., Голев А. С. Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал. 1986. № 5.
8. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1976.
9. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2005.
10. Подольный Н. А. Понятие «аффект» в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 4.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1976.

Bibliography

1. Criminal code of the Russian Federation // Collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. Federal law of 31.05.2001 № 73-F3 «On state forensic activities in the Russian Federation» // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2291.
3. Alekseeva L. V. Relationship between psychology and criminal law in the aspect of expertology // Psychological journal. 2002. № 6.
4. Aristotle. About the soul. Moscow, 2008.
5. Borodin S. V. Responsibility for murder: qualification and punishment under Russian law. Moscow, 1994.
6. Vilyunas V. K. Psychology of emotional phenomena. Moscow, 1976.
7. Kudryavtsev I. A., Safuanov F. S., Golev A. C. Behavior disorders of persons in alcohol intoxication: psychological mechanisms and legal aspects of prevention // Psychological journal. 1986. № 5.
8. Leont'ev A. N. Needs, motives, emotions. Moscow, 1976.
9. Leont'ev A. N. Lectures on general psychology. Moscow, 2005.
10. Podolny N. A. the Concept of «affect» in criminal law // State and law. 2003. № 4.
11. Rubinstein S. L. Basis of general psychology. Moscow, 1976.
12. Safuanov F. S. Judicial-psychological examination of affect in light of the new criminal code of the Russian Federation: problems

12. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового УК РФ: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1997. № 2.
13. Сафуанов Ф. С. Аффект: субъективно психологический экспертологический анализ // Психологический журнал. 2001. № 3.
14. Сидоров Б. А. Аффект: его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978.
15. Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.
16. Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. М., 2001.
17. Спиноза Б. Сочинения: в 2-х т. СПб., 1999. Т. 1.
18. Ткаченко В. И. Для установления сильного душевного волнения необходимо проведение экспертизы // Советская юстиция. 1971. № 5.
19. Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. 2002. № 11.
20. Экмекчи А. О судебно-психологической экспертизе // Советская юстиция. 1968. № 6.
21. Юнг К. Психологические типы. СПб.–М., 1995.
- and prospects // Psychological journal. 1997. № 2.
13. Safuanov F. S. Affect: subjective psychological expertelligence analysis // Psychological journal. 2001. № 3.
14. Sidorov B. A. Affect: its criminal law and criminological value. Kazan, 1978.
15. Sitkovskay O. D. Psychological commentary on the Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 1999.
16. Sitkovskay O. D. Affect: the criminal-psychological study. Moscow, 2001.
17. Spinoza B. Writing: in 2 vols. St. Petersburg, 1999. Vol. 1.
18. Tkachenko V. I. To establish strong emotion needs to examine // Soviet justice. 1971. № 5.
19. Shishkov S. Establishment of «suddenly arisen strong emotional excitement (affect)» // Legality. 2002. № 11.
20. Ekmekci A. On the forensic psychological examination // Soviet justice. 1968. № 6.
21. Jung C. Psychological types. St. Petersburg–Moscow, 1995.

Сериков Антон Владимирович
Serikov Anton Vladimirovich

директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат социологических наук, доцент.

Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, the South Federal University, Phd in Sociology, Associate Professor.

E-mail: avserikov@sfn.edu.ru

Венцель Сергей Владимирович
Wenzel Sergey Vladimirovich

младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Junior Researcher, the Institute of Sociology and Regional Studies, the South Federal University.

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

**ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ
В ГЕРМАНИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***

**Experience of counteraction to youth extremism in Germany, the USA and Great Britain:
comparative analysis**

В статье рассмотрен опыт противодействия распространению экстремистских идей и течений среди молодежи. Актуальность решения данной практической задачи обусловлена усилением рисков от деятельности экстремистских организаций в рассматриваемых странах, а также вовлеченности молодежи в данные социальные группы. Основной фокус исследования направлен на ненасильственные способы противодействия молодежному радикализму посредством образовательных программ и активного участия гражданского общества.

Ключевые слова: национализм, радикализм, праворадикальные движения, молодежь, экстремизм.

The article describes the experience of combating the spread of extremist ideas and trends among young people. The relevance of the solution of this practical task is caused by strengthening of risks from activity of such organizations in analyzed countries and also the involvement of youth into these social groups. The main focus of a research is made on non-violent ways of counteraction to youth radicalism by means of educational programs and active participation of civil society.

Keywords: nationalism, radicalism, right-radical movements, youth, extremism.

Противодействие молодежному экстремизму как на национальном, так и на международном уровне приобрело важное значение для многих государств и международных организаций в ответ на колоссальный рост радикализации молодежной среды. Сам термин «экстремизм» в международном общественно-научном дискурсе является многогранным, однако ядром данного понятия по-прежнему остается склонность к радикальным взглядам и неприятие существующих и доминирующих общественных ценностей. В частности, ан-

глизмычный словарь The Chambers Dictionary определяет экстремиста как носителя экстремальных взглядов, особенно в политике. Другой словарь английского языка делает акцент на том, что экстремизм есть наличие осуждаемых большинством людей взглядов как неприемлемых и неразумных. Федеральное ведомство по охране конституции ФРГ (нем. Bundesamt für Verfassungsschutz) определяет экстремизм как «фундаментальное отрицание конституционного государства» [7]. В докладе ЮНЕСКО от 2017 года «Предотвращение на-

---

* Работа выполнена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда №16-33-01131 «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

насильственного экстремизма посредством образования: пособие для политиков» было подчеркнуто [8], что экстремизм по своей сути – совокупность идей и взглядов, выходящих за общепринятую норму. То есть понятие «экстремизм» имеет субъективный характер и может применяться ситуативно по отношению к политическим противникам. В российской правоприменительной практике при толковании термина «экстремизм» делается упор на совокупность действий экстремистского характера, а не на набор идей.

Как подчеркивалось, угроза всех форм насильственного экстремизма и терроризма на международном уровне осознается очень ясно. В частности, с 2001 по 2017 год правительство США затратило на борьбу с этими явлениями 1,78 триллионов долларов, в то время как ЕС увеличил затраты на противодействие подобным угрозам с 5,7 млн евро в 2002 году до 93,5 млн евро в 2009 году. На международно-правовом уровне осуществляется координация форм и методов противодействия экстремистским угрозам: все международно-правовые акты условно можно разделить на две группы. К первой относятся документы, закрепляющие стандарты прав человека и основы демократии (к примеру, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений от 1981 года и Декларация о свободе политических дискуссий в СМИ от 2004 года). Двусторонние и многосторонние акты, направленные непосредственно на борьбу с терроризмом и насильственным экстремизмом, составляют вторую группу (к примеру, Международная конвенция о борьбе с бомбовым экстремизмом 1997 года и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года).

На европейском уровне постоянно происходит координация совместных усилий как государственных акторов, так и организаций гражданского общества по предупреждению и профилактике молодежного экстремизма. Особую роль в этом играют структуры Европейского Союза, которые часто выступают как инициаторами, так и донором проектов по данному направлению. В частности, именно по инициативе Еврокомиссии в 2011 году была создана Radicalisation Awareness Network – европейская сеть по обмену опытом и данными между ор-

ганизациями, ежедневно профессионально контактирующими с экстремистами и теми, кто может быть подвержен радикализации в будущем. В такую сеть входят представители полиции, пенитенциарных учреждений, органов здравоохранения, учебных заведений и локальных властных ведомств. Стоит отметить, что в последнее время Radicalisation Awareness Network активно наблюдает за представителями европейской молодежи, которые отправились воевать в зону сирийского конфликта или вернулись оттуда.

Вовлечение молодых людей в экстремистские течения и движения часто обуславливается тем, что личность человека еще окончательно не сформирована и легко поддается влиянию. Кроме того, нестабильные социально-экономические, политические, культурные условия, в которых вынужден действовать человек или группа людей, также повышают риск вовлечения молодежи в круги экстремистов. Эксперт Томского государственного университета В. А. Диль полагает, что существует три фактора вступления молодых людей в современные экстремистские движения: во-первых, непреодолимый разлом между культурой старшего и младшего поколений, который обусловлен полной сменой жизненных ориентиров и ценностей благодаря мощному развитию информационных технологий, во-вторых, изменение нравственных ориентиров, сопровождающее смену стереотипов и моделей поведения, понимания самой структуры общества.

В законодательстве ФРГ отсутствует аналог закону РФ «О противодействии экстремистской деятельности». В Германии, в отличие от России, наличие экстремистских взглядов не является уголовно наказуемым: в Уголовном кодексе ФРГ такое понятие вообще отсутствует. Только конкретные действия, то есть применение насилия, посягательство на государственный порядок, распространение материалов неонацистской и неонацистской тематики являются уголовно наказуемыми.

Сбор и анализ информации о деятельности экстремистских групп и организаций является задачей Федерального ведомства по охране конституции (нем. Bundesamt für Verfassungsschutz). Важно отметить, что данная структура не обладает полицейскими полномочиями, классифицирует объект исследова-

---

ния по двум критериям: склонность к применению насилия и преследуемые политические цели. По критерию «политические цели» ведомство выделяет несколько ключевых направлений экстремистских течений и движений в Германии: правый экстремизм, левый экстремизм, зарубежный экстремизм, исламистский экстремизм.

Правый экстремизм представляет собой симбиоз расистских и националистических идеологем о превосходстве одних наций над другими. Формы проявления праворадикального движения в ФРГ разнообразны: политические партии, неонацистские группировки и субкультурные движения. При этом с каждым годом правоэкстремистский потенциал в Германии растет: если в 2014 году, по данным Федерального ведомства, количество участников этих движений составляло 22 150 человек, то в 2016 году их число достигло 24 350 членов [9]. Нападения на иностранцев, представителей меньшинств являются распространенными формами проявления правого экстремизма, которые могут подвергаться уголовному преследованию.

Носители левоэкстремистских идей выступают против существующего капиталистического строя, характеризующегося, по их мнению, признаками фашизма и расизма. В ФРГ принято различать три основных направления леворадикального движения: революционно-марксистское, троцкистское, анархистское. Порча имущества представителей капиталистического строя – форма активности левых экстремистов, попадающая под действие уголовного кодекса. Также левые экстремисты активно участвуют в уличных протестах и часто применяют насилие в отношении сторонников праворадикальных движений. Если в 2014 году леворадикальное движение насчитывало 28 000 человек, то в 2016 году их число выросло до 29 400 [10].

Представители исламского фундаментализма и экстремизма проповедуют установление исламского порядка на территории Германии. Немецкие правоохранительные органы предупреждают о растущем влиянии со стороны очень консервативного исламского течения – салафизма, представители которого являются по-прежнему маргинальным меньшинством, однако весьма опасным. Немецкие салафиты активно взаимодействуют с молоде-

жью, осуществляют бесплатную раздачу Корана и исламских материалов, активно задействуют молодых людей в создании ночных патрулей полиции шариата. Под пристальным наблюдением немецких спецслужб находятся имамы, пропагандирующие радикальные взгляды во время служб в мечетях. Точное количество последователей исламского фундаментализма назвать сложно из-за недостатка данных.

Не меньшее внимание германских правоохранительных органов привлекают представители зарубежных экстремистских организаций, которые в своих государствах занимаются антиконституционной деятельностью. Нередко члены данных движений, получив политическое убежище на территории ФРГ, организуют логистическую, финансовую и пропагандистскую поддержку своих последователей на родине. Наиболее активными в Германии являются сторонники запрещенной в Турции «Рабочей партии Курдистана», последователи «Тигров освобождения Тамил-Илама» и некоторые другие.

Для противодействия проявлениям политического экстремизма германские службы используют как превентивные, так и репрессивные меры. Методы борьбы с экстремистами всегда становились объектом общественных дискуссий, однако подавляющее большинство современного германского общества убеждено в необходимости борьбы с противниками демократического строя исключительно демократическими средствами. Наложение запрета на деятельность экстремистской организации признается большинством немцев неэффективным средством, которое к тому же противоречит принципам демократического общества. Поэтому, в отличие от России, в Германии достаточно трудно «вытолкнуть» на внеконституционное поле какое-либо экстремистское движение или партию. Организация в ФРГ может быть запрещена административным судом по просьбе Министерства внутренних дел только в следующих случаях: противоречие уголовному праву, представление опасности для конституционного строя Германии, посягательство на права других этнических групп. Политическая партия может быть запрещена только Федеральным конституционным судом, что является весьма трудным процессом. В част-

ности, в 2003 году имела место неудачная попытка запретить деятельность праворадикальной Национал-демократической партии Германии, которую многие считают правопреемницей нацистской партии А. Гитлера НСДАП. Помимо запретов на деятельность организаций и партий существует еще один инструмент по борьбе с экстремизмом – запрет демонстраций. Однако и к такой форме прибегают в Германии весьма осторожно, поскольку запрет демонстраций является ущемлением демократических свобод.

Федеральное ведомство по охране конституции предпочитает использовать другие методы профилактики и борьбы с экстремизмом: внедрение своих агентов в экстремистские организации, постоянные встречи с информаторами и содействие выводу желающих из экстремистской среды. На одной из пресс-конференций в 2017 году министр ФРГ по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи К. Барли подчеркнула, что эффективное противодействие экстремизму среди молодежи является аспектом национальной безопасности всей Германии [1]. В своем докладе она указала на несколько направлений и этапов в профилактической работе с детьми и подростками, к примеру, постоянный диалог и контакт с лицами, которые находятся в зоне риска (потенциальные неопиты); социальная работа в школах и на уровне отдельных коммун; борьба с экстремистскими группами в Интернете и социальных сетях. Важно подчеркнуть необходимость профилактики экстремизма среди молодых мигрантов, ведь теракт 19 декабря 2016 года в Берлине на рождественской ярмарке совершил 24-летний выходец из Туниса.

Однако следует отметить, что правительство Германии уделяет внимание и силовому противоборству экстремистским организациям, в том числе молодежным. В частности, в Саксонии, которая характеризуется в последнее время повышенной активностью различных экстремистских организаций (в первую очередь радикальных), существует специальное полицейское подразделение, которое не только противодействует вовлечению молодежи в радикальные движения, но и держит под контролем подобные организации путем постоянных обысков и давления [2, с. 103].

Федеральное правительство США также рассматривает противодействие экстремизму и борьбу с радикализацией определенных социальных групп как одну из ключевых задач обеспечения национальной безопасности в силу известных причин. Важно подчеркнуть, что в американской судебной практике уголовная ответственность наступает за действия, которые именуются как «hate speech» и «hated crime», то есть понятие «экстремизм» преимущественно не используется в юридической сфере. Иными словами, происходит целенаправленная борьба с распространением материалов, с речевыми практиками, а также насилием в отношении определенных социальных и этнических групп, смысловое содержание которых заключается в дискриминации, ненависти по религиозному, социальному или этническому признаку и в разжигании ненависти в общественном пространстве в отношении определенной группы. Заметим, что в США нет принятых на общенациональном уровне законов, которые регламентируют возбуждение уголовных дел по разжиганию ненависти или дискриминации, так как американское законодательство придерживается принципиальной позиции: доктрина минимального ограничения свободы слова. Однако на уровне каждого отдельного штата подобные преступления имеют правовое определение и жестко преследуются.

Необходимо подчеркнуть, что ответственность за борьбу с экстремизмом, в том числе молодежным, возлагается на Department of Homeland Security – Министерство внутренней безопасности США, в котором противодействие подобным преступлениям курирует Совет внутренней безопасности. Также для повышения эффективности в борьбе с молодежными радикальными и экстремистскими течениями в США функционирует Национальный центр предупреждения преступлений, в основные задачи которого входят мониторинг и анализ всей информации о преступлениях типа «hate speech» и «hated crime», однако этим сбор и анализ информации об экстремизме не ограничивается: как в Германии и других европейских странах, в США существует огромное количество аналитических центров, имеющих статус общественных организаций (среди активно борющихся с дискриминаци-

---

ей и иными подобными преступлениями выделяется Антидиффамационная лига); практически при каждом американском университете действуют различные центры и союзы, в задачи которых входит распространение идеи толерантности среди студентов, противодействие фактам дискриминации и так далее. Важно подчеркнуть, что при каждом полицейском управлении города и штата существует координационный совет, в который входят представители этнических и религиозных общин.

Однако не стоит исключать силовое противодействие со стороны руководства штатов при противоборстве с молодежными экстремистскими группировками. В частности, правоохранительные органы США в каждом штате создали специальные проблемные группы, насчитывающие более 500 человек [3]. Диапазон активности таких групп может охватывать как отдельные кварталы определенного города, так и затрагивать целые регионы, причем полиция США открыто борется с такими группами путем распространения компромата на их членов. Также департамент полиции каждого штата может создавать специальную оперативную группу по проблемному району: так, руководство полицейского департамента города Нью-Йорка сформировало группы специального назначения, способные действовать в сложной оперативной обстановке (преимущественно это бойцы войск специального назначения). Следует отметить, что правоприменительная практика в США в отношении экстремистских группировок более жесткая в сравнении с европейскими аналогами. Иными словами, американские нормативные правовые акты позволяют специальным подразделениям арестовывать, помещать под стражу и проводить допросы подозреваемых без санкций судебных и следственных органов.

Еще одной важной особенностью американской практики является отслеживание деятельности экстремистских группировок в Интернете, особенно на известных информационно-развлекательных порталах и в социальных СМИ, причем при наличии чрезвычайных обстоятельств правоохранительные органы могут взламывать электронную почту подозреваемых, а также отслеживать их в сетях без необходимого ордера. В шта-

те полицейских департаментов состоят специальные сотрудники, которые работают на просторах социальных сетей, являясь одновременно и аналитиками, и агентами под прикрытием [2, с. 105]. Однако в области противодействия экстремистским и радикальным течениям в Интернете Россия преуспела в сравнении с другими странами. Согласно статистике Google от 2016 года, правоохранительные органы РФ отправили более 13 тыс. запросов на удаление противоправного контента, в то время как остальные страны – только 9 тыс. запросов в сумме [4].

В США радикализация молодежных групп накладывается также на сохраняющуюся напряженность по расовой линии. Расовые волнения, которые наблюдаются в США на фоне недовольства части населения избранием президента Д. Трампа и войн против памятников государственных деятелей страны (конфедератов в годы Гражданской войны), стали возникать после прихода к власти Б. Обамы. Тогда чернокожие американцы заявляли о своем желании уравниваться в социально-экономическом положении с белыми американцами, однако не получили желаемого, результатом стала радикализация молодых афроамериканцев. Существует большое количество программ и центров, основной задачей которых является предотвращение радикализации молодежи из афроамериканцев и других национальных меньшинств. В частности, Офисом ювенальной юстиции и предотвращения правонарушений (англ. Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention) и рядом других общественных организаций и ассоциаций была разработана и запущена программа Tribal Juvenile Detention and Reentry Green Demonstration Program, в рамках которой участники, например, занимались озеленением садово-парковых зон.

В 2007 году в сфере правового противодействия экстремистским течениям правительство Великобритании разработало программу Preventing Violent Extremism, основанную на принципе четырех «П»: предупреждение, преследование, протекция, подготовка. Помимо этого, по рекомендациям министерства внутренних дел британское правительство и парламент способствовали законодательному запрету на въезд в страну лиц, подозреваемых в связях с экстремистскими организациями.

Важно подчеркнуть, что несмотря на достаточно низкий в сравнении с другими европейскими странами уровень экстремистской активности, в Великобритании борьба с подобными течениями осуществляется весьма точно, задействуя небольшие, но высоко квалифицированные полицейские подразделения в отдельных графствах и поселениях (по аналогии с деятельностью полицейских подразделений на уровне штатов в США). Но следует заметить, что главным координатором мероприятий и программ по противодействию молодежному экстремизму в Соединенном Королевстве является полиция местных отделений [5, с. 34]. Именно такая децентрализованность позволяет правоохранительным органам активно взаимодействовать с общественными организациями и ассоциациями для решения проблемы молодежного радикализма. Следует выделить ключевые особенности противодействия молодежным экстремистским группировкам со стороны государства и гражданского общества [2, с. 105]:

- во-первых, превентивный характер противодействия;
- во-вторых, активное привлечение на широкой основе местных общин;
- в-третьих, активное вовлечение университетов и иных образовательных учреждений в противодействие и пресечение экстремистской пропаганды среди молодежи и студентов;
- в-четвертых, усиленная работа правоохранительных органов по пресечению распространения экстремизма в Интернете.

Важная роль в общегосударственной политике по противодействию экстремизму в Великобритании занимает работа непосредственно в учебных заведениях. С помощью специальных курсов, практических игр и иных образовательных методик у молодежи должен сформироваться своеобразный иммунитет к экстремистским и радикальным идеям. К примеру, именно для реализации такой задачи в Уэльсе в 2011 году специализированными агентствами по работе с молодежью был реализован трехмесячный проект «Think», основной упор в котором делался на ролевой характер взаимодействия участников и ознакомление с широким спектром тем: экстремизм, расизм, нацизм, права человека и так далее. Впоследствии проект был продлен на два года, через него про-

шли около 200 человек, и результаты оказались весьма интересными: согласно независимой оценке данный проект изменил мнение почти 90 % участников о национальных меньшинствах и взаимодействии с ними в положительную сторону [11].

Еще одним примером реализации правоохранительными органами программы Preventing Violent Extremism является курс «Act now», созданный полицейскими департаментами графств Линкольншира и Ланкашира. В рамках программы под кураторством опытных полицейских у школьников появилась возможность сыграть роль правоохранителя при имитации теракта и составить психологический портрет потенциального террориста. Интересная деталь данной программы: школьники еврейского и палестинского происхождения сумели найти общий язык и обсудить проблемы, связанные с предотвращением терроризма и распространением экстремистских идей.

Зарубежный опыт по противодействию экстремизму и распространению радикальных идей среди молодежи содержит еще множество интересных аспектов, связанных с реализацией иных программ как в государствах, исследованных в рамках данной работы, так и не затронутых в ней. Однако в качестве ключевых аспектов изученного опыта следует выделить следующие: во-первых, в каждой из рассмотренных стран акцент сделан на предупреждении молодежного экстремизма и совокупности достаточно эффективных превентивных мер; во-вторых, государственная политика по противодействию и профилактике экстремизма в молодежной среде носит преимущественно децентрализованный характер; в-третьих, для всестороннего противодействия экстремистской угрозе в работу активно вовлекаются местные общины, региональные администрации и местные общественные ассоциации; в-четвертых, особую роль в противодействии молодежному экстремизму играют образовательные учреждения: школы и университеты, формирующие соответствующие ментальные установки [6]; в-пятых, противодействие экстремистской угрозе в Интернете становится одним из важнейших пунктов в предотвращении проникновения радикальных идей в молодежную среду.

Литература

1. Министр ФРГ по делам молодежи рассказала о профилактике радикализма. URL: <https://ria.ru/world/20170614/1496470066.html>.
2. Брюхнов А. А., Вакуленко Н. А., Щербаченко А. К. Положительные аспекты зарубежного опыта противодействия экстремизму // Юрист-Правоведь. 2016. № 1 (74).
3. Исмаилов Б. И. Теоретические аспекты противодействия молодежному экстремизму и правоприменительная практика зарубежных государств. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/194-protivodeystvie-molodejnomu-ekstremizmu>.
4. Россия стала лидером по запросам на удаление информации в Google. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media.
5. Нурлыбаева Г. К. Молодежный экстремизм и особенности противодействия ему со стороны полицейских служб Великобритании // Российский следователь. 2011. № 10.
6. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д, 2002.
7. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland: Eine Einführung. Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2004.
8. Preventing violent extremism through education. A guide for policy-makers. Paris, 2017.
9. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-rechtsextremismus/fakten-rechtsextremismus/rechtsextremistisches>. 2016.
10. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-linksextremismus/zahlen-und-fakten-linksextremismus/linksextremistisches>. 2016.
11. Open democracy free thinking for the world. URL: <https://www.opendemocracy.net/ted-cantle/why-paris-will-happen-again-if-wrely-on-empathy-and-outrage/>.

Bibliography

1. The German Minister for youth Affairs spoke about the prevention of radicalism. URL: <https://ria.ru/world/20170614/1496470066.html>.
2. Brukhnov A. A., Vakulenko N. A., Shcherbachenko A. K. Positive aspects of foreign experience of counteraction to extremism // Jurist-Pravoved. 2016. № 1 (74).
3. Ismailov B. L. Theoretical aspects of countering extremism, youth and the law enforcement practice of foreign countries. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/194-protivodeystvie-molodejnomu-ekstremizmu>.
4. Russia has become a leader in the requests to remove information on Google. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media.
5. Nurlybaeva G. K. Youth extremism and peculiarities of counteraction by the police services in the UK // Russian investigator. 2011. № 10.
6. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of research. Rostov-on-Don, 2002.
7. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland: Eine Einführung. Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2004.
8. Preventing violent extremism through education. A guide for policy-makers. Paris, 2017.
9. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-rechtsextremismus/zahlen-und-fakten-echtsextremismus/rechtsextremistisches2016>.
10. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-linksextremismus/zahlen-und-fakten-linksextremismus/linksextremistisches2016>.
11. Open democracy free thinking for the world. URL: <https://www.opendemocracy.net/ted-cantle/why-paris-will-happen-again-if-wrely-on-empathy-and-outrage/>.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Вакула Иван Михайлович
Vakula Ivan Mikhaylovich

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Head of the Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: imvakula@mail.ru

Воскобоев Александр Иванович
Voskoboev Alexander Ivanovich

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Ростовского юридического института МВД России кандидат педагогических наук.

Senior lecturer, Department of Fire Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogics.

E-mail: alexandrivanovich@mail.ru

**БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДЕОНТОЛОГИЗАЦИИ
ИДЕИ УМАЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

**Human being in the context of the deontologization
of the idea of belittling a person**

Актуальность исследования идеи умаления человека, генетически принадлежащей опыту христианской культурной традиции, вызвана феноменом деантропологизации как следствия вовлеченности в новый культурный контекст. В статье утверждается, что деонтологизация идеи умаления человека в современной европейской культуре вызвана доминированием либерально-гуманистической мировоззренческой парадигмы, которая претерпевает трансформацию и кризис в контексте вызовов техногенной цивилизации.

Ключевые слова: идея умаления человека, идея кеносиса Бога, деантропологизация, деонтологизация.

The actuality of research of the idea of depreciation of person, genetically belonging to the experience of Christian cultural tradition is caused by the phenomenon of deanthropology as the result of the involvement into new cultural context. The authors of the article show that deantologisation of the idea of depreciation of person in modern European culture is caused by domination of liberal-humanistic ideological paradigm, that, in its turn suffers transformation and crisis in context of challenges of technogenic civilization.

Keywords: idea of depreciation of person, idea of God's kenosis, deanthropology, deantologisation.

В наше время ключевая философская проблема, благодаря которой актуализируется идея умаления человека, заложенная в христианской традиции образа человека как существа по духовной природе призванного к жертвенности и состраданию и потому несамодос-

тачного в перспективе своего духовного возрастания, представлена в феномене деантропологизации. Деантропологизация является следствием экзистенциальной утраты человеком неотъемлемых качеств собственного бытия, утраты некоторой традиционно фиксируе-

---

мой по природе и по смыслу идентичности. Сама мысль о человеке и специфически человеческом во множестве как повседневных, так и отвлеченно-научных интерпретаций, по существу, сводится к отказу от объективированных его характеристик, к осознанию открытости, незавершенности человеческого бытия. Вновь, как и в эпоху господства христианской традиции, выявляется, что человек несамодостаточен, лишен ощущения полноты бытия, но теперь это становится очевидным с обратной или негативной стороны.

В контексте современной техногенной цивилизации остается меньше человеческого как естественной части любой «сферы» (биосферы, ноосферы и так далее). Распространенное для философии нашего времени наблюдение: одновременно с современным технологическим воздействием происходит существенное изменение ценностного взгляда на человека и дальнейшие перспективы его существования. Отмечается, например, что прорыв в развитии биотехнологий (влияние на геном уровне, вероятность клонирования) сопровождается вовлеченностью в индивидуальные утопии бессмертия, в замысел «конструирования человека», так что в итоге мы оказываемся перед реальностью не терапии, а радикального изменения человеческой природы. Отмечается также, что происходит не просто внедрение каких-либо новых технологий, но и утрата онтологической глубины и антиномичности таких важнейших экзистенциалов человеческой жизни, как «жизнь» и «смерть», при этой утрате «смерть» начинает восприниматься лишь как технологическая поломка. Такая утрата свидетельствует об упрощении структуры идентичности человека. И здесь мы оказываемся в ситуации умаленности человека – существенной онтологической заниженности и размытости фиксируемых в науке признаков «природы человека».

В философии же появляется идея возникновения человека нового типа, эпохи «постмодерна», не просто «похоронившего» вместе с Богом-Абсолютом себя прежнего, но и лишенного многих сопутствующих традиционных координат человеческого бытия. Вопрос современной социальной антропологии, как проблема соотносимости человеческой личности с ее интенцией свободы и объективации ин-

дивидуального и социального «тела» человека, оказывается не просто проблемой нового биотехнологического контекста существования человека, но и трудностью трансформации либерально-гуманистической парадигмы о человеческой личности как основе социального бытия. Причем наследующий эту парадигму постмодернизм определяет человека преимущественно со стороны случившейся упрощенной «телесной» объективации. Как отмечает А. С. Панарин, «в практике постмодерна не личность выступает интерпретатором собственного тела, формируя его по духовному и социальному заданию, а, напротив, тело выступает интерпретатором личности, раскрывая ее асоциальные “тайны”» [1, с. 93].

С другой стороны, за пределами объективирующего научного, рационалистически-детерминистского взгляда востребованы иные подходы к постижению человека. На фоне расширения технологизма в повседневной практике современного человека и опасности деантропологизации вновь становится актуальным философско-экзистенциальный подход, включающий в представление о человеке запрещенные ранее наукой темы свободы, личности, души и т. п. Вновь актуальны философские попытки осмысления полноты бытия не через установление определенных признаков природы человека, а по незавершенному способу существования, в перспективе поля свободы, где он еще только призывается стать человеком, найти свое адекватное духовно-экзистенциальное восполнение. Сегодня в «науках о духе» вновь настойчиво говорится о том, что мир человека представляет собой прежде всего драму свободы. Такого рода проект критически противопоставляется господствующим еще совсем недавно представлениям о прогрессе человека, общества и культуры. При этом признается, что сама идея «драмы свободы» изначально «заложена именно в христианской концепции истории» [2, с. 13].

Необходимо учитывать, что во «взгляде» христианской традиции отсутствие детерминизма, принципиальная незавершенность потенциальных возможностей человека отнюдь не означает отсутствие смысла, даже в самой последней бездне ничтожества. Христианская интерпретация исторического бытия дана через признание в некотором смысле

«объективности» драмы свободы, в частности, признание того, что фактически происходит «объективный процесс дегенерации» человека [3, с. 462–463]. Но тогда нужно поставить вопрос о том, для чего, для каких перспектив происходит с человеком его драма свободы.

В рамках этой темы в современных исследованиях «наук о духе» протекает реанимация такого, казавшегося прежде для философии богословски обособленного содержания, как «кеносис», в его отношении к бытию человека. Традиционная христианская проблематика «ветхого» и «нового Адама», несмотря на технологическое упрощение координат «жизни» и «смерти», приобретает новое звучание, новый контекст интерпретации, в котором можно фиксировать некоторую «кенотическую» смысловую нагрузку.

Так, М. Н. Эпштейн в своем осмыслении идеи «конца человеческого», получившей специфические значения в научно-техническом мире, стремится провести теологические параллели именно с христианской идеей кеносиса Бога. По его мысли, человек, придающий сейчас небывалую ранее суверенность (мышления и деятельности) своим технологическим или биотехнологическим творениям, по сути, подхватывает эстафету кеносиса Бога, ограничивающего Себя ради пространства бытия и свободы человека [4, с. 93]. Тем самым человек современной эпохи оказывается в ситуации ожидаемой, при этом он только начинает осваивать собственное «творческое» отчуждение в его положительном смысле как преодоление «слишком человеческого». «Как ни пугающе выглядят перспективы исчезновения человека в машинно-информационной цивилизации, – замечает М. Н. Эпштейн, – важно понять, что такое “исчезновение” заложено в кенотической природе самого человека, его способности к самотрансценденции» [4, с. 93]. Кеносис, таким образом, по М. Н. Эпштейну, есть возможность к *самотрансценденции*, и в этом заключается сокровенное содержание свободного самополагания человека, его возможность превзойти собственный биологический субстрат. Тем самым идея кеносиса служит как онтологическим основанием оправдания создаваемой человеком техногенной цивилизации (с ее тотальной роботизацией и компьютеризаци-

ей), так и критикой ренессансной парадигмы человека как высшего разумного звена вселенной: он предстает лишь точкой перехода от «органической» к «технической» эре.

Подобный подход благодаря использованию смысловой нагрузки идеи кеносиса Бога позволяет М. Н. Эпштейну в определенном смысле расширить проблемное поле человеческого по сравнению с традиционной сферой гуманитарных наук и заявить проект *гуманологии* с ее центральной темой «техночеловека». Как представляется М. Н. Эпштейну, он преодолевает популярное и, по его мнению, упрощенно-пессимистическое футурологическое отождествление «постчеловеческого» и «посмертного» этапа истории человечества. Перед «гуманологией» в XXI веке будут стоять задачи осмысления перспектив «исчезновения человека» подобно тому и в связи с тем, как в XX веке была актуальна теология, исследующая формы «отсутствия» и даже «смерти» Бога. Исследователь Эпштейн, с одной стороны, своей формулировкой «творческого исчезновения» человека очевидно радикализирует вопрос, который можно охарактеризовать как проблему *творческого умаления* человека в современной культуре, с другой – стремится преодолеть и отчасти обойти те способы постановки проблемы деантропологизации, которые складываются в современной отечественной философии, в частности, в работах П. С. Гуревича. Эти способы предполагают осознание опасности «радикального преобразования» вплоть до «умирания человека как «антропологической данности», утраты смысла идентичности человеческой природы [5, с.19] и появление феномена «нечеловеков».

Однако в действительности проект М. Н. Эпштейна оказывается не столь однозначным и успешно-революционным вследствие некоторых изъянов как с точки зрения богословского, так и философского обоснования этого проекта. Ученым недооценивается онтологическая неоднозначность в проводимых «параллелях» между кеносисом Бога и бытием человека. Способность к «самотрансценденции» по своему содержанию у Эпштейна в действительности оказывается близка к ницшеанской идее «сверхчеловека», призванного превзойти себя и словно присвоить атрибуты Бога.

Необходимо не упускать из внимания, что человек не просто творит некие новые артефакты, как следствие прорыва в биотехнологиях, но и оценивает и творчески «волеизъявляет» себя в культуре как «виртуальную машину», открывая в себе как новые перспективы сверхъестественной биологической данности, так и новые ограничения онтологически-сущностного присутствия собственной личности. Отнюдь не очевидно, каким образом человек может передать своим технологическим или биотехнологическим творениям автономность, идентичную онтологии собственной личности с принадлежащей ей свободной волей. Таким образом, осуществляемая в «техническую» эру передача полномочий интеллекта искусственному разуму сопровождается иллюзией полноты творчества. Понимание кеносиса Бога по отношению к человеку в качестве «продолжающегося» творческого опыта не может быть адекватно представлено в проблемном поле соотносимости естественной (данной ему в естественном биологическом оформлении) и искусственной (в своих технологических и биотехнологических творениях) суверенности личности.

Более полно рассмотреть вопрос о «драме свободы» можно через допущение о том, что творческое отчуждение, «передача суверенности» является следствием случившегося уменьшения творческой энергии человека, его творческого «умаления». Согласимся с мнением С. С. Хоружего, полагающего, что в современном мире происходит «убывание формостроительной, творческой энергии человеческого существа» [6, с. 85], что обнаруживает ущербный характер структур идентичности (по сравнению с прежним человеком традиционного общества, «человеком онтологическим»). Ущербность состоит в том, что свойственное человеческому индивиду собственное конституирование форм возможно в полной мере лишь в движении «навстречу Другому, как «отпечатывание» Другого в себе [6, с. 77–78], однако *случается* так, что движение начинает замыкаться на себе и словно «остывать». С. С. Хоружий ссылается на суждение Ж. Делеза о том, что «силы в человеке конституируют форму, лишь когда они вступают в отношения с внешними силами»

[6, с. 78], истолковывая его как выражение динамической парадигмы о человеке, составляющей некоторую, хотя, по-видимому, и слабую аналогию с синергичной христианской парадигмой обожения.

Ситуация уменьшения творческой энергии или творческого умаления человека в современном культурно-историческом преломлении показывает, что ницшеанский «сверхчеловек», метафорически фиксирующий в своем прометеевском порыве «смерть Бога» в западной культуре, сменяется в своем нигилистическом разворачивании человеком иного рода. Согласно А. С. Панарину, со второй половины прошлого столетия мы наблюдаем массового нового Эдипа с «инфантильным комплексом безволия», который охватил послевоенное поколение, оппозиционирующее себя всем формам авторитарности и тоталитаризма, но вместе с тем – и требованиям долга и жертвенности [1, с. 161–162]. Ведь именно ощущение внутреннего долженствования и необходимости жертвенного сострадания составляет суть христианского самоумаления. Между тем либерально-гуманистическая парадигма в своем новом образе стала предпосылкой постмодернистской философии и культуры с ее отказом от любых форм онтологического долженствования. По А. С. Панарину, проблема ухода «традиционного» (в терминологии С. С. Хоружего – «онтологического») человека может быть описана на языке психоанализа как проблема восстания мальчика Эдипа против собственного отца, эгоистически чувственного начала, «свободной чувственности» против любых обязывающих начал морали, культуры, разума. Неслучайно либеральная социально-антропологическая парадигма свободы (Дж. Локк и другие), реализуясь и трансформируясь в образе человека «свободной чувственности», сталкивается с проблемой социальной коммуникативности, в пределе – с проблемой «конца социального» (Ж. Бодрийяр). Такой человек, атомизированный в собственном чувственном эгоизме, не способен образовать полноценной социальности, его творческая энергия, которая должна пронизывать сферы культуры и социума, неизбежно «остывает» будучи лишаемой важнейших онтологически-личностных жертвенных качеств.

Вообще убывание творческой энергии человека, ее трагический недостаток в деле овладения расширяющимся пространством «второй природы», биотехнологической и социальной объективации человека – одно из важнейших прозрений экзистенциальной философии последнего столетия, в котором фиксируется противоречивость бытия человека. Так, К. Ясперс отмечал, что при всей увеличивающейся материальной (технологической) обеспеченности человека растет и собственное «чувство беспомощности». Мир перед человеком «ничтожится», человек «как будто не может более удерживать бытие» [7, с. 10], «субстанциальное содержание жизни» [7, с. 41]. И в христианском (традиционном) понимании мир был ничтожным, но в другом смысле – не как следствие его высокомерной уверенности «господина мира» [7, с. 12]. Происходит это потому, что обеспеченность не воспринимается как «позитивное исполнение надежд»; так, в создаваемом для удобства индивида техническом мире «отсутствует оттенок лично созданного» [7, с. 37], «бытие сводится к всеобщему» [7, с. 39]. Следствием разрыва между творческой энергией личности и материальной (технологической) обеспеченностью человека является «типизация» взаимоотношений в социуме. Всепоглощающая «типизация», в которой «индивид распадается на функции» [7, с. 39] и становится частью «массы», означает некоторое новое, не вполне адекватное природе личности, ее фактическое психологическое, социальное, культурное выражение.

Такое неадекватное выражение можно объяснить, используя вслед за Г. Гегелем, К. Марксом, Э. Ильенковым категорию «опредмечивание». В современном мире человек продолжает, как и в предшествующей истории, опредмечивать себя в различных формах социальности и культуры, но теперь это происходит по типу симулякра: опредмечиваемый мир превышает меры разумности и свободы, кото-

рые способен определить человек. Поэтому в нем становится нечего *распредмечивать*, перед человеком находится «хлам» созданных вещей и изобретений, которые он не в силах сделать собственным бытием.

Экзистенциальная философия (хотя и не одна она), несомненно, дала толчок к наблюдающемуся изменению всей методологии «наук о духе». Одной из тенденций этого изменения справедливо считается (Г. Л. Тульчинский, М. Н. Эпштейн) уход от «натуралистическо-позитивистской доминанты» и в конечном счете «вызревание персонологической и постперсонологической доминанты» [8, с. 43]. Действительно, по-настоящему ключевым сейчас становится вопрос о человеческой личности, о том, что является избытствующим в собственной суверенности человека, что представляется ее открытыми возможностями (и не только в так называемых «пограничных» ситуациях). Обращение к досоциальным личностным возможностям человека связано не только и не столько с возникающими современными проблемами геной инженерии, клонирования, абортов и так далее, сколько с осознаваемой недостаточностью либерально-гуманистической парадигмы, долгое время определявшей развитие европейской культуры и философии, с односторонностью ее идеи самоценности и самодостаточности человека.

Перед опытом христианской традиции, пронизывающим европейскую культуру в качестве универсалии или архетипа «умаления», современный человек в значительной степени пребывает в забвении. Происходит деонтологизация христианской идеи «умаления человека», означающая не изменение ее онтологии, а утерю чувствительности к ней культуры в целом. Вследствие этого человек с неизбежностью погружается в экзистенциальное состояние отчаяния, его одолевает ощущение пустоты и заброшенности.

Литература

1. Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006.
2. Киселев Г. С. «Вторая Вселенная»: драма свободы // Вопросы философии. 2010. № 3.
3. Дугин А. Г. Радикальный субъект и его дубль. М., 2009.

Bibliography

1. Panarin A. S. People without elite. Moscow, 2006.
2. Kiselyov G. S. «The Second universe»: a drama of freedom // Questions of philosophy. 2010. № 3.

-
-
4. Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2.
5. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
6. Хоружий С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1.
7. Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007.
8. Тульчинский Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4.
3. Dugin A. G. The radical subject and its double. Moscow, 2009.
4. Epstein M. N. The creative disappearance of a person. Introduction to humanology // Philosophical sciences. 2009. № 2.
5. Gurevich P. S. Phenomenon of deentreprises person // Questions of philosophy. 2009. № 3.
6. Horuzhiy S. S. Constitution of personality and identity in the long term experience of ancient and modern practices of the self // Philosophy questions. 2007. № 1.
7. Jaspers K. The power of the masses // Jaspers K., Baudrillard J. Ghost of the crowd. Moscow, 2007.
8. Tulchinsky G. L. The new anthropology: identity in the perspective of postelement // Questions of philosophy. 2009. № 4.

Цымбал Екатерина Анатольевна
Tymbal Ekaterina Anatolievna

доцент кафедры философии и истории Отечества Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС) кандидат философских наук.

Associate Professor, Department of Philosophy and Fatherland History, the Rostov State Transport University, PhD in Philosophy.

E-mail: tymbal.k@yandex.ru

ДУХОВНЫЙ МИР И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Spiritual world and identity of the individual in a consuming society

В статье рассматриваются атрибуты общества потребления и специфика его влияния на внутренний духовный мир личности. Обосновывается связь форм и стилей потребительского поведения с духовной эволюцией личности, анализируются аспекты формирования личностной идентичности под манипулятивным воздействием идей и ценностей консюмеризма, отмечается, что в современных условиях человек не справляется с потребительским принуждением. Исследуя различные способы противостояния консюмеризму, автор приходит к выводу о несостоятельности борьбы с проблемой потребительского рабства в обществе потребления.

Ключевые слова: общество потребления, идентичность, духовный мир личности, консюмеризм, потребительское принуждение, индустрия потребления, иррациональное перепотребление.

The article reveals the attributes of the consumer society and the specifics of its influence on the inner spiritual world of the individual. It is substantiated that the forms and styles of consumer behavior are related to the spiritual evolution of the personality, the aspects of the formation of personal identity under the manipulative influence of ideas and values of consumerism are analyzed. It is noted that in modern conditions a person does not cope with consumer coercion. The author analyzes different ways of confronting consumerism and comes to the conclusion that the struggle against the problem of consumer slavery in the consumption society is untenable.

Keywords: consumer society, identity, spiritual world of personality, consumerism, consumer coercion, the industry of consumption, irrational overconsumption.

К одной из черт, характеризующих состояние современных трансформирующихся обществ, относится потребление. Являясь важнейшим механизмом функционирования массового производства капиталистической экономики, потребление также выступает неотъемлемой частью социальной и духовной жизни современного общества, что указывает на актуальность изучения духовного мира, ценностных ориентиров и аспектов построения идентичности личности в обществе потребления.

Общество потребления представляет собой сложную социальную систему, в которой общественные отношения складываются на основе принципов индивидуального потребления, а сущностным атрибутом таких отношений выступает «символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом» [1, с. 24]. Становление обще-

ства потребления и его идеологии исторически детерминировано эволюцией капитализма и либерализма, утвердивших доминантные принципы постиндустриальной эпохи: незыблемость прав на частную собственность, классовое неравенство, абсолютизация возможностей рыночного механизма регулирования не только экономических, но и социокультурных процессов, перепроизводство материальных благ, рост платежеспособности, индивидуализация потребления, развитие сферы услуг и массовой индустрии досуга и другие.

В России экспансия западных капиталистических и либералистических ценностей в пространство постсоветской российской культуры в конце XX века обеспечила рост экономической зависимости населения от потребительского рынка массового и мелкосерийного производства. В сферу постсоветского российского культурного пространства, недифференци-

рованно поглощающего различные западные культурные образцы, стали активно проникать модели потребления развитых стран, что привело к росту потребительских притязаний и отказу от нормативно-ценностной системы потребительского поведения советского типа, который был рациональным, органично вписывался в идеологический концепт коммунизма, выступал инструментом воспроизводства рабочей силы и обеспечения потребности в трудовой деятельности. Очевидно, что потребительское поведение советских граждан не было лишено противоречий и не всегда соответствовало идеологически безупречному образу рационального потребителя. Иногда в потребительских практиках советского общества из-за ситуации товарного дефицита присутствовало стремление накопительства редких импортных модных товаров, однако такой стиль потребления не имел тотального характера. Если в советском обществе личное потребление отражало интересы социального большинства, то в постсоветский период оно приобрело выраженные индивидуалистические черты. Однако рост гедонистических потребительских запросов, спровоцированный влиянием западных либералистических ценностей, вошел в объективное противоречие с экономическими возможностями их реализации, вызвав всплеск общественного разочарования и духовный кризис культуры и личности. Социокультурные, в том числе экономические, постсоветские условия потребовали воспроизводства новых форм социальной адаптации. В итоге мировоззрение и привычный образ жизни россиян подверглись трансформации, сложившиеся прозападные стили потребления превратились в средство модификации привычных ценностей рационального потребления и формирования на их основе новых идентичностей.

Выстраивание идентичности не всегда обусловлено только самостью и внутренней субъективной целостностью личности, на ее конструирование активно влияет социокультурная среда, в рамках которой личность раскрывает себя через нечто внешнее, прибывающее вне самого себя. Как непрерывный процесс внутренней духовной самоидентификации с определенными социально значимыми идеалами идентичность раскрывается в рамках определенной системы культурных ценностей, ори-

ентирующей человека в социальном бытии и определяющей характер его предметно-практического отношения к социуму и разнообразным процессам и явлениям окружающей действительности. В силу этого идентичность отражает сбалансированную согласованность внутренней целостности личности с ценностями культуры общества, получающую поддержку в процедурах социального признания. В доиндустриальную эпоху духовные ценности преобладали над материальными, их различные виды в традиционном обществе были наполнены глубоким гуманистическим содержанием, обращены к человеку, формировали позитивный идеал человеческой природы. Очевидно, что такая система ценностей не была лишена недостатков, однако она мотивировала к постоянному самосовершенствованию и духовному росту, определяла бережливый, а иногда даже аскетичный (позднее Средневековье) тип потребительского поведения, была направлена на бескорыстное созидание поля культуры в соответствии с общим благом. Индустриальная цивилизация положила начало культу материальных ценностей и отказа от традиционной ценностно-нормативной системы. Развитие науки, производства и технологий, с одной стороны, привело мировую цивилизацию к техническому прогрессу, с другой – к упадку культуры общества и личности, девальвации духовной составляющей в новой системе ценностей. В культуре индустриальной массовой цивилизации потребление стало аксиологической нормой, однако стиль потребления по-прежнему оставался рациональным и отвечал принципам функционирования массового производства.

Свою подлинную природу общество потребления раскрывает в постиндустриальном (информационном) обществе, создающем благоприятные условия для овеществления и превращения в товар таких нематериальных ресурсов, как сфера услуг, информация, знания, профессиональная квалификация, образование, спорт, политика, искусство и пр. Исследователи С. А. Дементьев и Н. В. Нарыков отмечают, что информационное общество формирует опасную «форму культурного бытия человека», в которой он «становится потребителем электронной культуры, превращается в Homo Informaticus, то есть в виртуализированного биосоциоэлектронного субъекта, в элек-

тронно-виртуальное существо» [2, с. 126]. Вследствие роста масштабов перепроизводства в таком обществе трансформируется стиль потребительского поведения, возникает пристрастие к иррациональному перепотреблению товаров и услуг, в том числе информационных. Основным атрибутом общества потребления выступает символизм, в результате манипулятивного воздействия в сознании человека происходит подмена подлинных потребительских потребностей неестественными желаниями, а предмет потребления «наделается особым символическим значением, которое дополняет стоимость продукта» [3, с. 20]. Экономическими факторами иррационального потребительского поведения в современном постиндустриальном (информационном) обществе выступают перепроизводство и девальвация материальных благ, развитие сферы услуг, рост покупательской способности населения, смена массового типа производства на мелкосерийный, специализация торговли и индивидуализация потребления, высокая производительность труда, конкуренция и так далее. Технологическим двигателем перепотребления является информатизация, в процессе которой информационные технологии трансформируют сферу производства и торговли, стимулируют изготовление и сбыт сложных видов техники, развивают сферу услуг, инфраструктуру потребительского общества.

Постиндустриальная эпоха и формирующееся в ее рамках информационное общество произвели очередную переоценку ценностей в общественном сознании, а также в сфере производства и потребления. Как отмечает исследователь В. И. Немчина, в информационном обществе преобладают «инверсированные, то есть перевернутые, ценности», к числу которых относятся прагматизм, утилитаризм и гедонизм [4, с. 131]. Идеология общества потребления формирует культ потребления и позиционирует его в качестве основополагающей ценности. Поощрение товарного фетишизма стирает барьеры между подлинными и сфабрикованными социальными потребностями, мотивирует к престижному потреблению, узаконивает в общественном сознании нравственное оправдание вульгарных форм гедонизма, эвдемонизма, перфекционизма, прагматизма и так далее. Данные мировоззренческие установки, циркулируя на всех уров-

нях общественного сознания, отражают специфику ценностных ориентаций личности и идентификационные процессы в современном постиндустриальном потребительском обществе. Консюмеризм (идеология перепотребления) определяет потребление как приоритетный инструмент социального позиционирования и, используя технологии социального манипулирования, искусно интегрирует его в процессы статусного самоопределения личности.

Исследователь Б. В. Колодкин подмечает, что ценность потребления в постиндустриальном обществе определяет его «способность быть символом престижа, быть мерой ценности и достоинства человека» [5, с. 60]. Под манипулятивным давлением консюмеризма самоопределение личности, с одной стороны, реализуется посредством потребительского расточительства, опредмечиваясь в демонстративной трате для достижения престижа и статусного превосходства. С другой стороны, идентификация личности претворяется в жизнь через стяжательство и перенакопление материальных благ в целях сохранения ранее достигнутого статуса. Последнее указывает на укоренение в сознании потребительского общества мировоззрения мещанства – формы бездуховности личности, отражающей узость мышления, безразличие к морали, вульгарность вкусов, мелочность, скупость, чрезмерную бережливость, детерминированную страхом риска, стремление к комфорту через накопление и освоение материальных благ. Таким образом, оба способа построения идентичности в современном потребительском обществе демонстрируют конструирование внутренней субъективной целостности личности через потребление, апеллируют к расточительству или, наоборот, к чрезмерной алчности и безнравственному накоплению материальных благ, что не имеет ничего общего с подлинным идентификационным процессом, включающим духовное (интеллектуальное, нравственное, эстетическое, религиозное, светское, правовое) и физическое самоопределение. Путь социального позиционирования через потребление лишает человека возможности быть самодостаточной гармонично развитой личностью, активным творцом и полноценным хозяином собственных мыслей и жизни. Поддаваясь суггестивным соблазнам консюмеризма, он впадает в потребительскую зави-

---

симость, превращается в пассивного субъекта социального бытия и стороннего наблюдателя собственной судьбы.

В современном российском обществе спрос на потребительские блага определяется не только экономическими факторами, отмечается также рост социально-психологической формы зависимости – шопоголизма, то есть пристрастия отдельной части населения к иррациональному перепотреблению ненужных товаров под воздействием коньюмеристской рекламы. В XXI веке наравне с другими идеалами коньюмеризма вещизм (пристрастие к вещам в целях формирования личного престижа) определяет ценностные ориентиры личности и общества, однако конфликт, неизбежно возникающий между навязанными извне мотивами к перепотреблению и отсутствием потребительских возможностей (прежде всего финансовых), деструктивно воздействует на внутреннюю духовную целостность личности. Следование моде, погоня за брендами, бесконечная эволюция техники, мобильных приложений и гаджетов, распродажи и так далее – установки, навязываемые коньюмеристской рекламой и другими маркетинговыми технологиями в целях искусственной стимуляции спроса, роста потребительского рынка и стабильного функционирования общества потребления. Манипулирование массовым сознанием и психикой индивидов посредством таких установок формирует образ счастливой, преуспевающей и беззаботной жизни, достигаемой через потребление, целенаправленно мотивирует к покупке тех услуг и товаров, потребление которых определяется внушаемыми иррациональными желаниями, а не подлинными рациональными потребностями. В западных странах и России такой стиль потребительского поведения актуален не только для богатых слоев населения, под воздействием коньюмеристской рекламы стремление к перепотреблению демонстрируют также средний и рабочий классы. Однако если представители обеспеченных социальных слоев беспрепятственно реализуют демонстративный гедонистический стиль потребительского поведения, одинаково перепотребляя как товары массового потребления, так и предметы роскоши, то остальная часть населения изменяет рационально-пуританскому стилю, перепотребляя преимущественно финансово доступные, но

абсолютно ненужные товары. Как отмечает исследователь О. А. Пак, «данный вид поведения формирует новую личность, для которой характерны: беспредельные эмоции, ослабление наследования социально-культурных норм, идеалов, межпоколенных связей» [6, с. 10–11]. Такая точка зрения вполне оправдана, поскольку манипулирование сознанием в целях искусственной мотивации перепотребления действительно не может иметь позитивных последствий для духовной целостности личности. Неестественное, но сильное желание приобрести определенный товар (протестимированное соответствующим рекламным образом в целях статусной покупки) часто сталкивается с отсутствием финансовых возможностей его потребления, что заставляет брать в долг, оформлять кредитные карты, брать крупные потребительские кредиты, добровольно отдавая себя в финансовое рабство банкам и коллекторам. Приобретение страстно желаемого товара не приносит должного удовлетворения, поскольку потребительские мотивы не были продиктованы подлинными потребностями, а выплата кредита (растянутая во времени) обременяет личный бюджет и создает препятствие к покупке новых товаров, желание овладеть которыми также фабрикуется в процессе потребительского принуждения. В результате психика человека испытывает чрезмерные эмоциональные перегрузки, конфликт искусственно протестимированных желаний с реальными потребностями и финансовыми возможностями порождает тревогу и негодование, неизбежно приводит к разочарованию, падению самооценки и экзистенциальному кризису. По мнению исследователя А. Н. Ильина, внутриличностный конфликт реального «Я» и идеального «Я», порожденный столкновением желания соответствовать образу преуспевающей и богатой личности и отсутствием финансовых возможностей его удовлетворения, превращает человека общества потребления в «невротика» [1, с. 26]. Таким образом, невозможность реализации желания собственного социального позиционирования через потребление, сформированного в результате потребительского принуждения, вызывает фрустрацию эмоционального состояния, деструктивно воздействуя на духовный мир личности.

Не только зрелая личность, но также еще психически неокрепшее и морально неустойчивое сознание молодого поколения испытывает пагубное воздействие консюмеристских ценностей общества потребления. Такое общество заинтересовано в раннем взрослении человека для того, чтобы он как можно скорее смог приступить к выполнению своих потребительских функций. Исследователь А. В. Овруцкий отмечает, что «консюмеризм стал причиной раннего начала сексуальной жизни среди современной молодежи, а также деформации ее ценностей и возникновения проблем с самооценкой» [7, с. 92]. Очевидно, что в обществе потребления потребительская дееспособность становится более значимой ценностью, чем психическое здоровье нации, семейные ценности, право на детство и так далее.

Обретение свободы от потребительского принуждения – труднодостижимая задача, ведь для реализации практик перепотребления в постиндустриальном обществе эффективно функционирует целая индустрия, имеющая развитую инфраструктуру. Индустрия потребления выступает основным механизмом воспроизводства культуры и сознания современного потребительского общества. Она создает благоприятные условия для интенсификации перепроизводства, наделяет товары и услуги знаково-символическим содержанием, формирует культуру потребления, ее ценности и нормы, определяет стили потребительского поведения, создает мировоззренческие установки и идентичности. Характеризуя индустрию современного потребительского общества в первую очередь стоит отметить, что ключевая роль в стимуляции перепотребления принадлежит рекламе и другим манипулятивным технологиям маркетинга, которые связывают товар с определенной позитивной эмоцией, вызывающей неконтролируемое желание потребить его. Во-вторых, в сфере торговли современного общества произошел поворот в сторону объединения в единое пространство шопинга товаров и услуг. Теперь бутики, кинотеатры, рестораны, банки, ледовые катки, фитнес-клубы и прочие элементы индустрии потребления гармонично соседствуют друг с другом на одной территории торгово-развлекательных комплексов, превращая потребление в развлечение и способ проведения культурного досуга. В-третьих, важное место в индустрии

потребления занимают интернет и телемагазины, позволяющие делать покупки, не выходя из дома. В-четвертых, обеспечение торговли осуществляется посредством развитой финансовой инфраструктуры (банкоматы, пункты приема платежей, терминалы безналичной оплаты покупок банковской картой, интернет банкинг, платежные системы и пр.), предоставляющей быстрое и беспрепятственное движение денежных потоков и платежных операций. В-пятых, на страже интересов индустрии потребления стоит современная кредитная система: «банковские карточки, дорожные чеки, карты постоянных покупателей», сокращающие время «принятия решения при покупках» [6, с. 13].

В современном обществе человек не справляется с потребительским принуждением консюмеристской идеологии, которое имеет негативные последствия для его внутреннего духовного мира. Потребление вызывает зависимость, отбирающую не только время и деньги, но и свободу здраво мыслить. Из-за постоянного навязанного извне желания потреблять у человека не остается возможностей для самореализации вне бесконечных потребительских практик. Духовный рост затормаживается, несвязанные с потреблением социальные функции и обязанности отодвигаются на задний план. Из активного социального субъекта и создателя собственной жизни человек превращается в пассивного наблюдателя, неспособного к полноценной социальной жизни (построению отношений, межличностному общению, статусной самореализации и так далее) без потребления. Жизнь, подчиненная цели потребления, создает иллюзию достижения счастья, которой человек утешает себя, участвуя в бесконечной покупательской гонке. Данная ситуация вызывает фрустрацию и кризис духовного мира личности, однако из-за скрытого характера манипуляций консюмеризма не осознается личностью в полной мере.

Тема сопротивления консюмеризму сегодня активно обсуждается в научном сообществе. Очевидным препятствием на пути сопротивления консюмеристской системе ценностей выступает неразвитость среднего класса и невысокий уровень общего благосостояния населения современных трансформирующихся обществ. Однако данный факт трудно считать действенной мерой борьбы с потребительским

обществом. Под воздействием консюмеристской идеологии малообеспеченные слои населения не перестают страстно желать потреблять и даже перепотреблять, что заставляет их активно пользоваться кредитными картами, брать долгосрочные кредиты в целях воспроизводства суггестивно навязанного и лишнего здравого смысла потребительского поведения.

Другим активно обсуждаемым в научном сообществе инструментом борьбы с потребительским рабством выступают идеи потребительского ретритизма. Как указывает исследователь Ю. В. Сюсель, в странах ближнего зарубежья «процесс потребительского ретритизма неоднозначен», там он «представлен в альтернативных потребительских моделях: “рациональной модели потребления”, “пуританской модели потребления” (или “нравственного потребления”), “дауншифтинга”, модели “зеленого потребления”, “эко-потребления”, модели “креативного потребления”» [8, с. 47]. В западноевропейских странах антиконсюмеристское движение более развито. По мнению исследователя А. В. Овруцкого, благодаря протестантским ценностям консюмеризму противостоят: фругализм (традиционный, экономный образ жизни), практики «добровольной простоты», создания «помех» и радикальных антиконсюмеристских действий, практики защиты прав потребителей и так далее. В России, отмечает А. В. Овруцкий, «нет протестантских ценностей и, скорее всего, антиконсюмеристские движения не будут иметь столь масштабного распространения, а значит, потребительские практики могут приобрести наиболее деформированный вид и получить максимально широкий размах» [7, с. 97]. Современное антиконсюмеристское движение возлагает большие надежды на развитие ретритистских форм потребления в современном обществе, уделяя особое внимание практикам креативного (творческого) и зеленого потребления (отказ от фаст-фуда, мехов и кожаных изделий, экономия природных ресурсов и так далее). Сторонники консюмеризма (Р. Инглхарт и другие) утверждают, что практики креативного потребления свидетельствуют о наступлении более зрелого этапа в историческом развитии современного общества, настаивают на том, что такой стиль потребления позволяет человеку освободиться

от внешнего давления индустрии потребления, свободно и творчески осуществлять построение своей идентичности. Особенностью креативного потребления является то, что оно позволяет самостоятельно создавать конечный продукт потребления посредством приобретения других товаров и услуг. Однако такой стиль потребительского поведения, с одной стороны, удовлетворяет духовную потребность в творчестве, с другой стороны, делает это не в интересах человека, а в целях стимуляции перепотребления, только не конечных, а промежуточных продуктов. Очевидно, что на данный момент идеи потребительского ретритизма выглядят неубедительно. Как пишет А. Н. Ильин, «любая антипотребительская идеология превращается в деидеологизированный модный тренд, который продается в соответствии с “законами” рынка» [9, с. 53]. Можно предположить, что современное общество демонстрирует высокую степень приспособленчества к критике и способность извлечь прибыль даже из антиконсюмеристских дискуссий.

Таким образом, каждая историческая эпоха меняет человека, развитие «духовного» исчезает по мере становления потребительского общества. Каждый тип общества (традиционное, индустриальное, постиндустриальное) предъявляет собственные требования к ценностям, моральным нормам, формам поведения, что находит свое отражение в исторической эволюции стилей и практик потребления (от аскетизма к перепотреблению). Данные практики определяют внутренний мир, ценности личности и принципы построения идентичности, трансформируют человека, делая его разным в различные эпохи. Современный человек живет в эпоху информатизации и тотального потребительского принуждения, что негативно отражается на его интересах, желаниях и потребительском поведении. Современное общество делает человека существом социально ненасытным и перепотребляющим, однако полезность такой трансформации вызывает сомнения. Духовная эволюция личности под давлением консюмеристского принуждения приводит к перфекционизму с мещанскими представлениями о фундаментальных духовных ценностях, неврозам от собственных гедонистических наклонностей. Человек не справляется с принуждением

консюмеризма, в то время как проблема борьбы с потребительским рабством в современном обществе концептуально не разрешена, идеи ретретицизма потребления выглядят неубедительными, а антиконсюмеристские практики несостоятельными. Консюмеризм по-преж-

нему искусно манипулирует сознанием людей, превращая их в духовно нищающих пассивных потребителей, не способных реализовать свой личностный потенциал вне иррациональных форм потребительского поведения.

Литература

1. Ильин А. Н. Парадоксы общества потребления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 1.
2. Нарыков Н. В., Дементьев С. А. Человек в информационной среде современного общества: амбивалентность природы и сущности информационного человека // Философия права. 2017. № 1 (80).
3. Кузнецов Д. А. Человек в обществе потребления: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010.
4. Немчина В. И. Идентичность индивида в социальных интернет-практиках // Философия права. 2017. № 1 (80).
5. Колодкин Б. В. Мещанство и общество потребления: социально-философский анализ // Вісник СевНТУ. 2012. № 126.
6. Пак О. А. Общество массового потребления как концепция экстенсивного развития благосостояния субъектов // Экономика: теория и практика. 2015. № 1 (37).
7. Овруцкий А. В. Морфология антиконсюмеристских движений: источники, направления, практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (58). Т. XIV.
8. Сюсель Ю. В. Критика общества потребления в философско-антропологических и социологических исследованиях // Идеи. Философско списание. 2014. № 2.
9. Ильин А. Н. Информация, направленная против самой себя: как инфраструктура потребления поглощает антипотребительский дискурс // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2017. № 1 (29). Т. 2.

Bibliography

1. Il'in A. N. The paradoxes of the consumer society // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2016. № 1.
2. Narykov N. V., Dementiev S. A. Man in the information field of modern society: the ambivalence of nature and the essence of the information person // Philosophy of law. 2017. № 1 (80).
3. Kuznetsov D. A. Man in the Consumption Society: socio-philosophical analysis: abstract dis. ... PhD in Philosophy. Moscow, 2010.
4. Nemchina V. I. Identity of an individual in social internet-practices // Philosophy of law. 2017. № 1 (80).
5. Kolodkin B. V. Philistine and consumer society: socio-philosophical analysis // Bulletin of SNTU. 2012. № 126.
6. Pak O. A. The society of mass consumption as the concept of extensive development of welfare of subjects // Economics: theory and practice. 2015. № 1 (37).
7. Ovrutsky A. V. Morphology of anticonsumer movements: sources, directions, practices // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2011. № 5 (58). Vol. XIV.
8. Syusel Yu. V. Criticism of consumption society in philosophical-anthropological and sociological research // Ideas. Philosophical description. 2014. № 2.
9. Il'in A. N. Information aimed against itself: the infrastructure of consumption assimilates anticonsumer discourse // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State technical university. 2017. № 1 (29). Vol. 2.

Колесникова Елена Юрьевна
Kolesnikova Elena Yurievna

доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат социологических наук.

Associate Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, the Institute of Sociology and Regional Studies, the South Federal University, Phd in Sociology.
Тел.: 8 (950) 852-56-48.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Features of the transformation of models of social behavior of youth in the educational sphere of Russian society

В статье раскрываются особенности трансформации ментальных программ модального социального поведения современной российской молодежи в сфере образования. Особое внимание уделяется тому, что в российском обществе происходит не только прагматизация ценностей молодежи, но и модифицируются представления, ценности и установки социального поведения, связанные с его ментальной составляющей. На основе материалов социологических исследований автор обосновывает, что модальная модель социального поведения молодежи в сфере образования носит в большей степени либерально-ориентированный характер.

Ключевые слова: образование, молодежь, система образования, ментальная программа, социальное поведение, модальная модель социального поведения, консервативно-ориентированная модель социального поведения, либерально-ориентированная модель социального поведения.

The article describes the features of the transformation of mental programming model of social behavior of modern Russian youth in the sphere of education in Russian society. The attention is paid to that is not only pragmatism values of young people take place nowadays, but also representation values and attitudes of social behavior associated with his mental component are modified. On the basis of sociological researches the author proves that the modal model of social behavior of youth in the area of education has largely liberal-oriented nature.

Keywords: education, youth, system of education, mental programs, social behavior, modal model of social behavior, conservative-oriented model of social behavior, liberal-oriented model of social behavior.

При изучении социального поведения российской молодежи в сфере образования большое значение имеет понимание ее современных ценностных ориентаций. Результаты социологических исследований показывают, что в ценностном мире российской молодежи произошел сдвиг, связанный с усилением рациональных, утилитарно-ориентированных мотиваций [1, с. 19–23], и поэтому сегодня молодые люди уже не соотносят жизненные стратегии социального поведения с общественными целями и идеалами, не связывая с ними свои планы и мечты [2, с. 58–60]. Кроме того,

некоторые исследователи обращают внимание на то, что под воздействием массовой культуры в системе ценностей молодежи наблюдается усиление духа потребительства и снижение престижа труда как дела чести и гордости по сравнению со значимостью личного успеха, престижа и благополучия [3].

В последнее время особый интерес вызывает социальное поведение молодежи в контексте рынка труда и образования [4, с. 55–69]. В связи с этим появился целый ряд научных работ, в которых специально рассматриваются профессиональные и образовательные

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

ценности российской молодежи, реализуемые в рамках применения разнообразных информационно-коммуникационных технологий [5, с. 10–14].

Результаты социологических исследований также демонстрируют, что социальное поведение молодежи в сфере образования в российском обществе напрямую связано с рынком труда [6]. В настоящее время наиболее массовым является спрос на наличие дипломов, а не на высокую квалификацию, поэтому при выборе образовательных траекторий ментальные установки одной части молодежи ориентированы на приобретение профессиональных знаний и навыков, а другой, более многочисленной, – на получение официального документа об окончании учебного заведения [7]. Такой выбор образовательных траекторий обусловлен не только спросом на рынке труда, но и тем, что российское образование, как полагают исследователи, не в полной мере отвечает требованиям рыночной экономики, запросам молодежи, в том числе и ее стремлению получать инновационные профессии [8, с. 55–61].

При изучении социального поведения молодежи в сфере образования необходимо обратить внимание на проблему социального неравенства, которая выражается в том, что доступность образования в российском обществе обусловлена в первую очередь социально-имущественными и территориальными факторами. Речь идет о неравном доступе к качественному образованию молодых людей, который обусловлен их социально-статусными позициями, а также детей из семей, обладающих различным финансовым и культурным капиталом. Наличие социального неравенства в сфере образования порождает варианты социального поведения, при этом, как считают исследователи, чем выше положение молодых людей в социальной иерархии, тем больше в их действиях признаков самоопределения, и чем ниже – тем больше показателей поведения адаптивного характера.

В научной литературе также особое внимание уделяется объективным и субъективным факторам, обуславливающим социальное поведение российской молодежи в образовательной сфере.

В качестве объективных факторов называют социально-экономические и демографиче-

ские изменения в стране; трансформацию ценностных ориентаций, в том числе связанных с престижем образования и различных профессий; формирование иерархии «элитных» и «дешевых» образовательных учреждений; внедрение платного обучения; усиление неравенства в сфере образования; материальное положение, социально-профессиональный статус родителей и даже цивилизационную специфику отдельных регионов [9, с. 33–35].

К субъективным факторам относят прежде всего социальные установки, нормы и ценностные ориентации, закрепленные в общественной, групповой и индивидуальной ментальности [10]. При этом исследователи отмечают: «Если на макросубъективном уровне формируются общественно значимые ценности по поводу образования и знаний, представления об их месте в общественных отношениях и в жизни отдельных людей, то в индивидуальном и групповом сознании осуществляется непосредственная связь усвоенных образцов с конструированием сценария успешной жизни. Отражение макропроцессов наполняет конкретным содержанием, мотивирует деятельность молодых людей, определяя их установки в сфере образования» [11, с. 155]. В связи с этим важным представляется вывод отдельных ученых о том, что в процессе формирования социального поведения в сфере образования молодые люди опираются в первую очередь на индивидуальные ментальные установки и предпочтения [12].

Таким образом, в современной научной литературе уже рассматривались различные сюжеты, относящиеся к выявлению факторов и особенностей социального поведения российской молодежи в сфере образования, однако проблематика, связанная с выявлением его модальных моделей, еще не стала предметом специальных исследований, как на уровне эмпирических научно-исследовательских практик, так и на уровне теоретической рефлексии.

Анализируя эвристические подходы к исследованию социального поведения (вне зависимости от определенной социальной сферы), следует сказать, что в настоящее время наметилась тенденция, связанная с преодолением познавательной односторонности личностного и ситуационного, диспозиционного и культурного подходов. В русле данной направлен-

ности поведение человека не рассматривается как результат давления социальной ситуации или индивидуальных черт его характера, социальных ценностей, установок или культурной предрасположенности. Социальное поведение (в том числе и в сфере образования и самоопределения) трактуется в первую очередь как следствие интерпретации человеком ситуации и приписывания ей значений и смыслов в определенном социокультурном контексте. Интерпретация социальной ситуации и соответствующее поведение как реакция человека на нее и на внешние изменения в виде совокупности действий, направленных на поддержание существования или адаптацию к социальной среде, осуществляются на основе ментальной программы, сформировавшейся в процессе коммуникации [15, с. 32–52].

В современной науке модели социального поведения иногда рассматриваются как короткие поведенческие сценарии или образцы социальных действий [14, с. 116–124]. В этом отношении модель такого поведения – это когнитивный аналог практик социального поведения как ответной реакции человека на ситуацию в виде определенных действий, обусловленных структурами ментальной программы. При этом нерелективные структуры этой программы определяют нормативную модель социального поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм, а релективные структуры – модальные модели социального поведения, статистически наиболее распространенные в обществе [13, с. 59–65].

Переход России к рыночным отношениям в 90-х годах и связанная с этим структурная перестройка экономики породили глубокие изменения в общественной жизни, в том числе в сфере образования. В результате в условиях экономических и социокультурных трансформаций ментальные программы, определяющие модальные модели социального поведения, неизбежно эволюционируют, меняются ценности, представления и установки.

Модель поведения молодежи эволюционировала от консервативной к либеральной версии, поскольку под воздействием различных факторов изменились релективные структуры этих программ.

Для консервативно ориентированной модели социального поведения в сфере образования, характерной для молодежи 90-х годов (еще ментально существовавшей «в инерции» советского времени представлениями, ценностями и установками), была свойственна ориентация на образованность как на терминальную, социокультурную ценность, что сопровождалось стремлением к обучению как к социальному благу, а также как к способу «быть полезным обществу». В современной России образованность, владение специальностью, квалификацией в большей степени ценятся инструментально как капитал для инвестирования в высокий и престижный социальный статус, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам. Сегодня образовательные стратегии молодежи выстраиваются, исходя из их представлений о том, что получение хорошего образования является гарантией успешной жизненной карьеры или высокого дохода.

Этот ценностный «дрейф» происходит под воздействием как объективных факторов, так и в результате информационного воздействия на сознание молодых людей, а также вследствие осмысления ими собственного социального опыта.

К объективным факторам следует отнести прежде всего ситуацию на рынке образовательных услуг и на рынке труда: возросшую конкуренцию, высокую безработицу среди молодых специалистов, критический уровень социальной дифференциации в обществе, неустойчивое состояние системы высшего образования, находящегося в постоянном реформировании, образовательное неравенство, противоречивую государственную образовательную политику, реализующую стратегию коммерциализации образования. Также среди объективных факторов, влияющих на специфику модели социального поведения молодежи в образовательной сфере, следует назвать динамику изменений в структуре профессий, составе компетенций, квалификаций; количественный и качественный дисбаланс (ввиду инерции образовательных систем) между содержанием выпуска образовательных учреждений и реальной потребностью экономики в квалифицированных кадрах; особенности современной рыночной экономики с ее стихией спроса, конкурентной борьбой и непредсказу-

мостью; рост «временной занятости»; усиление несоответствия полученных дипломов и профессиональной квалификации. Не случайно результаты опроса работодателей чаще всего отмечают недостаток или отсутствие у молодых специалистов необходимой профессиональной подготовленности (на это указали 64 % опрошенных работодателей).

Большое влияние на социальное поведение молодежи в сфере образования оказывают средства массовой информации (прежде всего Интернет), которые непосредственно формируют представления о престижности тех или иных профессий и образовательных учреждений, в которых их можно получить.

Однако, несмотря на важность этого комплекса объективных факторов, наибольшее непосредственное влияние на формирование ментальных программ социального поведения молодежи в образовательной сфере, как подтверждают исследования, оказывают условия ближнего социального окружения – семья, родственники, друзья, уровень их благосостояния и социального престижа, характер общей социокультурной среды. В частности, это особенно проявляется в ситуации выбора профессии. Так, согласно данным социологических исследований студенческой молодежи, на вопрос: «Кто посоветовал выбрать профессию, специальность?» 37 % студентов вузов ответили: «Родители». На авторитет родителей, повлиявший на выбор образовательной траектории, также указали 35 % лицеистов и 37 % учащихся колледжей.

Фактором микросреды, воздействующим на социальное поведение молодых людей, является также социальный статус родителей и друзей. Известно, что «ближний круг», авторитетное мнение входящих в него субъектов (особенно в локальных обществах) имеет значение императива и формирует базовые представления, ценности и установки в ментальных программах молодежи.

К субъективным факторам, определяющим направленность содержания ментальных программ, можно отнести целеустановки и ценностные ориентации личности, способности и уровень культуры, интеллектуальные качества, психологический тип личности.

Если еще несколько десятилетий назад содержание ментальных программ социального

поведения молодежи в сфере образования так или иначе было связано с устойчивыми стратегиями закрепления социального статуса и определенной жизненной и профессиональной траектории, то в современном российском обществе поведение молодых людей связано с постоянной сменой социальных статусов, профессий, квалификации, форм занятости, так как полученные в процессе обучения знания и умения устаревают в течение в среднем пяти лет, и имеющееся образование и квалификация не могут служить гарантией профессионализма и надежного трудоустройства. Современный молодой человек, таким образом, постоянно находится в условиях риска (в ситуации неопределенности, связанной с «балансом» его уровня притязаний и наличия соответствующих социальных ресурсов), который становится «константой» его ментальной программы социального поведения. В результате у молодежи формируется модель социального поведения, которая связана с ситуативным и немотивированным подходом к выбору образовательных стратегий и путей профессионального самоопределения.

Социологические исследования показывают, что для современной российской молодежи базовыми являются представления о том, что образование – это социальный, символический капитал, инвестиция в будущее, социальный лифт, путь к успешной карьере. Ценность образования связана с возможностью в целом стать образованным человеком, реализоваться в профессии, самореализоваться как личность. С представлениями и ценностями молодых людей в сфере образования тесно сопряжены их социальные установки.

Анализируя систему жизненных ценностей современной молодежи, которые определяют базовую модель их социального поведения в сфере образования и профессионального самоопределения, следует отметить, что материальное благополучие значит для ее представителей значительно больше, чем, например, уважение со стороны окружающих. С конца 90-х годов отмечается также значительный рост актуальности стремления быть знаменитым, подобное честолюбие развито у молодых людей куда сильнее, чем у представителей более старшего поколения.

Таким образом, в целом современные молодые люди в отличие от большей части старшего поколения имеют установки на жизненные достижения, при этом они не просто манифестируют, что хотели бы получить те или иные блага, но уверены, что «в силах этого добиться».

Также запрос на высокий социальный статус выражен у современной молодежи ярче, чем у более старшего поколения (чья юность и молодость пришлась на 90-е годы). Говоря о положительных результатах рыночных реформ в России, молодые россияне к наиболее значимым для общества относят: насыщение рынка товарами (54 %), свобода выезда за рубеж (40 %) и возможность зарабатывать без ограничений (31 %). В число ключевых плюсов реформ для молодого поколения входит также сближение российского образа жизни с западным (24 %), значительная часть молодых людей хотела бы временно уехать на учебу за границу (20 %).

Согласно данным социологических опросов, молодые граждане России чаще заявляют о своем желании получить образование (этого нет в планах у 5 % молодежи в возрасте до 35 лет и 11 % остального населения), найти хорошую работу (2 и 4 %), побывать в разных странах мира (13 и 26 %), стать богатыми людьми (20 и 36 %). При этом россияне до 35, и особенно до 25 лет, значительно реже остального населения не включают в жизненные планы открытие собственного бизнеса (21 и 48 %), карьерный рост (18 и 53 %), а также приобретение известности (50 и 78 %) и получение доступа к власти (56 и 76 %).

По информации института социологии Российской академии наук, за последние десятилетия ориентированность молодых россиян на ценности индивидуализма, достижений, самостоятельности и конкурентности, в том числе в сфере образования, усилилась (тогда как россияне старших возрастных групп в массе своей уверены, что жить, как все, лучше, чем выделяться среди других).

В данном контексте можно упомянуть об отношении молодых людей к возможности самостоятельно выбирать страну проживания, а также переступать через моральные нормы и принципы во имя достижения жизненного успеха. Молодежь до 25 лет в боль-

шинстве своем ориентирована на инициативу и поиск нового, тогда как старшее поколение – на следование привычному. Также основная часть молодых людей предпочитает позицию «жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но все-таки интересно».

Сменить место жительства ради интересной и высокооплачиваемой работы в своей стране готовы 79 % молодежи (для сравнения: остальное «взрослое» население готово решиться на данный шаг лишь в трети случаев). Это свидетельствует о том, что поведение российской молодежи в сфере образования нацелено на мобильность, однако демонстрирует ориентацию на Запад.

Рассматривая роль терминальных ценностей современной молодежи в сфере образования и профессионального самоопределения, следует отметить, что в структуре жизненных целей приоритетными являются позиции «получить хорошо оплачиваемую работу» (97,7 %), желание «стать богатым человеком» (72,8 %), «иметь собственный бизнес» (65,6 %), «сделать карьеру» (93,7 %), побывать в разных странах мира (85,6 %).

Можно констатировать, что направленность и содержание представлений, ценностей и установок в ментальных программах модального социального поведения молодежи в сфере образования свидетельствуют о формировании его либерально-ориентированной модели, для которой характерны независимость, ранний жизненный прагматизм, индивидуализм, гибкость и рациональность.

Таким образом, за последние два десятилетия произошла трансформация моделей социального поведения российской молодежи от консервативно-ориентированной к либеральной версии под влиянием целого ряда весьма динамичных процессов, среди которых: изменения в структуре профессий, количественный и качественный дисбаланс между выпуском из образовательных учреждений и реальным экономическим спросом специалистов на рынке труда, рост «временной занятости», расширение практик использования гибких форм занятости.

Также среди внешних факторов, влияющих на трансформацию ментальных программ социального поведения молодежи, следует отметить «разрыв» институциональных связей

между социальным спросом и системой образования. Произошла коммерциализация образования, которая трансформировала социальный спрос в экономический, усилилось расслоение общества по доходам и ресурсам, потенциалу вертикальной социальной мобильности, обострив неравенство доступа молодежи к образованию.

В результате у российской молодежи сегодня формируется такая модель социального поведения в сфере образования, которая обусловлена краткосрочным и немотивированным подходом к выбору специальности. Эта модель характеризуется противоречиями между желаемым и возможным, традиционным и современным, терминальным и инструментальным, стихийным и сознательным, ориентированием на риск или стабильность.

Социологические исследования верифици-

руют в ментальной программе современной российской молодежи представления об образовании как о социальном, символическом капитале, инвестируемом в будущее, как о социальном лифте, «доставляющем» человека на высокий этаж статуса и карьеры. Среди установок, определяющих модель социального поведения, идентифицируется прежде всего установка на «достижение» – приобретение высшего образования, возможности реализоваться в престижной профессии ради получения материальных и символических благ, карьерного продвижения. Это позволяет идентифицировать такую модель как либерально-ориентированную, в ментальной программе которой доминируют ценности материального благополучия, успеха, престижа, карьеры, высокого статуса и дохода, установки на рационализм, прагматизм, индивидуализм, ориентация на личные достижения.

Литература

1. Фомченкова Г. А. Трансформация ценностных ориентаций: межпоколенческое сопоставление // *Власть*. 2012. № 12.
2. Луценко Н. О. «Утечка мозгов»: тенденции и меры по преодолению // *Власть*. 2013. № 8.
3. *Культурология в вопросах и ответах / под ред. проф. Г. Драча*. М., 1999.
4. Константиновский Д. Л. Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи // *Социологический журнал*. 2014. № 3.
5. Лубский А. В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // *Информатика и образование*. 2007. № 6.
6. *Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. ред. М. К. Горшков*. М., 2014.
7. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.
8. Сорокина Н. Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // *Социологические исследования*. 2003. № 10.
9. Лубский А. В. Северный Кавказ – периферия российской цивилизации // *Научная мысль Кавказа*. 2000. № 2.
10. Лубский Р. А. Политический ментали-

Bibliography

1. Fomchenkova G. A. Transformation of valuable orientations: intergenerational comparison // *Power*. 2012. № 12.
2. Lutsenko N. O. «Brain drain»: tendencies and measures for overcoming // *Power*. 2013. № 8.
3. *Cultural science in questions and responses / under the editorship of the prof. G. V. Drach*. Moscow, 1999.
4. Konstantinovskiy D. L. Education, labor market and social behavior of youth // *Sociological log*. 2014. № 3.
5. Lubsky A. V. Methodological problems of use of ICT in educational space of the higher school // *Informatics and education*. 2007. № 6.
6. *Russia and China: youth of the 21st century / under the editorship of M. K. Gorshkov*. Moscow, 2014.
7. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of a study and Russian realities: dis. ... PhD in Philosophy. Rostov-on-Don, 1999.
8. Sorokina N. D. Changes in education and dynamics of vital strategy of students // *Sociological researches*. 2003. № 10.
9. Lubsky A. V. North Caucasus – the periphery of the Russian civilization // *Scientific thought of the Caucasus*. 2000. № 2.
10. Lubsky R. A. Political mentality: method-

тет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

11. Зубок Ю. А. Неравенство и образование: новые грани взаимодействия // Социологические исследования. 2010. № 5.

12. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д, 2002.

13. Колесникова Е. Ю. Социальное поведение в ракурсе классических и современных подходов в гуманитарном знании // Философия права. 2016. № 4.

14. Павленко О. Б. Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 10 (41).

15. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А. В. Лубский. Ростов н/Д, 2016.

ological problems of a study and Russian realities: abstract of dis. ... PhD in Philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

11. Zubok Yu. A. Inequality and education: new edges of interaction // Sociological researches. 2010. № 5.

12. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of a research. Rostov-on-Don, 2002.

13. Kolesnikova E. Ya. Social behavior in a perspective of classical and modern approaches in humanitarian knowledge // Philosophy of law. 2016. № 4.

14. Pavlenko O. B. Correlation of values of culture and models of social behavior // Almanac of the modern science and education. 2010. № 10 (41).

15. Mental programs and models of social behavior in the Russian society: monograph / under the editorship of A. V. Lubsky. Rostov-on-Don, 2016.

Середнев Владимир Анатольевич
Serednev Vladimir Anatolievich

преподаватель кафедры права, философии и социальных дисциплин факультета экономики и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Lecturer, Department of Law, Philosophy and Social Sciences, Faculty of Economics and Law of the Arzamas Branch of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

E-mail: naganov1910@mail.ru

**К ВОПРОСУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ «ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»
ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ «ПРАВ ГРАЖДАНИНА»**

**To the question of confrontation: the ideology of «human rights»
against the ideology of «citizen's rights»**

В статье рассматривается проблема противостояния западной идеологии «прав человека» и идеологии национального государства – «прав гражданина». Автор анализирует диаметрально противоположные идеологии, а также описывает их признаки в правовом и социально-политическом контекстах.

Ключевые слова: Запад, либерализм, «права человека», «права гражданина», гражданское общество, государство.

The article deals with the problem of confrontation of the Western ideology of «human rights» against the ideology of the national state of «citizen's rights». The author shows diametrically opposite ideologies of «human rights» and «the rights of a citizen», as well as their signs, both in the legal context and in the socio-political.

Keywords: West, liberalism, «human rights», «citizen's rights», civil society, the state.

Планетарный заговор Суши против Моря, Земли против Воды, Авторитарности и Идеи против Либерализма и Материи. Заговор сил Бытия против сил Небытия.

А. Г. Дугин

Рассмотрение вопроса об идеологии прав человека необходимо начать с того, что в западной либеральной парадигме во всех общественных отношениях, в том числе и в области права, в доминирующем положении оказывается форма (например, в уголовно-процессуальном праве процедура процессуального получения и закрепления информации находится выше ее содержания), которая стоит выше сущности (содержания) какого-либо феномена (явления) или обстоятельства.

Следует отметить, что «...если рассмотреть сегодняшнюю систему принципов уголовного судопроизводства России, то очевидно, что практически все они сформированы на концепции западного либерального учения “права человека”, соответственно в принципах индивиду ставится выше общества...» [7, с. 47–48; 8, с. 108]. Полагаем, что «основой уголовно-

процессуального законодательства России являются идеи двух немецких идеалистов философии И. Канта и Г. Гегеля ...», более того, западная либеральная мысль не может признать того, что благодаря совести (внутреннему судилищу человека, которое он должен рассматривать как внутренний долг перед обществом), нравственности (например, представления человека о добре и зле, чести, долге) появляется возможность контролировать действия людей и регулировать общественные отношения в какой-либо сфере деятельности, в том числе в уголовно-процессуальной [8, с. 108]. В отличие от русского мышления и менталитета «...в протестантской культуре отдается приоритет не содержанию, а форме. Для русского духа характерна вера в содержание (в сущность), а не в форму, содержание всегда первоначально, а форма вторична» [7, с. 47].

По нашему убеждению, понятие «форма», или «формализм», есть ни что иное, как культ поклонения, выражающийся, прежде всего в ханжестве, то есть в виде некоего «благочестия» и показного пиара того, во что сами идолопоклонники не верят. Верно в отношении данного явления отмечал Т. Карлейль: «...нет человеческого деяния более безнравственного, чем этот формализм, ибо он – начало всякой безнравственности или, вернее, невозможности с момента его появления какой бы то ни было нравственности. Он парализует моральную жизнь духа в самой сокровенной глубине ее, подвергает ее в фатальный магнетический сон» [5, с. 150]. Необходимо заметить, что идеология «прав человека», связана в определенной степени с идолопоклонничеством, а парализация духа – с поклонением не богу, а человеку.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [6] (неофициальное название – Европейская конвенция по правам человека) является одним из основных документов Совета Европы. Вызывает интерес то, что данная Конвенция устанавливает неотъемлемые права и свободы и обязывает государства, ратифицировавшие ее, гарантировать эти права каждому человеку, который находится под их юрисдикцией. Возникает вопрос о том, почему в Конвенции о защите прав человека и основных свобод не отражены понятия свобод гражданина, если в ней идет речь об обязанностях государства. По какой причине связи между человеком и национальным государством, в котором он проживает, именно она преобразует человека в гражданина с правами и обязанностями, предоставленными ему государством в аспекте интересов государства и самого гражданина. По какой причине нет связи между человеком и национальным государством, в котором он проживает? Именно она преобразует человека в гражданина с правами и обязанностями, предоставленными ему в рамках интересов самого гражданина и государства. По какой причине иностранные государства, покушаясь на суверенитет, могут вмешиваться в национальные интересы других стран, которые вправе самостоятельно выбирать организационно-правовой механизм и технологии в области права и всех сторон социально-экономическо-

го состояния государства? Ответ на этот вопрос прост: по праву либеральной идеологии. Запад в настоящее время навязывает всему миру, в том числе и России, идею о том, что именно он является «нормативным критерием для оценки народов и культур всего мира...» [3, с. 499]. С политической точки зрения Запад не является географическим термином в классическом его понимании: «...сферичность Земли делает такое определение просто некорректным: то, что для одной точки – Запад, для другой – Восток... концепция “Запад” по умолчанию берет за нулевую отметку, откуда откладываются координаты долготы, именно Европу... нулевой меридиан проходит по Гринвичу... в международной практике центром координат стала Европа, более узко – Западная Европа. Именно от нее принято откладывать вектор в сторону Востока и вектор в сторону Запада...» [3, с. 497]. В связи с этим следует отметить, что Запад в настоящее время обвиняет некоторые другие страны в биологическом расизме, при этом ему характерны все остальные виды расизма (цивилизационный биогенетический, технологический, исторический и другие), включая и аксиологический, который утверждает существование универсальной шкалы ценностей, обязательной для всех человеческих обществ, с осуждением тех, кто ее не признает [4, с. 498]. «Везде, где европейцы сталкивались с “незападными” культурами, которые сохраняли традиционное общество и его уклад, они ставили однозначный диагноз – “варварство”, “дикость”, “неразвитость”, “отсутствие цивилизации”, “отсталость”... Чем дальше они были от Запада (в его новейшей исторической фазе), тем более “ущербным” и “неполноценным” они считались» [3, с. 499]. Поэтому очевидно, что носители идеи «права и свободы человека» есть носители определенной, специфической идеологии (например, коммунизма, фашизма), которая является агрессивной в культурном, интеллектуальном и тем более в идеологическом аспекте и отражает уверенность в том, что у всего человечества путь развития западного либерального образца и другого пути развития не существует. «Этот демарш позволяет США утверждать неприкосновенность собственного суверенитета, считая при

этом, что у них есть право по собственному желанию вмешиваться в дела всего остального мира, рискуя даже тем, что на них будут смотреть как на главный фактор растущего ожесточения в международных отношениях» [1, с. 75].

Нельзя сказать, что идея прав человека отменяет идею прав гражданина, но первая в определенной степени «атакует» вторую. Одно из отличий прав человека от прав гражданина заключается в том, что права человека связаны с либеральными свободами, то есть со свободой от чего-то, а конкретнее, от лобой групповой идентичности независимо от принадлежности к тому или иному государству (однако отношение лица к государству является групповой идентичностью). Например, женщина и мужчина – также групповая идентичность, в связи с этим в либеральных кругах сейчас остро поднимается вопрос об «освобождении человека» от такой групповой идентичности, как пол. Поскольку с точки зрения социологии пол является не врожденным признаком, а приобретенным, либералы настаивают на том, что человек может быть женщиной или мужчиной по своему желанию, а не в зависимости от анатомических признаков.

Права гражданина существуют в определенном государстве и их определяет национальное государство. Ранее российский народ был освобожден сначала от таких групповых идентичностей, как «теисты» и «атеисты» (религия в Советской России была официально запрещена), а не так давно по историческим меркам – от «национальности», которая существовала юридически и указывалась в паспорте гражданина. Думается, что впереди у апологетов либеральной идеологии появится стремление освободить общество от гражданства, так как оно также относится к групповой идентичности. Самое главное отличие прав человека от прав гражданина состоит в том, что первые, являясь чисто либеральной концепцией (религией западного общества), предполагают рассмотрение человека отдельно от национального права (законодательства), предусматривая при этом право на интервенцию (в случае недостаточности военных сил для вторжения возможно введение экономических санкций) того государства, где, по мнению западных «экспертов», нарушаются права человека. Эта либеральная идеология прав человека

связана с уничтожением групповой идентичности, однако граждане государства – групповая идентичность по отношению к гражданам других государств, из этого следует уничтожение государственных границ и введение стран под управление мирового правительства.

Необходимо указать на то, что в настоящее время термин «мондиализм», являющийся сугубо политическим, глубоко проник во все три существующие мировые политические идеологии (либерализм, фашизм, коммунизм). «Мондиализм – это особое идеологическое направление, которое на основании реальных интеграционных процессов в современном мире предполагает в конечном итоге полное объединение всего человечества в едином государстве, под управлением единого Мирового Правительства... Такой проект предполагает в качестве необходимого условия отмирание традиционных государств, народов, рас, культур и религий и создание некоей новой особой “общечеловеческой цивилизации”... Важно заметить при этом, что идеологической базой такой “общечеловеческой цивилизации” должна стать именно западная цивилизация, считающаяся наиболее эффективной и “прогрессивной” с ее либеральной идеологией и рыночной экономикой» [2, с. 338].

На основании вышеизложенного предлагаем свое определение понятия религии прав человека. «Права человека – особая идеология либерального воззрения космополитизма, рассматривающая нормой правоотношений индивидуумов, без всех форм групповой идентичности, в отрыве его (человека) от контекста гражданина и его прав, основанная на представлении о том, что судьбой человека, принадлежащего другому государству, может интересоваться не только то государство, к которому принадлежит человек, но и внешние по отношению к этому государству акторы, при вмешательстве которых происходит наложение двух моделей права: национального и права на защиту не гражданина, а человека» [9, с. 291].

Особое опасение в идеологии прав человека, которая усиленно насаждается западным миром в России, вызывает деятельность западных либеральных кругов и спецслужб, направленная на разрушение суверенитета российского государства с дальнейшим его уничтожением.

Литература

1. Бенуа А. Карл Шмитт сегодня / пер. с фр. С. Денисова. М., 2013.
2. Дугин А. Г. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М., 2005.
3. Дугин А. Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М., 2014.
4. Дугин А. Г. Русский Логос – русский Хаос. Социология русского общества. М., 2016.
5. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории: сборник: пер. с англ. М., 2012.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 «Об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984). URL: <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>.
7. Середнев В. А. Отрицательное воздействие западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России на примере протестантских воззрений И. Канта и Г. Гегеля // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14).
8. Середнев В. А., Егутов А. В. Морально-нравственный аспект как альтернатива формально-правового требования (свойства) доказательств при использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (7 апреля 2017 г.) / науч. ред.: В. Ю. Толстолуцкий, А. И. Юматов, А. А. Статуев, В. А. Колосова. Арзамас, 2017.
9. Середнев В. А. О необходимости денонсации культурно-аксиологического расизма в отношении России на примере понятия «права человека» (этносоциологический аспект с позиции философии консервативного традиционализма) // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2017.

Bibliography

1. Benoit A. Karl Schmitt today / transl. from French S. Denysov. Moscow, 2013.
2. Dugin A. G. Conspiracy (science of conspiracies, secret societies and secret war). Moscow, 2005.
3. Dugin A. G. The Fourth Way. Introduction to the Fourth Political Theory. Moscow, 2014.
4. Dugin A. G. Russian Logos – Russian Chaos. Sociology of Russian society . Moscow, 2016.
5. Carlyle T. Heroes, veneration of heroes and heroic in history: collection: transl. from English. Moscow, 2012.
6. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on May 13, 2004) (together with Protocol № 1) (signed in Paris on 20.03.1952), Protocol № 4 on the securing of certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and the first Protocol thereto (signed in Strasbourg on 16.09.1963), Protocol № 7 (signed in Strasbourg on 22.11.1984). URL: <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>.
7. Serednev V. A. The Negative Impact of the Western Liberal Worldview on the Criminal Proceedings of Russia on the Example of the Protestant Views of I. Kant and G. Hegel // Domestic Jurisprudence. 2016. № 12 (14).
8. Serednev V. A., Egutov A. V. The Moral and Moral Aspect As An Alternative to the Formally Legal Requirement (Properties) of evidence using the results of operational investigative activities in the criminal process // Modern law problems through the eyes of young scientists: a collection of articles of the participants of the International scientific and practical conference (April 7, 2017) / ed.: V. Yu. Tolstolutsky, A. I. Yumatov, A. A. Statues, V. A. Kolosova. Arzamas, 2017.
9. Serednev V. A. On the need to denounce cultural and axiological racism against Russia, using the example of the concept of «human rights» (ethnosociological aspect from the standpoint of the philosophy of conservative traditionalism) // Breakthrough scientific research: problems, patterns, perspectives: a collection of articles of the VIII International scientific and practical conference / ed. G. Yu. Gulyaev. Penza, 2017.

Овчарова Анжелика Ивановна
Ovcharova Anzhelika Ivanovna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
E-mail: ovai2605@gmail.com

**НАЦИОНАЛЬНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ МАТРИЦА
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
**National-identification matrix of Russian political power:
socio-philosophical interpretation**

В статье рассматривается феномен матрицы национальной идентичности российской политической власти. Автор приходит к выводу, что идентификационная матрица является социальной по своей структуре, ее содержание и форма зависят от особенностей общества, а ее основу создают ценности, смыслы и ориентиры, образующие групповые, пространственно-территориальные, политические, социокультурные и другие идентичности.

Ключевые слова: идентификационная матрица, политическая власть, российская государственность, христианские традиции, национальная идентичность, глобализация.

This article discusses the phenomenon of the matrix of national identity of Russian political power. The author concludes that the identity matrix is social in its structure, its content and form depend on the peculiarities of society, and its basis is created by values, meanings and orientations, forming group, spatial, political, social, cultural and other identity.

Keywords: identity matrix, political power, Russian statehood, Christian tradition, national identity, globalization.

В современном российском обществе произошли сдвиги в системах координат и формах самоопределения россиян, связанные с уменьшением числа адекватных идентификационных моделей, размытостью и метафоричностью понятий, касающихся содержания и особенностей российской политической власти, совмещением старых и новых властных образов и наложением разно ориентированных модернизационных стратегий.

Идентификационные матрицы, призванные консолидировать российское общество, не вносят существенных корректив в сознание и поведение населения. Все это затрудняет идентификацию с политическими акторами, с одной стороны, способствуя инфляции символических значений, с другой – легализует потребность в настоящих символах власти, одним из которых выступает национально-религиозная матрица идентичности. При этом политическую идентичность власти могут выражать

различные идентификационные матрицы, неизменно сохраняя во всех своих формах для субъекта идентификации символическое значение, свободное от имитационных практик и технологий.

Идентификационная матрица является социальной по своей структуре, ее содержание и форма зависят от особенностей общества, а изменения идентичности обуславливаются социальными изменениями. Ее основу создают нравственные ценности, смыслы и ориентиры, образующие политические, пространственно-территориальные, социокультурные и другие идентичности. Матрица характеризует самоидентификацию индивида и запускает индивидуальные и коллективные идентификации.

В понятийной практике можно выделить несколько семантических аспектов, в которых используется термин «идентичность», в то же время индивидуальность понимается как один

из аспектов интерпретации индивидом социальной реальности. В связи с этим в индивидуальности можно выделить два уровня – личностный и социальный. Первый представляет собой набор различных личностных характеристик, которые делают индивида уникальным, а второй связан с идентификацией индивида с его социальными ролями и определенными социальными группами.

В современном обществе коллективные идентичности целенаправленно формируются различными группами политической и интеллектуальной элиты, которые используют соответствующие социальные и политические институты, современные информационные технологии и средства коммуникации, и также постепенно разрушаются ранее сложившиеся идентичности. Кроме того, коллективные идентификационные матрицы образуются не только под влиянием деятельности государства и политической элиты, а также различных влиятельных корпораций, но и в результате стихийной трансформации массового сознания, реагирующего на социально-экономические, духовно-нравственные и культурные изменения в социуме. В качестве ответной реакции на эти изменения активизируются такие традиционные формы коллективной самоидентификации, как цивилизационная, национальная и религиозная.

Различные матрицы, отличающиеся большой инерцией, при соединении друг с другом образуют пространство, в котором существуют государство и народ. Поэтому различные эксперименты по замене их на другие, даже более совершенные, всегда требуют значительных усилий и порой могут привести и к катастрофическим последствиям.

Сегодня нередко действия российской политической элиты свидетельствуют о сознательном игнорировании цивилизационного своеобразия страны, отказе от титула великой российской цивилизации и воспроизводства традиционных форм жизни в народном сознании. Теперь представители правящей элиты, по мнению В. Шевченко, утверждают, что Россия есть неотъемлемая часть общей европейской цивилизации, но они, к сожалению, не озвучивают до конца последствия этого «переименования». Если российская цивилизация осуществила свое историческое предназначение, то тогда действительно трудно найти до-

казательные аргументы для обоснования претензий страны следовать и далее по особому пути развития, и все разговоры о нем утрачивают свою значимость [4, с. 138].

Исторический опыт показывает, что если ориентироваться исключительно на проект реформ, опирающийся на структуры западного типа, то он будет обречен на неудачу в российских условиях. Если реформаторы смогут нивелировать традиционную русскую культуру или подменить ее иными цивилизационными культурными стандартами, то сохраняется вероятность того, что Россия как цивилизация и как большая страна исчезнет. При благополучном развитии геокультурной экспансии, направленной на разрушение культурных потенциалов российского государства и транслирование чуждых культурных образцов, такая угроза останется в обозримом будущем.

В связи с этим весьма актуальным является мнение доктора исторических наук, исследователя истории России и Древней Руси Александра Назаренко, который считает, что хрупкое национальное равновесие в России пока еще удерживается только благодаря повсеместному отступлению русского национального начала, а значит – отступлению государственности. Ясно, что до бесконечности этот процесс продолжаться не может – в своем логическом завершении эта тенденция означает окончательную гибель России как державы в ее исторически сложившихся формах.

Русское национально-государственное сознание стоит перед неотложной задачей нового самоопределения. Ее сложность, особенно в наше время духовно-идейного хаоса, определяется по беспомощному смятению, которое охватывает умы при попытках дать внятный ответ на вопрос о путях искомого самоопределения, и такие попытки лишены положительного пафоса, так как предпринимаются с заранее оборонительных позиций: их главный мотив – оправдаться, что русскому национальному характеру вовсе не свойственны те пресловутые «имперские амбиции», о которых твердят якобы предвзятые русофобы, что на самом деле «мы не хуже других» [1, с. 134].

На наш взгляд, XX век стал для России временем важных критических периодов, суть каждого из которых состояла в столкновении

противоборствующих сил, складывающихся в течение веков, и почти все столетие страна находилась в силовом поле воздействия мировоззренческой системы советского коммунизма. Вместе с тем во второй половине XX века духовно-нравственная и психологическая основа советского народа стала разрушаться вследствие масштабных перемен в идеологии, экономической и политической жизни государства, запомнившихся в истории как «перестройка». Причем разрушение национально-идентификационной матрицы русского народа осуществлялось целенаправленно, с применением сильных и даже порой преступных технологий, а именно была предпринята попытка создать новый по своей сущности народ, с иными идентификационными качествами, новыми идеалами (или отсутствием таковых) и культурой. В самом начале реформационных изменений преследовалась цель изменения типа государства с помощью социально-культурной, экономической, информационно-психологической стратегий таким образом, чтобы оно утратило его патерналистский характер.

С помощью социально-культурной стратегии духовно-нравственные ценности российского общества постепенно стали подменяться материальными, а именно стандартами биологизации человеческого бытия, началось замещение цивилизационно идентичной культуры иными культурными моделями, а также разрушение сложившихся культурных норм и отказ от высоких культурных образцов в пользу примитивных. Кроме того, необходимо учитывать особенную динамичность современного мира, которую человек стал осваивать с помощью различных информационных технологий, продуцирующих готовые мыслительные штампы, запрограммированные решения, однородную социокультурную, экономическую и политическую информацию, которые стандартизировали его культурное наследие и оказали деструктивное воздействие.

Следующая так называемая экономическая стратегия (в первую очередь процессы приватизации земли и промышленных предприятий) лишила российский народ его общественной собственности, а также, что немаловажно, и личных сбережений. Это породило кризис народного хозяйства, недоверие и утрату социального статуса большим количеством ра-

бочего и технического персонала, а также квалифицированных работников сельского хозяйства. Резкое обеднение социальных слоев населения страны изменило их образ жизни, что в свою очередь спровоцировало изменение и в материальной культуре народа (в совокупности всех материальных ценностей), и в его мировоззрении.

С помощью стратегических способов масштабированного, избирательного или систематического воздействия на сознание (а также подсознание) лидеров государства, политических объединений, различных социальных групп людей так называемой информационно-психологической войны в стране началось непосредственное разрушение культурного ядра российского народа, его «центральной матрицы» мировоззрения. Вследствие таких деструктивных процессов большая часть населения утратила целостную систему нравственных ориентиров, наднациональные ценности, историческую память и символы, скреплявшие национальное самосознание, а также такие качества, как коллективизм, уважение к труду, патриотизм, честь, братство людей, бережное отношение к истории и уважение к старшему поколению.

Таким образом, распад империи, опшломляющие экономические реформы, многочисленные политические разоблачения и правительственные скандалы, открытие секретных архивов и ревизия героических традиций нации, сопровождавшие рождение независимых государств, породили проблему определения как коллективной, так и индивидуальной идентичности в политической, национальной и религиозной сферах.

Можно сказать, что сейчас в этом отчасти сохранившемся состоянии у россиян практически отсутствует идеологическая, психическая и информационная целостность, необходимая для создания нового национального проекта и для организации действий в защиту своего государства.

Российский философ А. Зиновьев указывал, что психика народа не есть лишь сумма разрозненных признаков, она является комплексом, соединившим скоординированные и взаимосвязанные признаки. Начиная с некоторого момента к ним нельзя прибавить ничего нового и невозможно исключить какую-то часть без разрушения целостности комплек-

---

са. Разрушение психики народа начинается с того, что разваливается ее целостность, нарушается координация частей, привносятся новые признаки, несовместимые с прочими, и исключаются привычные [6].

В жизни современного российского государства в настоящее время доминирует политика с искаженным смыслом, так как она позиционируется как область жестокого соперничества, где все усилия сводятся к борьбе за власть. Политика же должна быть в первую очередь созидательным процессом, в ходе которого строится государство для его граждан, гарантирующее защиту их духовно-нравственных, культурных, материальных интересов и права на достойную жизнь. Русская политическая деятельность исторически была связана с такими этическими понятиями, как ответственность, долг, честь, совесть и достоинство, и все трагические события начинались тогда, когда политика расходилась с общественными нравственными ценностями.

Можно предположить, что политическая элита современной России сталкивается с достаточно острыми, но в то же время весьма своеобразными противоречиями, традиционными для российского общества. Конечно, их социальная среда и технологическая основа кардинально изменились, тем не менее нельзя не заметить, что ход политического развития России все же следует (хотя в большой степени произвольно) традиционной матрице российской политической культуры.

Однако необходимо заметить и то, что в последние несколько лет государство понемногу начинает противодействовать вышеназванным явлениям разрушения целостности идентификационных матриц, меняются контуры системы человеческих ценностей, которая может претендовать в будущем на роль общественного консенсуса: постепенно акцент смещается с несомненного доминирования идеи прав и свобод личности на поиск новой национальной идеи, адекватной реалиям страны. И такая идея не может заимствоваться, а должна быть выработана на российской почве [5, с. 298].

Те ценности и идеи, которые создавались и принимались представителями одной цивилизации, имеющими общую культурную идентичность, совсем не обязательно станут органичными представителям другой цивилизации

и культуры. Так, в сфере политической и правовой культур исторический опыт и традиции, историческая память народов, их навыки, влияющие на поведение человека в политико-правовой сфере, присущие представителям западной цивилизации, на Востоке будут выглядеть по-другому. Главные либеральные ценности, составляющие политико-правовую основу западного общества (например, концепция прав и свобод человека, приоритета личности, личных интересов перед государственными и сопутствующими им идеи правового государства и гражданского общества), оказались недостаточно пригодными на Востоке.

С точки зрения геополитической специфической особенности Россия расположена в центре большого Европейского континента, в ней проживает более 150 народов и народностей, представляющих разные мировые культуры и религии. Поэтому если рассматривать цивилизационную и духовно-культурную особенности страны и пытаться определить, чего в них больше – западных черт (Европы) или восточных (Азии), то дать однозначного ответа не получится.

Однако, как считает доктор философских наук В. Зотов, «азиатская модель развития нам ближе и потому, что в этих странах прорыв к эффективной рыночной экономике осуществился в немалой мере благодаря успешному использованию общинно-коллективистских черт культуры, унаследованных из прошлого» [9, с. 142].

Образ России является многомерным, ее культуре присущи специфические черты, имеющие геополитический, цивилизационный, религиозный и духовно-нравственный характер, а принцип определения понятия русского национального самосознания почти неуловим. Возможно, что, несмотря на свою силу и богатое религиозное наследие, российская национальная идентичность, как и многие другие идентичности в мире, к настоящему времени лишилась главного – устойчивого морального элемента, занимающего центральное положение и выражающегося в вопросе: кто мы, откуда мы пришли и что от нас ожидается?

Работа по реконструкции данного образа требует рассмотрения каждого отдельного среза системы, а затем объединения этих частных

образов в один общий – интегральный. Чем больше срезов, тем более адекватной станет многомерная картина. Это сложная методологическая работа на всех ее этапах, так как каждый отдельный образ имеет свою динамику и во время кризисов преломляется в сознании людей по-разному. К сожалению, нашу мировоззренческую матрицу постоянно будоражат различные социально-политические явления: национальная идентификация очень часто «включается» политическими событиями в стране, но через определенный период времени другие события могут замедлить ее дальнейшее формирование или даже «отключить».

Так, А. С. Панарин задается вопросом: «Как же нам оценивать свои национальные культурные особенности и свою ментальность после того, как их отметили знаком исключенности? Можно, разумеется, и дальше заниматься самобичеванием, твердя, что “мы – рабы, а не они”, но это уже дело откровенных мазохистов. Для тех, кто сохранил чувство собственного достоинства, положение меняется. В условиях, когда тебе отказывают в приеме в “хорошее общество”, ссылаясь не на те характеристики, которые ты волен изжить в ходе воспитания и образования, а на такие, которые якобы делают тебя изначально недостойным усилий просвещения, тебе остается одно: полюбить в себе знаки этой исключительности и сделать символом достоинства» [2, с. 177].

Поэтому, как бы пафосно это не звучало, нам остается полюбить в себе знаки названной исключительности и сделать их символами национального достоинства. Россия самобытна во всех ее проявлениях и изначально сложилась как многонациональная страна, тем не менее русский народ всегда был ядром, вокруг которого собирались различные народы и который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен, объединившихся благодаря общей исторической судьбе, русскому государству, языку, культуре и православию, нашедших способ создать на огромном пространстве империю неколониального типа. Распространение православного христианства стало ключевым этнообразующим фактором формирования русского народа, как уже упоминалось, этнического ядра всей российской цивилизации, вокруг которо-

го веками складывалась устойчивая полиэтническая и поликонфессиональная общность – российский народ.

Более того, за длительный исторический период в России был создан сложный тип межнационального общежития без этнических «чисток» и геноцида народов, систематической ассимиляции с ликвидацией этнического разнообразия народов, без интеграции многонациональных потоков иммигрантов в новую нацию или апартеида в самых разных его формах, как это можно было проследить в истории других государств.

В. Возчиков и А. Корольков обращали внимание на то, что русская идея как идея сильной государственности, идея империи вовсе не тождественна имперской идее Рима, Византии, а тем более фашистской Германии. Строительство Российской империи преобразило идею империи. В России не было никакого подавления, а тем более истребления народов в угоду титульной нации, и даже в некоторые времена, особенно в советские, положение русских оказывалось более ущемленным, чем в национальных окраинах или в национальных республиках [3, с. 223–224].

Многонациональная структура, созданная в России, обладала удивительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну в тяжелые времена, хотя все перечисленное не исключало наличия источников напряжения.

Как помним из истории, в феврале 1917 года Российскую империю растащили «по национальным квартирам», разрушились здание межнационального общежития и «симфония народов». Тогда страну спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 года начали сборку нового, уже советского имперского народа – обдумывали проект его жизни, в том числе и национальной [7].

Много лет интеллектуальных дискуссий о русской национальной идее, об общегосударственной идеологии и идеологии в целом, о специфике российской цивилизации, так и не повлияли заметно на политические позиции уже постсоветской правящей элиты и на ее практическую линию. Почти все участни-

---

ки этой полемики называли высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинение экономики решению социальных задач.

Конечно, российские политические деятели XX–XXI веков периодически вспоминали и вспоминают о русской национальной идее, скорее всего, движимые поиском основы для актуального на сегодняшний день духовно-патриотического подъема нации, одновременно не понимая ее специфики, которая не может создаваться политиками, и тем более не может быть навязана народу. То, что называют национально-идентификационной матрицей, лишь частично можно выразить в словесной форме. Говоря о полноте русской духовности, не следует сводить русскость к абстрактно трактуемому православному христианству либо язычеству, не соотносённому с конкретным развитием русского человека в российской истории.

К сожалению, сейчас среди представителей политической власти немного людей, осознающих значение духовно-нравственного фактора в стратегиях развития России. Поэтому в идеологической сфере формирование национальной идеи из просто лозунга вынужденно становится задачей конкретных научных школ и деятелей культуры.

Так, обсуждавшаяся в начале 2000-х годов субсидиарного государства (то есть использующего перераспределение бюджетных средств в пользу отдельных групп населения, нуждающихся в поддержке, а также в пользу некоторых отраслей экономики, производств и предприятий по какому-либо определенному принципу, выбранному государственной властью), включающая в себя нормы доминирования государства как целого, но содержащая составляющие субсидиарной идеологии, может претендовать на роль одного из возможных вариантов перспективной национальной идеи. Независимо от того, какая именно идея займет доминирующее положение в общественном сознании российских граждан, ее конечная формулировка и массовое приятие населением станут свидетельством интеграции экономических, политических и идеологиче-

ских институтов российского общества на новом этапе его развития.

Незавершенность поисков актуальной национальной идеи свидетельствует о незаконченности этапа институциональных преобразований в российском государстве. Когда «новое слово будет найдено», тогда закончится переходная фаза к тому состоянию, которое, видимо, будет обозначаться этим словом [5, с. 304].

Кроме того, актуальность исследуемого феномена возрастает и в связи с включенностью России в процесс глобализации, которая, несмотря на унифицированные модели социально-экономических отношений, спровоцировала стремление народов и наций к территориальному обособлению и политико-правовому самоопределению, вызвав волну сепаратизма, экстремизма, терроризма на почве религиозной или национальной нетерпимости. По этим причинам национально-православная ментальность вступает в противоречие с глобальным модернизационным проектом, но при этом должна способствовать идеологической консолидации российского общества и, в конечном итоге, сплотить его с властью на основе сходных идентификационных признаков.

Хочется верить, что современная Россия постепенно придет к органичному ей типу государственности, в котором демократические ценности будут гармонично переплетаться с христианскими традициями отношения человека к власти, и это не будет означать полного отказа от модернизации, но добавит к последней специфические национальные черты, благодаря чему произойдет институциональное обновление политической системы. Поэтому полагаем, что российская политическая власть начнет успешно разрешать свои социальные, культурные, политические и экономические проблемы только тогда, когда идентифицирует их как проблемы религиозные и духовно-нравственные.

В этом контексте приведем рассуждение британского философа христианской религии Оксфордского университета Б. Митчелла, который считал, что если мы (общество – авт.) хотим рассмотреть вопрос о том, насколько христианские ценности должны быть отражены в государственной политике, то необходи-

мо решить, является ли наше общество христианским в каком-либо смысле, или же оно, напротив, многонациональное или многокультурное. По его мнению, если общество христианское, то христианские ценности должны превалировать по праву, но если же оно по своему составу многонациональное (многокультурное), тогда не должен преобладать один комплекс моральных ценностей и не должна применяться концепция общего блага. Однако эти вопросы далеки от простых ответов, потому что существуют определенные черты, которые говорят о том, что наша страна – христианская, и христианство, без всякого сомнения, оказало наибольшее влияние на нашу национальную культуру.

Митчелл утверждает, что церковь должна признать свою ответственность перед широким сообществом, серьезно говорить о своих проблемах и искать для них христианское решение с целью достижения баланса. Иногда можно слышать, что мир устанавливает повестку дня для церкви. Если бы это было полностью так, то церковь не имела бы ничего особенного, чтобы предложить миру. Но церковь обязана помогать не только своим активным членам, но и тем, кто время от времени обращается к ней в затруднительных ситуациях. И если церковь национальная, она должна выйти за рамки христианского анализа проблемы и предложить способ решения на практике, что часто может означать, что компромисс с нехристианской позицией может быть политически приемлемым [11, с. 153].

В российских социально-культурных условиях при наличии общей универсалистской идеологии и симбиоза дружественных народов (религии, этико-политического учения, общего языка межэтнического общения) также возможно достижение компромисса с нехристианскими конфессиями.

Литература

1. Назаренко А. Русское самосознание: между Царством и Церковью // Москва. 2000. № 12.
2. Панарин А. Опасности и риски глобализации // Наш современник. 2001. № 1.
3. Возчиков В., Корольков А. Шукшин. Русская тема. Бийск, 2009.

Нужно отметить, что Россия, с одной стороны, никогда не была моноэтническим государством, а с другой – начиная с периода реформ Никона, затем Петра I, постоянно интегрировала западные идеи в свою социокультурную систему, то есть не была монокультурной. Сейчас современная Россия, как уже отмечалось, пытается модернизировать, хотя не очень успешно, основы своей политической, экономической и культурной жизни по западным образцам. Но заимствовать – не значит бездумно копировать чей-то опыт, пусть даже весьма успешный. То, что оправдало себя в странах другой цивилизации и в других условиях, может не прижиться на российской почве с иными традициями и менталитетом.

Так, если проанализировать трагические периоды российской истории, то можно заметить, что ее самые критичные циклы случались тогда, когда достигалось долгожданное равновесие, и все заимствованные на стороне идеи теряли свою необычность и приживались на местной почве. Но вместо успокоения и закрепления достигнутого в обществе обычно нарастало раздражение наступавшим «застоем», и неожиданное влияние получали безудержные критики и революционно настроенные личности. Остается надеяться, что такой период не обладает исторической цикличностью.

Как верно отметил М. Смолин, наше положение более чем сложно: если у России в обозримом будущем не появится нового поколения прагматически мыслящих политиков, опирающихся в своих действиях на традиционное православное мировоззрение, с которым наши предки построили величайшую в мире Российскую Империю, то в грядущих цивилизационных противоборствах наша страна вновь удивит весь мир своей внутренней слабостью [8].

Bibliography

1. Nazarenko A. Russian identity: between the Kingdom and the Church // Moscow. 2000. № 12.
2. Panarin A. Hazards and risks of globalization // Our contemporary. 2001. № 1.
3. Vozchikov V., Korolkov A. Shukshin. Russian theme. Biysk, 2009.

---

4. Шевченко В. Вектор развития Российского государства и политические стратегии власти // Политические стратегии Российского государства как философская проблема. М., 2011.

5. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. СПб., 2014.

6. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5658/5662>.

7. Кара-Мурза С. Матрица «Россия» // Электронная библиотека «ModernLib.Ru». URL: http://modernlib.ru/books/karamurza_serгей_georgievich/matrica_rossiya/read/.

8. Смолин М. Русский путь в будущее. М., 2007.

9. Зотов В. Запад – Восток – Россия: цивилизационные отличия // Русская православная церковь в пространстве Евразии: материалы VI Всемирного русского народного собора. М., 2001.

10. Faith and criticism. Oxford, 1994.

4. Shevchenko V. The Vector of development of the Russian state and the political strategy of the authorities // Political strategies of the Russian state as a philosophical problem. Moscow, 2011.

5. Kirdina S. Institutional matrices and development of Russia. St. Petersburg, 2014.

6. Zinov'ev A. On the way to the super society // Center of humanitarian technologies. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5658/5662/>.

7. Kara-Murza S. Matrix «Russia» // The Electronic library «ModernLib.Ru». URL: http://modernlib.ru/books/karamurza_serгей_georgievich/matrica_rossiya/read/.

8. Smolin M. Russian way to the future. Moscow, 2007.

9. Zotov V. West – East – Russia: civilizational differences // The Russian Orthodox Church in Eurasia: proceedings of the VI the World Russian people's council. Moscow, 2001.

10. Faith and criticism. Oxford, 1994.

Туманов Сергей Николаевич
Tumanov Sergey Nikolaevich

первый проректор, проректор по учебной работе Саратовской государственной юридической академии кандидат исторических наук, доцент.

The First Pro-Rector, Vice-Rector for education, the Saratov State Academy of Law, PhD in History, Associate Professor.

E-mail: edu@ssla.ru

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ОТ КРИТИКИ К СОЗИДАНИЮ ТРАКТОВКИ

Foreign policy of the state: from criticism to creation of interpretation

В статье анализируются теоретические трактовки понимания внешнеполитической деятельности государства. Используя положительный потенциал имеющихся разработок по указанному вопросу и одновременно критически оценивая их не в полной мере аргументированные стороны, несоответствие формально-логическим приемам, автор предлагает один из вариантов понимания внешнеполитической деятельности, в основу которого положен системно-функциональный подход, позволивший представить ее как элемент более сложного явления – механизма осуществления внешних функций государства. Кроме этого, автором сделана попытка определить структуру внешнеполитической деятельности.

Ключевые слова: государство, функции государства, механизм осуществления внешних функций государства, внешнеполитическая деятельность государства, внешняя политика, научные категории.

The article offers an analysis of theoretical interpretations of the understanding of the state's foreign policy activity. Using the positive potential of the existing developments on this issue, and at the same time critically evaluating their not fully reasoned aspects, the discrepancy between formal logical techniques, the author offers one way of understanding foreign policy, which is based on systemic-functional approach, enabling it as part of a more complex phenomenon, the mechanism of implementation of external functions of the state. In addition, the author attempts to determine the structure of foreign policy.

Keywords: state, state functions, mechanism of external state functions, foreign policy activity of the state, foreign policy, scientific category.

Внешние функции государства имеют характерные особенности, в частности, процесс их реализации происходит на международной арене в рамках отношений, складывающихся между государствами или государствами и иными субъектами международного права. Эти отношения имеют внешнеполитический характер, а потому и деятельность в их рамках, направленная на отстаивание национального интереса и выполнение международных обязательств, приобретает такой же характер. Реализация внешних функций государства подчинена целям внешней политики, отсюда следует позиционирование такой деятельности как внешнеполитической.

Если реализацию внешних функций государства рассматривать как процесс, то деятельность будет представлять собой опреде-

ленный блок этого процесса со своими стадиями и средствами. Однако наша задача в данной работе – не выяснять стадии внешнеполитической деятельности, анализируя преобладающие средства ее осуществления на каждой из них, а попытаться высказать ряд суждений по вопросам трактовки самой внешнеполитической деятельности государства (далее – ВПДГ).

Институциональный компонент механизма осуществления внешних функций государства включает деятельность субъектов, направленную на реализацию этих функций, и используемые при этом различные средства, особенности, применение которых образует формы и методы осуществления основных направлений деятельности государства на международной арене.

Необходимо отметить, что ВПДГ подвергалась изучению и анализу прежде всего в рамках политологии и теории международных отношений и рассматривалась совместно с такими понятиями, как «внешнеполитическая доктрина», «внешняя политика», «внешнеполитический курс», «внешнеполитическая стратегия» и другими.

Довольно интересна политологическая трактовка понятия «внешнеполитическая деятельность государства», которая исходит из узкого понимания внешней политики: вся совокупность отношений государства с различными акторами на международной арене образует международные отношения, а внешнеполитические – часть первых, и представляют собой только сугубо политические отношения между государствами и их партнерами [5, с. 64–65]. Поэтому внешнеполитическая деятельность государства приобретает довольно узкое содержание (что вряд ли можно признать верным), отражающее реальное положение дел хотя бы потому, что деятельность государства в иных сферах зависит от выделенных сугубо политических отношений, от общих внешнеполитических целей государства и так далее.

В теории международных отношений по вопросам понимания ВПДГ, на первый взгляд, единства мнений не обнаруживается. Так, под ней понимается система действий конкретного содержания, направленных на удовлетворение жизненно важных интересов, повышение их роли в системе международных отношений, использование в своих целях внешних ресурсов развития [9, с. 242]; разновидность социальной деятельности, обслуживающая внешнеполитические интересы государства в сфере международных отношений и направленная на создание внутри страны благоприятных внешних условий функционирования государства, а также на обеспечение его национальных интересов в сфере международных отношений [10, с. 14].

При более внимательном рассмотрении различных взглядов на понимание ВПДГ становится очевидным, что оно сводится к нескольким основным аспектам, которые и являются объединяющими практически все трактовки: во-первых, это активная составляющая, характерная для любой деятельности (даже в ситуации бездействия); во-вторых, связан-

ность указанной деятельности с национальными интересами; в-третьих, ее реализация на международной арене с участием известных акторов; в-четвертых, к целевым установкам относятся обеспечение безопасности, укрепление суверенитета, повышение роли в системе международных отношений для поступательного развития.

Несколько иной взгляд на внешнеполитическую деятельность отражен в работах Э. А. Позднякова, который рассматривает ее не только как вид политической деятельности государства, но и как внешнюю функцию [8, с. 16, 28] (интересно, что «функция» и «деятельность» выступают для автора синонимами).

Представляется, что среди работ, в которых раскрывается содержание и признаки внешнеполитической деятельности, заслуживают внимания исследования А. И. Кондратова [1; 2; 3; 4]. Автором предпринята попытка обосновать понятие «внешнеполитическая деятельность» в качестве категории, установить понятийный ряд, где она занимает свое место, содержание категории, а также условия и факторы, обуславливающие эффективность указанного вида деятельности государства. По мнению автора, внешнеполитическая деятельность государства – «вид организованной и соответствующим образом обеспеченной деятельности государства по оказанию воздействия на объекты его внешнеполитических интересов в рамках выбранной тактики» [4, с. 41–42]. Соответственно, понятиями, раскрывающими категорию «внешнеполитическая деятельность государства», выступают: «воздействие», «обеспечение», «организация», «тактика».

Внешнеполитическое воздействие понимается как «вид внешнеполитической деятельности государства, направленной на достижение желательных результатов, изменение в состоянии объектов внешнеполитических интересов, условий их функционирования или характера совершаемых ими действий; обеспечение внешнеполитической деятельности государства – вид внешнеполитической деятельности, направленной на создание необходимых условий для осуществления внешнеполитического воздействия в целях реализации внешней политики; организация внешнеполитической деятельности государства – совокупность организационных форм реализации содержания

внешнеполитической деятельности, отражающих упорядоченное устройство всех звеньев аппарата (сил) и их согласованное взаимодействие в рамках относительно самостоятельных частей процесса внешнеполитической деятельности; тактика внешнеполитической деятельности государства – это система знаний о тактических формах реализации содержания внешнеполитической деятельности и их применении в ходе внешнеполитического воздействия или внешнеполитического обеспечения в целях достижения стратегических внешнеполитических интересов государства в конкретный исторический период развития международных отношений» [4, с. 42]. Далее автор отмечает, что внешнеполитическое воздействие и обеспечение – содержательная сторона внешнеполитической деятельности, а тактика и организация – организационные и тактические формы выражения содержания этой деятельности.

Отмечая в целом рациональность нашего исследования в изложенной точке зрения, тем не менее следует указать на некоторые неточности, вызывающие сомнения, а потому некоторую дискуссионность.

Первое, что обращает на себя внимание, – приведение автором понятийного ряда, используемого для осуществления государством политики на международной арене, в системе категорий, адекватных процессу внешнеполитической деятельности и обозначающих его. Как утверждает автор, таких категорий четыре. Однако, по нашему мнению, их пять, поскольку и сама внешнеполитическая деятельность государства (ВПДГ) – категория, отражающая «существенные связи и отношения реальной действительности и познания» [7, с. 269]. Возникает вопрос: что же отражают все пять категорий, если одна из них (ВПДГ) – теоретическая конструкция, но не реальная действительность, деятельность государства в межгосударственном общении, включающая и пассивный вариант? Получается, что категория отражает саму себя.

Второе замечание касается структуры ВПДГ, а именно включения в нее внешнеполитического воздействия и обеспечения как разновидностей ВПДГ, и тактики и организации как форм ВПДГ. Основным несоответствием видится введение в структуру деятель-

ности форм ее выражения, так как исходя из понимания деятельности вообще, она есть совокупность деяний, подчиненных одной цели, и форма вряд ли может входить в структуру того, что она выражает, так же и с внешнеполитической деятельностью.

Аргументом нашей критики выступает и то, что воздействие и обеспечение позиционируются автором как разновидности деятельности, что позволяет относить их к родовому понятию ВПДГ, чего не скажешь в отношении знаний о тактических формах реализации ВПДГ (тактика) и совокупности организационных форм реализации содержания ВПДГ (организация) – они родовым понятием «деятельность» не охватываются. Поэтому утверждение А. И. Кондратова о том, что всякий элемент «в интегральном единстве несет определенную нагрузку, обеспечивая упорядоченное функционирование системы» [4, с. 44], не состоятелен, поскольку категории отражают разные системы.

Кроме этого, нельзя, на наш взгляд, видеть в разнородных явлениях иерархические связи, на что прямо указывает автор, заявляя об иерархичном построении названных категорий, о наличии в основании системы трех из них (обеспечения, организации и тактики), а на вершине четвертой – воздействия, и о подчиненности первых последней. Возникает вопрос о критерии определения иерархичности, а также сомнение по поводу возможности установления главной составляющей ВПДГ и менее значимых.

Третье замечание связано с использованием автором понятий, во многом не справляющихся со своим эвристическим предназначением в построении теории ВПДГ. Новизна позиции видится в том, что структура ВПДГ представлена четырьмя составляющими, названными по-особому. Однако в системе научного знания давно разработана теория деятельности с подробной и логически выверенной структурой, обобщенно отражающей любой вид деятельности как индивидуального, так и коллективного субъекта. Используя эту теорию, можно разработать модель ВПДГ, основанную на предшествующем опыте и в меньшей степени подверженную критике.

Не могут обойтись без нареканий и при-

знаки внешнеполитической деятельности государства. Представляется, что они по праву могут быть применимы ко многим, если не ко всем, видам деятельности государства. Например, внешнеполитическая деятельность ведется в целях реализации национальных интересов одновременно во многих сферах, и за ее результаты государство несет международно-правовую и моральную ответственность. Это положение относится и к внутренней политике, в которой, вероятно, ответственность государства перед гражданами гораздо выше, чем перед мировым сообществом.

Другой признак указывает на то, что ВПДГ приспособлена и реализует национальные интересы с использованием имеющихся в ее распоряжении сил и средств, официальных и неофициальных форм и методов деятельности в сфере отношений между государствами [2, с. 163]. Не учитывая грамматические промахи, в частности, не вполне удачную конструкцию, в которой ВПДГ, а не государство, реализует национальные интересы, обращает на себя внимание упоминание официальных и неофициальных форм ВПДГ. Раскрывая категорию ВПДГ, упоминаются лишь две ее формы – тактика и организация, которые формами, как отмечалось ранее, вряд ли являются. Возникает вопрос, что же действительно выступает формами ВПДГ и каковы критерии их деления на официальные и неофициальные? Кроме этого, организация ВПДГ, представленная государственными органами, не допускает неофициальности.

С учетом сказанного становится очевидным, что в позиции автора имеются недоработки, которых не лишена ни одна творческая конструкция, основанная на желании исследователя разработать и предложить оригинальный подход к изучению какого-либо предмета.

Применительно к наработанному материалу и указанным недоработкам, попытаемся рассмотреть внешнеполитическую деятельность государства как компонент механизма осуществления внешних функций государства.

Во-первых, под внешнеполитической деятельностью применительно к механизму осуществления внешних функций государства будем понимать не только собственно поли-

тическую деятельность, как предлагается в политологии, а любую деятельность государства по реализации национальных интересов и осуществлению основных ее направлений на международной арене. Это означает, что отношения государства с участниками международного уровня, признаваемыми субъектами международного права, по вопросам экономики, культуры, мира и безопасности – все это внешнеполитическая деятельность.

Во-вторых, как и любой вид деятельности, ВПДГ имеет целенаправленный характер, без четко установленной цели рассчитывать на эффективность ВПДГ не приходится. Цели внешнеполитической деятельности детерминированы несколькими факторами и не могут в своей основе быть определяемыми субъективно, хотя во многом зависят от усмотрения главы государства и политической элиты. Однако и их субъективные установки формируются в условиях и при обстоятельствах иной природы. Так, ситуация, сложившаяся вследствие проведения референдума в Крыму по вопросу объединения с Россией, стала причиной введения «антироссийских санкций». Политическая действительность демонстрирует, что подобная политика воспринимается единодушно не всеми государствами Западной Европы. Однако объективные условия сотрудничества в рамках международных организаций различной направленности и взятых в связи с этим обязательств, не позволяют придерживаться самостоятельно и независимо выработанной линии.

Цели внешнеполитической деятельности как средства осуществления внешних функций государства сформулированы и выражены в Концепции внешней политики Российской Федерации [6]. Отметим, что названный документ играет важную роль в регулировании отношений России с иностранными партнерами, содержит основы организации и реализации задач в этой сфере, занимает не последнее место среди нормативных источников.

В-третьих, ВПДГ осуществляется за пределами государства, в сферах пересечения интересов нескольких государств, что прямо следует из одного из свойств внешних функций государства, а именно того, что они являются результатом реализации интересов нескольких национальных государств, точка пересечения

которых и становится современными внешними функциями государства.

Вышеуказанные положения о ВПДГ просты и очевидны, но очень важны для познания содержания внешнеполитической деятельности государства. ВПДГ формируется под влиянием международной обстановки и деятельности других государств, то есть государство как носитель суверенной и верховной власти не может быть абсолютно свободным в определении направления, способов и содержания своей ВПД. Иначе складывается ситуация конфронтации, принимающая крайнюю форму. В условиях современного мироустройства необходимость учета интересов иных государств во внешней политике и совместного действия усиливается многократно.

Поскольку ВПДГ направлена на реализацию внешних функций государства, постольку оно в большей степени позиционируется не как организация публичной власти, а как представитель конкретного общества, выражающего национальные интересы последнего.

В-четвертых, ВПДГ осуществляется целым рядом субъектов, среди которых как подразделения государственного аппарата (специально создаваемые и специализирующиеся на осуществлении именно ВПДГ), так и не являющиеся таковыми (опосредованно международные организации, их представители и миссии).

В-пятых, основные средства реализации ВПДГ имеют договорную природу: к ним относятся различные встречи, консультации, переговоры, конференции, участие в международных союзах и организациях, создание межгосударственных комиссий и так далее. Несмотря на многочисленные требования международного права о мирном сосуществовании и разрешении конфликтов на принципах взаимного уважения интересов, в практике все еще остаются случаи применения средств силы и устрашения, причем как добросовестного и вынужденного характера, так и неоправданного, нарушающего устоявшийся миропорядок и международное право.

В-шестых, сохраняя логичность и целостность нашей точки зрения, склонны считать, что формами осуществления ВПДГ выступает совокупность способов ее выражения и реализации. В этом ключе заметна сложность диа-

лектических процессов определения формы и способов осуществления функций и внешнеполитической деятельности государства. Ранее упоминалось, что способ осуществления функций государства позиционируется как единый комплекс взаимосвязанных средств, используемых при осуществлении властной деятельности, а форма осуществления функций государства, в свою очередь, есть система способов и методов государственной деятельности. В этом авторском видении проблемы соотношения указанных понятий можно заметить, что и в первом, и во втором случаях форма непосредственно «привязана» к деятельности. Следовательно, форма внешнеполитической деятельности государства составляет часть целого – формы осуществления функций государства. Для конкретного вида внешнеполитической деятельности, реализуемой в рамках той или иной внешней функции, характерен свой набор средств и способов, который предопределяет форму осуществления той или иной внешней функции. Обе формы, как комбинация способов осуществления деятельности государственной власти, обусловлены объектом внешнеполитического воздействия и национального интереса, а также потенциальной возможностью достижения поставленных целей.

С учетом сказанного полагаем, что к числу форм осуществления ВПДГ можно отнести следующие: договорную и внедоговорную, активную и пассивную, единоличную и коллективную, официальную и неофициальную. Все они предполагают уникальный набор средств ее осуществления и применяются в зависимости от ситуации, целей и объекта воздействия.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность государства – *элемент механизма реализации внешних функций государства, представляющий совокупность актов поведения в активной и пассивной форме в рамках международных правоотношений за пределами границ государства, осуществляемых его органами и иными субъектами от имени государства путем определенного способа и направленных на реализацию и обеспечение национального интереса, оказание воздействия на объект внешних функций государства.*

Литература

1. Кондратов А. И. Обеспечение внешнеполитической деятельности государства // *Обозреватель*. 2010. № 5.
2. Кондратов А. И. Внешнеполитическая деятельность как категория теории международных отношений // *Социология власти*. 2009. № 7.
3. Кондратов А. И. Внешнеполитическое воздействие государства // *Обозреватель*. 2010. № 3.
4. Кондратов А. И. Система основных категорий внешнеполитической деятельности и ее функции // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. 2009. № 2 (16).
5. *Краткий политический словарь*. М., 1987.
6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 49. Ст. 6886.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. 4-е изд., доп. М., 1999.
8. Поздняков Э. В. *Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения*. М., 1986.
9. *Теоретические основы внешнеполитической деятельности России / под общ. ред. С. А. Проскурина*. М., 2001.
10. Ткаченко Б. И. *Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке*. Владивосток, 1996.

Bibliography

1. Kondratov A. I. Providing of foreign policy activity of the state // *Explorer*. 2010. № 5.
2. Kondratov A. I. Foreign policy as a category of international relations theory // *Sociology of power*. 2009. № 7.
3. Kondratov A. I. Foreign policy the impact of the state // *Observer*. 2010. № 3.
4. Kondratov A. I. System of basic categories of foreign policy activities and its functions // *Bulletin of the Volgograd state university*. Series 4: History. 2009. № 2 (16).
5. *A brief political dictionary*. Moscow, 1987.
6. Approval of foreign policy Concept of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from 30.11.2016 № 640 // *Collected legislation of the Russian Federation*. 2016. № 49. Art. 6886.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions*. 4-e edition, added. Moscow, 1999.
8. Pozdnyakov E. V. *Foreign policy and international relations*. Moscow, 1986.
9. *The theoretical foundations of the foreign policy of Russia / under the general editorship of S. A. Proskurin*. Moscow, 2001.
10. Tkachenko B. I. *Problems of efficiency of Russia's foreign policy in the Far East*. Vladivostok, 1996.

Наднеева Кермен Анджукаевна
Nadnueva Kermen Andzhukaevna

профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Philosophy and Culturology, the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova, Doctor of Philosophy, Professor.

Тел.: 8 (917) 681-58-02.

ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХИИ

Peculiarities of the axiological orientation of Russian emigration in the Czech Republic

В статье раскрываются особенности аксиологической ориентации русской эмиграции в Чехии, подчеркивается, что роль русской эмиграции, в том числе и калмыцкой, неоднозначна. Автор отмечает, что эмиграция разделила Россию на две половины: советскую и зарубежную, при этом обе стороны старались сохранить духовную ценность русской культуры. Анализируются три волны эмиграции и делается вывод, что русская эмиграция в Чехии – это результат кросскультурного диалога, который выполняет интегрирующую функцию в сохранении культурного наследия.

Ключевые слова: эмиграция в Чехии, кросскультурный диалог, калмыки, свобода выбора, эмигрантская культура, три волны.

The article reveals the peculiarities of the axiological orientation of Russian emigration in the Czech Republic, it is emphasized that the role and place of Russian emigration, including Kalmyk, are ambiguous. The author notes that emigration, is divided Russia into two parts: Soviet and foreign. At the same time, both sides tried to preserve the spiritual value of Russian culture. Three waves of Russian emigration are analyzed, and it is concluded that Russian emigration in the Czech Republic is the result of a cross-cultural dialogue that fulfills an integrating function in preserving the cultural heritage.

Keywords: emigration in the Czech Republic, cross-cultural dialogue, Kalmyks, freedom of choice, emigrant culture, three waves.

Феномен «русская эмиграция» как целостное образование трудно проанализировать в одной статье в силу его обширности, многоаспектности и многоуровневости. Вследствие этого в данном исследовании внимание акцентировано на роли и месте русской эмиграции в Чехии, в которую входит и калмыцкая. Это бывшие офицеры белой гвардии, казаки-калмыки, священники и яркие представители калмыцкой интеллигенции: Д. Баянова, Б. Уланов, А. Борманджиев и другие. Лидеры калмыцкой эмиграции пытались сохранить идентичность нации, калмыцкую культуру, и им это удалось.

В рамках противоречивого и самостоятельного явления эмиграции Россия разделилась на две половины, при этом обе стороны старались сохранить духовные ценности русской культуры. Традиционно исследователи выделяют три волны русской эми-

рации: первая волна охватывает период между двумя мировыми войнами, вторая волна – начало середины 40-х годов XX столетия, третья – 60-е годы XX и начало XXI века – время относительной устойчивости и осмысления бытия. Представители первой волны русской эмиграции Т. В. Адамович, М. Цветаева, В. Маклаков, И. А. Бунин, братья Маковские, Р. Якобсон и другие считали, что не стоит делать акцент на антикоммунистическом прошлом, лучше смотреть в будущее и выполнять задачу защиты личности. Особенностью второй волны стала историческая память, религия, сохранение родных языков, культуры (Н. Берберева, В. Лебедев, В. Федоров и другие). Самые известные эмигранты третьего периода – И. Бродский, Т. Ратгауз, В. Варшавский, К. Набоков, Г. Галданов, сформировавшиеся как личности за рубежом. Главный мотив их творчества сочета-

ет в себе ностальгическую память о России и желание вернуться на Родину, тему собственного эмигрантского существования, драматического и трагического, но осмысленного и уже включенного в культуру страны проживания.

В результате эволюции русская культура преодолела кросскультурный процесс, который способствовал преобразованию человека из однополярного в многополярного: билингвизм, многоязычие, метисация (смешанные браки, обычаи и традиции). Человек обращается к европейской культуре, сохраняя этносное, личностное миропонимание. Создается новое структурное объединение – метиссаж, которое не противоречит ни современности, ни традициям, а сочетает в себе ценности разнообразных сфер жизни, в результате чего вырабатывается новый категориальный аппарат, легитимирующий происходящие философско-культурные рефлексии.

Актуальность проблемы усугубляется недостаточным осмыслением возникающих в мире новых культурных практик, недооценкой их потенциала в формировании многогранного облика современной культуры с учетом миграционных процессов в создании нового человека (отсутствие классового и политического подходов); расширяется география исследования эмиграции, вовлечения ее в культурологию и философию.

Благодаря благосклонности президента Я. Масарика Прага являлась центром русской и калмыцкой эмиграции: в столице Чехии действовал субсидированный Центр развития Зая-Пандитской традиции, в котором работали представители калмыцкой интеллигенции. Президент также оказал содействие в финансировании организации «Комиссия калмыцких культурных работников» (далее – КККР), которая создавалась по инициативе Б. Н. Уланова.

Работники КККР своими силами собрали библиотеку калмыцких, монгольских и других востоковедческих публикаций, выпустили сборник оригинальных калмыцких сочинений на зая-пандитской письменности, а также переводы, в частности, «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина (перевод Д. Баяновой); историю приволжских калмыков профессора Н. Пальмова (перевод Ш. Бабинов) и другие. Следующим шагом стал выпуск неперидического журна-

ла «Улан-Залата» («красная кисть») в 1927, 1928, 1930 годах – первый публицистический опыт калмыцкой интеллигенции. В острых дискуссиях журнал защищал идею преобразования СССР в федерации, одной из которых могла стать федерация кавказских государств, а в ее состав, вероятно, вошла бы автономия калмыков. КККР уделяла большое внимание молодежи, ей удалось добиться стипендии для калмыцких студентов Карлова университета, обеспечить им общежитие и включить в преподавательский штат учителя калмыцкого языка и наставника для калмыцких мальчиков, посещавших русскую гимназию в Праге. Этим преподавателем стал Д. И. Ремелев, который жил в Праге до 1934 года.

15 апреля 1930 года вышел в свет первый и единственный номер журнала «Информация КККР в ЧСР» (главный редактор – Б.Н. Уланов). В журнале остро ставился вопрос о национальной прессе, которая являлась «самым могучим средством сопротивления процессу денационализации калмыков, забвению своего родного языка, письма и духовному порабощению калмыцкой психологии иным языкам, что неизбежно приведет к потере нами, калмыками, своей национальности, самобытности и национального бытия». Крупный пласт осмысленного бытия составляют мемуары, среди которых книга «Мемуары Бунина». Художественное богатство и многообразие стилей эмигрантской литературы, публицистики раскрываются в творчестве С. Черного, М. Алданова, В. Ходасевича, калмыцких эмигрантов С. Балькова, Хара-Давана, А. Борманжинова и других [1, 2, 3, 4].

Вследствие этого необходимо развитие философского, культурологического знания, соотношения человека и общества, восстановления России как глобального интеллектуального центра, самостоятельно принимающего решения о защите своих культурных ценностей.

В классической гуманитарной науке сложилась определенная традиция исследования русской эмиграционной культуры. Преобладал кумулятивный подход, имеющий истоки в гуманитарной мысли Просвещения. Это способствовало формированию представлений о сохранности и незыблемости духовных ценностей, неизменному возрастанию культурного потенциала человечества. К наиболее авто-

ритетным исследователям XX века, не разделявшим подобный подход, можно отнести А. Тойнби, который выдвинул концепцию «вызова и ответа» в двенадцатитомном труде «Исследование истории» (1931–1961) – высшем достижении истории и культуры. Следуя концепции Тойнби, автор берет за основу его идею о «человеческом выборе», когда представители русской и калмыцкой эмиграции в полной мере использовали творческие усилия, в результате чего челночное движение, выступившее сначала как инертная масса, не только приспособилось к новым социальным ценностям бытия, но и, сохранив свой духовный потенциал и жизнеспособность, стало неотъемлемой частью культуры России и Чехии. Отечественные, зарубежные, калмыцкие и чешские исследователи в данной области П. Б. Струве, Т. П. Булакова, В. И. Сабенникова, М. В. Ковалев, В. Маслов, А. Д. Алексеев, В. М. Дианова, А. В. Азов, А. Борманджиев, В. П. Санчилов, А. Т. Горяев, И. В. Борисенко, Э. Б. Гучинова, А. Копрживова, М. Г. Валданковская, П. Рубел и другие рассматривают русскую эмиграцию как часть культурного наследия России. Революция оторвала от России, вырвала из ее сердца наиболее крупных писателей, в какой-то степени обескровила, обеднила русскую и калмыцкую интеллигенцию. И. А. Бунин, Н. А. Бердяев, А. И. Куприн, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, И. А. Бродский, Г. Галданов, А. И. Уланов, А. Н. Баянова и другие оказались по другую сторону рубежа, не порвав связей с русской и калмыцкой культурами, традициями, обычаями, и были вынуждены искать свою нишу. Такая ситуация создала взаимоисключающие мнения о русском зарубежье, так, Г. Струве писал, что русская зарубежная литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, которая вольется в общее русло литературы. Совершенно иную позицию занимал М. Слоним, считавший, что «эмигрантская литература – лишь ветвь на общем стволе. Она жива постольку, поскольку жив ствол; она питается его соками, она расцветает, если обмен этот жив и полон, и засыхает едва он прекращается» [5, с. 21]. Хотя эти взгляды противоположны, но их объединяет желание сохранить русскую культуру и внести вклад в осмысление переломных исторических событий Первой мировой войны и Октябрь-

ской революции 1917 года. Произведения «Окаянные дни» И. Бунина, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Зверь из бездны» Е. Чирикова, «Лебединый стан» М. Цветаевой, «Сильнее власти» С. Балыкова и другие, созданные в эмигрантский период, не противоречат друг другу, а, наоборот, благодаря их интеграции складываются в полноценную картину истории, культуры страны, которая нужна современному человеку.

Говоря об эмигрантской культуре и литературе, исследователи отмечают, с одной стороны, ее замкнутость и недоступность, а с другой – временную объединенность с ценностями, оставшимися в России. Историк искусства В. В. Вейдле в книге «Задача России» писал: «Были сталинско-ленинские премии, хлам, и с нашей стороны был хлам; но не было двух литератур, была одна русская литература XX столетия» [6, с. 39]. И действительно, народная основа, фольклор, традиции, обычаи, русский язык, этнокультура – все это неразрывно объединяло эмиграцию и метрополию. На какое-то время все европейские государства, наука, культура, техника испытали воздействие русского зарубежья. В. Маслов в своей работе «Первая волна русской научной эмиграции в Чехословакии» обращает внимание на то, что в Праге были основаны русский университет, институт изучения России, Русский пединститут имени Я. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище техников путей сообщения, которые готовили кадры для русских эмигрантов; создавались русские научные школы: школа знаменитого специалиста по проблемам интуиции и свободы воли Н. О. Лосского, школа академика Н. П. Кондакова. Из числа написанных под его руководством – диссертация М. Шахматова «Учение русских летописей домонгольского периода о государственной власти» [8]. И. В. Сабенникова подчеркивает, что русская эмиграция оказалась в эпицентре событий и стала результатом невиданной в истории социальной катастрофы, отразив ее масштабы. Продолжая свою мысль, исследователь обращает внимание на то, что русская эмиграция породила особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представление о мире в условиях, когда он перестал существовать как реальность и со-

хранился лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке. А. В. Азов в своей докторской диссертации «Духовное самоопределение творческой личности в трагической ситуации: русская эмиграция первой волны» изучает религиозный фактор эмигрантской диаспоры, где христианство предстает как преодоление наличного бытия с прорывом в подлинное бытие. Эту же задачу ставила и калмыцкая эмиграция, являясь представителем России, связывая себя с христианством и буддизмом. Национальная самоидентификация русских и калмыков осуществлялась духовным вкладом в мировую культуру в расширенном контексте. Исследователь М. В. Шкаровский в своем труде «Русская Православная Церковь и другие конфессии Советского союза в годы Великой Отечественной войны (историографический и источниковедческий обзоры)» обращает внимание на достоинства и изъяны Русской православной церкви и других конфессий. Признавая положительную роль патриотической деятельности Русской православной церкви в период войны, в то же время М. Шкаровский обращает внимание на сотрудничество некоторых русских и калмыцких священнослужителей с гитлеровцами, приводит пример участия в борьбе с гитлеровским режимом православных чешских священнослужителей. Чешская исследовательница А. Копрживова выделила во взаимоотношениях русских и чехов три периода: «сравнительно короткий этап восторженной приязни»; «быстро наступивший этап взаимного разочарования и охлаждения»; «длительный этап постепенного привыкания, развития взаимопонимания и сближения». Большую роль в этом процессе играли сложившиеся этнокультурные стереотипы, устойчивые представления друг о друге, которые, однако, со временем могли изменяться, и эти проблемы предстоит проанализировать в дальнейшем [4, с. 125].

Рассматривает тему русской эмиграции другой чешский исследователь М. Г. Валданковская. Вопросами «культурного синкретизма» («cultural synkretism»), транскультурности («transkulturalitet») занимались U. Hanners, W. Welsch, H. Bhabkha, которые используют термин гибридизации («hybridity»). Идеи зарубежных ученых способствуют более гло-

бальному осмыслению русской эмиграции, несмотря на тематическое разнообразие, все ученые стремятся понять, проанализировать и раскрыть сущность русской эмиграции в Чехии.

Русская эмиграционная культура – особое явление, своеобразное как по содержанию, так и по форме. Вследствие этих особенностей отдельные историки философии отказывались видеть ее сущность: эмигрантская культура не всегда соответствовала канонам, которые принимались за образцы; происходила смена лидерства темы в сторону моральных ценностей, а не социализации; акцент делался на этнофилософию.

В настоящее время мало изучен уникальный архив русской эмиграции, находящийся в Карловом университете (Русский архив), а также эмигрантские журналы: «Русская мысль», «Ойрат», «Хонх» («Колокол»), «Улан-Залата» («Красная кисть») и другие. Исследование эмигрантского наследия будет способствовать раскрытию сознания и этносознания эмигрантов, прослеживанию эволюции, новых культурных практик, возникших в результате кросскультурного процесса, и их многомерному измерению в контексте национально-культурной идентичности и философской рефлексии.

Проблема русской миграции в Чехии рассматривалась первоначально в областях исторического, политического и этнографического знаний, иногда мозаично и фрагментарно. В основном научные труды того периода посвящались политике или социальным аспектам. Современные исследования наглядно продемонстрировали, что эти сферы не являются замкнутыми, но находятся под постоянным и интенсивным воздействием культуры и философии. Данная тема анализировалась историками, культурологами, философами сначала как просветительская, а затем как стратегия осмысления сущности русского зарубежья. Позднее проблематика нашла свое отражение в исследованиях школы неокантианцев (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и работах К. Леви-Стросса, М. Фуко. Культурное зарубежье все меньше воспринимается как однородная, закрытая, застывшая целостность, а, наоборот, является разнородным противоречивым развивающимся феноменом.

Русская миграция в Чехии – составляющая культуры России, и невозможно отделить

вклад русского зарубежья от русской культуры, поскольку в прошлом имели место отдельные проявления волонтаризма.

Соответственно, внутри эмигрантского движения существовали разнородные мнения. П. Струве писал, что «культура – это поле, причастность к которому обеспечивает созвучие человека, наделенного “личной годностью”» [8].

Совершенно иную позицию занимает А. В. Азов, считавший, что русская эмиграция должна сосредоточиться на новой идеологии для будущей свободной России [9]. Автор демонстрирует нестандартное осмысление переломных событий страны, системность и комплексность анализа выражаются в единстве экономического и социального, политического и экономического, интеллектуального в органическом восприятии эмигрантской культуры, что способствует расширению и познанию ее сущности, особенностей и эволюции. Сначала высокая политизированность («красные», «белые»), затем монархическое государство,

впоследствии вхождение и пропаганда духовных ценностей. В то же время происходит децентрализация, когда субъект перестает быть ядром объективного знания и приобщается к культуре страны проживания.

Русская эмиграция в Чехии – результат сложного кросскультурного диалога, на который оказали влияние различные этнические и социальные факторы России и Чехии, с выходом в другие страны, в частности, Югославию и Америку. Культура эмигрантских процессов развивается в рамках основного культурного партнерства и выполняет интегрирующую и культурологическую функции. Открывается новое проблемное поле в современной культурологии, вводится новый категориальный концептуальный аппарат, что позволяет определить перспективы развития эмиграционного процесса и движения в современной философско-культурологической мысли, углубить проблематику в рамках эволюционного процесса, взаимодействия и взаимопроникновения культурных аксиологических установок.

Литература

1. Литературное зарубежье России. М., 2006.
2. Бальков С. Сильнее власти. Мюнхен, 1976.
3. Хара-Даван Э. Калмыки и Югославия. Прага, 1930.
4. Борманжинов А. Ламы донских калмыков. Элиста, 1997.
5. Слоним М. Литературный дневник // Журнал «Воля России». 1922. № 11.
6. Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
7. Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки. Саратов, 2014.
8. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. 3-е изд. М., 2003.
9. Азов А. В. Духовное самоопределение творческой личности в трагических ситуациях: русская эмиграция «первой волны»: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1999.

Bibliography

1. Literary Abroad in Russia. Moscow, 2006.
2. Balykov S. Stronger than power. Munich, 1976.
3. Hara-Davan E. Kalmyks and Yugoslavia. Prague, 1930.
4. Bormanginov A. Lama of the Don Kalmyks. Elista, 1997.
5. Slonim M. Literary Diary // Magazine «The Will of Russia». 1922. № 11.
6. Weidle V. V. The task of Russia. N. Y., 1956.
7. Kovalev M. V. The daily life of the Russian emigration in Prague in the 1920–1930s: historical essays. Saratov, 2014.
8. Gritsanov A. A. The newest philosophical dictionary. 3rd ed. Moscow, 2003.
9. Azov A. V. Spiritual self-determination of a creative personality in tragic situations: Russian emigration of the «first wave»: dis. ... doctor of philosophy. Ekaterinburg, 1999.

Аминов Фарит Гизарович
Aminev Farit Gizarovich

доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета
доктор юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Criminalistics of the Institute of Law, the Bashkir State University,
Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: faminev@mail.ru

**ЗНАЧЕНИЕ ЭТИЧЕСКОГО СТАНДАРТА СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

**The value of ethical standards of a forensic expert in the investigation
of crimes related to extremist and terrorist activities**

В статье рассмотрены проблемы этики в судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и предложены меры по повышению требований к морально-нравственным качествам судебного эксперта. Автором обоснована необходимость принятия Кодекса этики судебного эксперта Российской Федерации, сформулированы основные требования этического стандарта к судебному эксперту, проводящему судебные экспертизы при расследовании преступлений экстремистско-террористической направленности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, Кодекс этики судебного эксперта, экстремизм, терроризм, судебно-экспертная деятельность, принципы профессионального поведения.

The problems of ethics in forensic activities in the Russian Federation are analyzed and measures to increase the requirements for moral qualities of the forensic expert are proposed. The necessity of the adoption of the «code of ethics of a forensic expert of the Russian Federation» is substantiated, the basic requirements of ethical standard applicable to the judicial expert conducting forensic examination in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation are formulated.

Keywords: forensic, expert, Code of ethics of forensic expert, extremism, terrorism, forensic science activity, principles of professional conduct.

В условиях стремительных социально-экономических и политических преобразований в России XXI века трансформировались и возросли преступные проявления, в том числе в их крайних формах – экстремизме и терроризме. Так, в 2016 году зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера и 1450 преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, что на 44,8 % и 9,1 % больше, чем в 2015 году [1].

Соглашаясь с утверждением Н. Е. Макарова о том, что экстремистская деятельность является процессом борьбы за власть субъектов социальных отношений в политической, национальной, экономической и иных сферах общественной жизни, использующих для достижения своих целей радикальные (агрессивные) способы и формы [2, с. 85], а терроризм ставит своей целью давление на органы власти или международные организации путем

применения крайних мер насилия либо угрозы его применения для достижения необходимых преступникам результатов [3, с. 492], отметим необходимость мобилизации всех государственных, общественных ресурсов для противодействия этим чрезвычайно опасным видам деятельности.

В то же время Российской Федерацией предпринимаются серьезные меры по созданию правового государства, поэтому продолжится введение в судопроизводство новелл, как указывают А. В. Варданян и Г. А. Варданян, ориентированных на гуманизацию уголовного процесса, равноправие и состязательность сторон, которые потребовали глобального пересмотра как мировоззренческих, так и прикладных аспектов криминалистической тактики [4, с. 7]. Одной из действенных мер, позволяющих в наиболее объективной форме установить все обстоятельства деяний терро-

ристической и экстремистской направленности, является судебная экспертиза, проводимая лицом, владеющим системой специальных знаний и навыков и назначенным в установленном процессуальным законодательством порядке для производства судебной экспертизы [5, с. 7]. Значение судебной экспертизы по отношению к другим источникам доказательств все более возрастает отчасти и от того, что методы получения вербальной информации совершенствуются медленнее, чем технические методы и средства, которые активно прогрессируют [6, с. 94] и находят свое отражение в новых высокотехнологичных родах и видах экспертных исследований.

В условиях, с одной стороны, требований гуманного отношения ко всем участникам уголовного судопроизводства, с другой стороны, необходимости ужесточения борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма, к деятельности судебного эксперта приковано особое внимание не только сторон процесса, но и общественности, средств массовой информации, граждан. Судебно-экспертная деятельность по делам экстремистско-террористической направленности осложнена и тем, что в настоящее время «идея и понятие права человека стали заслонять традиционно равновесную в юриспруденции категорию обязанности соблюдать права других людей, права общества и государства» [7, с. 105]. Это совершенно неприемлемо для судебно-экспертной деятельности, на результаты которой не должно оказывать влияние ни расслоение общества по социально-экономическим признакам, ни либеральное отношение к крайне радикальным взглядам различных общественных течений, приводящим к экстремистским и террористическим проявлениям. Тем более для России духовно-нравственные ценности всегда являлись государствообразующими [7, с. 104]. Поэтому в ходе проведения судебной экспертизы при расследовании преступлений вышеназванных категорий имеет решающее значение соблюдение этического стандарта судебного эксперта (кодекса этики), что в совокупности с наличием высокой психологической устойчивости (среди представленных объектов могут содержаться нелицеприятные фотографии и видеозаписи с элементами насилия, тексты, оскорбляющие челове-

ческое достоинство, и так далее) позволит качественно провести экспертное исследование.

Отметим, что соблюдению этических норм в судебно-экспертной деятельности в некоторых странах уделяется особое внимание. Так, на экзаменах на право стать судебным экспертом в Китайской Народной Республике отдельно вынесен вопрос об основах профессиональной этики (нравственности) [8, с. 68].

В России для реализации обозначенных в ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принципов государственной судебно-экспертной деятельности (законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники) судебный эксперт должен беспрекословно соответствовать требованиям профессиональной этики, честно и добросовестно исполнять свои обязанности. Особенно при расследовании преступлений, связанных с террористической (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 207, 208 УК РФ) и экстремистской (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) деятельностью [9, с. 94–97; 10, с. 31–35; 11, с. 68–72; 12, с. 74–78; 13, с. 40–45] судебным экспертом должны быть соблюдены такие нравственные начала, как объективность (решение поставленных задач только на основе независимого объективного научного исследования), принципиальность (исследование и формулирование выводов на основе своих суждений и только в соответствии с научно обоснованными методиками, без влияния мнений заинтересованных лиц), самокритичность (критическое отношение к ходу и результатам своего экспертного исследования), добросовестность и другие морально-этические качества. Таким образом, экспертная этика должна быть реализована как совокупность моральных норм, правил поведения во всех областях профессиональной деятельности [14, с. 128].

Вместе с тем следует признать, что на сегодняшний день морально-этические качества судебного эксперта не зафиксированы отдельным документом, поэтому предлагается составить Кодекс этики судебного эксперта Российской Федерации. В контексте рассмат-

риваемой в статье темы целесообразно уделить отдельное внимание тем статьям Кодекса, в которых изложены основополагающие принципы и правила профессионального поведения судебного эксперта. Объясняется это тем, что при проведении судебных лингвистических, психолого-лингвистических, автороведческих, религиоведческих, фоноскопических, почерковедческих, компьютерно-технических, радиотехнических экспертиз судебный эксперт в силу характера исследований получает обширные данные о субъектах совершенного акта терроризма (или экстремизма). И, несмотря на обладание знаниями о подозреваемых (обвиняемых, подсудимых), включая сведения как о негативных проявлениях (жестокость, лживость субъекта), так и вызывающих жалость, сострадание (субъект несовершеннолетний, сирота, действующий под давлением и угрозой расправы) [15, с. 168–172], судебный эксперт обязан оставаться объективным и беспристрастным исследователем.

В связи с важностью результатов проводимых судебных экспертиз (например, судебные лингвистические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы способствуют установлению одного из основных элементов предмета доказывания – мотива преступления экстремистской и террористической направленности) отдельные положения Кодекса этики судебного эксперта Российской Федерации требуют более тщательной разработки.

Так, в статье предлагаемого Кодекса этики, содержащей принципы независимости судебного эксперта, необходимо указать его обязанность следовать независимой и беспристрастной позиции в отношении любых участников судопроизводства: лиц, назначивших экс-

пертизу, других лиц, заинтересованных в исходе дела. Судебный эксперт дает заключение на основе результатов проведенных с использованием специальных знаний исследований в соответствии со своим внутренним убеждением. При описании принципа объективности и беспристрастности следует внести требование о том, что при выполнении своих обязанностей судебный эксперт должен быть свободен от любых предпочтений и предвзятости; его поведение должно быть направлено на исключение всех сомнений в его беспристрастности. Согласно статье о принципе равенства, судебный эксперт должен относиться равнозначно ко всем лицам, участвующим в судопроизводстве; проявлять вежливость и корректность в общении со всеми участниками процесса, уважать нравственные устои и традиции народов, считаться с культурной самобытностью различных этнических и социальных групп и религий, не допускать возникновения конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб репутации судебного эксперта; в ходе всех стадий исследования не демонстрировать свою религиозную принадлежность и так далее.

Представляется, что скорейшее принятие Кодекса этики судебного эксперта Российской Федерации (этического стандарта судебного эксперта) будет способствовать повышению уровня судебно-экспертной деятельности, в том числе в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, а основательно продуманные морально-нравственные требования к судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации должны обеспечить повышение качества судопроизводства в целом.

Литература

1. Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.
2. Макаров Н. Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. Чита, 2006.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Рос-

Bibliography

1. The state of crime // Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://MIA.RF/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.
2. Makarov N. E. Political extremism as a radical model of the political process and the organization of the state anti-extremis: dis. ... PhD in Law. Chita, 2006.
3. The comment to the criminal code of the Russian Federation / ed. the editorship of V. M. Lebedev. 9th ed., rev. Moscow, 2010.

сиейской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

4. Варданыан А. В., Варданыан Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ-Правоведь. 2015. № 6.

5. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юристъ-Правоведь. 2016. № 2.

6. Головин А. Ю., Грибунов О. П., Бибииков А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. Иркутск, 2015.

7. Овчинников А. И. Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. 2016. № 6 (79).

8. Люй С., Чжан Ж. К вопросу о повышении эффективности и качества судебной экспертизы // Актуальные вопросы судебных экспертиз: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2010.

9. Варданыан А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 4.

10. Варданыан А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 42. Т. 4.

11. Варданыан А. В. Совершенствование гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса в контексте современных тенденций преступности // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. М., 2016.

12. Варданыан А. В., Андреев А. С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75).

4. Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Theoretical and methodological problems of criminalistic tactics in the context of contemporary models of the criminal process // Jurist-Pravoved. 2015. № 6.

5. Aminev F. G. About some of the problems of integration of scientific-methodical and organizational support of forensic activities in the Russian Federation // Jurist-Pravoved. 2016. № 2.

6. Golovin A. Yu., Gribanov O. P., Bibikov A. A. Forensic methods for overcoming of counteraction to investigation of crimes transport: monograph. Irkutsk, 2015.

7. Ovchinnikov A. I. Legal formalization of the concept of «public morality» // Philosophy of law. 2016. № 6 (79).

8. Lu S., Zhang J. The issue of improving the efficiency and quality of forensic investigation // Actual problems of forensic examinations: materials of International scientific-practical conference. Irkutsk, 2010.

9. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Relationship between the concepts of extremist and terrorist activities: epistemological and legal aspects // «Black holes» in Russian legislation. 2015. № 4.

10. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. On the classification of phenomena of extremism and terrorism: the unity of nature and the multivariate display in the society // Legal state: theory and practice. 2015. № 42. Vol. 4.

11. Vardanyan A. V. Improvement of safeguards ensure the safety of participants in criminal proceedings in the context of current crime trends // Modern criminal procedural law in Russia: lessons of history and the problems of further reforming: proceedings of the International conference on the 60th anniversary of doctor of legal Sciences, Professor, honored scientist of the Russian Federation V. V. Nikoluka. Moscow, 2016.

12. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Emotional distress and suicidal actions as part of a post-criminal behavior of individuals and their importance for the disclosure and investigation of murders (forensic and psychological aspects) // Philosophy of law. 2016. № 2 (75).

13. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2015. № 3 (31).

---

13. Варданыан А. В., Кулепов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31).

14. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании: учебное пособие. М., 2015.

15. Варданыан А. В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.

14. Mailis N. P. Theory and practice of forensic examination proving: proc. allowance. M., 2015.

15. Vardanyan A. V. Some problems of assignment psychological and psychiatric examination during the investigation of the violent attacks on the lives and health of a person, committed by persons having a mental disorder, not excluding sanity // Izvestiya of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2014. № 2-2.

Бойко Александр Иванович
Boyko Alexander Ivanovich

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Head of the Department of Criminal Law Disciplines, the South Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor.
E-mail: bai-53@mail.ru

РЕЛИГИЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Religion and law enforcement activity of the State

Автор утверждает, что жизнь современного общества организуется с помощью нескольких нормативных систем, господствующее место среди которых занимает право, однако при срывах или низких результатах государственного управления власть вынуждена апеллировать к духовному опыту нации. В статье аргументирована полезность заимствований религиозных догм и наставлений для облагораживания правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: вера, закон, наказание, правоохранительная деятельность, преступление, религия, уголовное право.

The life of modern society is organized with the help of several normative systems, among which the rule of law prevails. However, in case of failures or poor results of state administration, the authorities are compelled to appeal to the spiritual experience of the nation. The article gives examples and substantiates the usefulness of borrowing religious dogmas and instructions for ennobling law enforcement activities.

Keywords: faith, law, punishment, law enforcement, crime, religion, criminal law.

Par nobile fratrum*

Репрессивная деятельность государства составляет излюбленный объект правозащитной критики, что справедливо и полезно одновременно, так как «сила и безопасность царств состоят в нравственных опорах» [9, с. 228], «мораль одушевляет уголовное право» [8, с. 34], «карательная деятельность... не может быть изъята из-под нравственного контроля» [7, с. 4]. Но у морали с учетом ее социальных функций есть очевидный генетический партнер – религия. Можно без преувеличения и фальши сказать, что в религии все нравственно (пусть и для своего времени). Это доказывают и авторитетные мнения: «лишь в тесной связи с религией и нравственностью уголовное право получает внутреннее освящение и внушает к себе... глубокое уважение» [5, с. 23]; «самый естественный и логичный путь (народного. – А. Б.) духа лежит через последовательность: религия – мораль – обычай» [17, с. 22]; отличительная черта христианства – нацеленность на соедине-

ние этических идеалов с повседневной жизненной практикой, чем светская наука похвастаться не может [12, с. 123].

Религия и мораль – не соперничающие, а очень тесно взаимосвязанные по своему происхождению, назначению и прогнозируемому будущему формы общественного сознания. Они олицетворяют консерватизм и в этом качестве способны противодействовать политическому шарлатанству, страховать население от неэволюционных вариантов развития, служить своеобразным отвесом против идеологических обольщений, а в союзе с правом – обеспечивают «золотую середину» в поведении этногенеза. В будущем, соединившись с лучшими технологиями публичного управления, сакрально-этические представления человечества станут сердцевиной интегрированного искусства мирной жизни, а сегодня они вместе с доктриной естественного права выполняют роль некоего духовного эталона, привлекаемого и для экспертизы наиболее значимых карательных правил и экспериментов.

* Благородная пара братьев – лат.

Все сторонники абортотв – люди, уже успешие родиться (Р. Рейган)

Названные обстоятельства позволяют говорить о полезности религиозного компонента для самой жесткой области государственного управления, каковой является сфера применения уголовного закона, и о допустимости канонического «просвещения» официальных нормативов по борьбе с преступностью в процессе преподавания светского уголовного права. Сегодня, после многих столетий «государственного православия» и десятилетий «государственного атеизма», наблюдается своеобразный «религиозный Ренессанс», порожденный несколькими причинами: 1) светские власти в годы реформ, занятые разрушением старых порядков, обычно демонстрируют неспособность к грамотному и честному разрешению текущих проблем общежития, включая безопасность граждан; 2) духовенство, отлученное от важнейшего светского таинства – обслуживания казенных денег и имущества, напротив, лучше и оперативнее высшего чиновничества угадывает и обосновывает стратегические пути развития российского общества*; 3) в неэволюционные эпохи официальные технологии управления, основанные на дешевой пропаганде и силе, дают сбой, что вызывает почти инстинктивное, но и спасительное обращение к духовным истокам нации, к поведенческому багажу предшествующих поколений, к медленно вырабатываемым естественным порядкам, а не к «навязываемому» властями праву [10, с. 45]. В смутные времена наступает «звездный час» для нормативных систем, принимаемых людьми добровольно и потому не рассчитанных на обязательное внешнее принуждение к повиновению.

Политическое влияние женщин бывает низким только днем (М. Жванецкий)

А. А. Тер-Акопов писал о трех основных направлениях имплементации христианства в светское уголовное право: *идейно-нравственные* (использование отдельных религиозных заповедей в законодательстве стран, где церковь отделена от государства), *прямо регулирующие* («регулирование отношений верующих между собой и к светской власти») и *нрав-*

ственно-аналоговые («христианские нормы (прямо. – А. Б.) не воплощаются в правовые, но влияют на их формирование в числе прочих факторов») формы [16, с. 11–14]. Он также выделял пять принципиальных положений христианства, которые освящают государственную практику по борьбе с преступностью: а) принципиальная совместимость усилий светской и духовной властей в противостоянии преступности (греху); б) смирение и законопослушание как основная линия поведения истинного христианина; в) постоянное творческое развитие законодательства (как и религии); г) ценность закона как жизненная необходимость; д) построение уголовного правосудия, исключаяющего «голую расправу» или ошибки в его отправлении [16, с. 21–23].

В нашем понимании многие теологические постулаты давно и прочно вошли в дух и плоть светского уголовного права, но возможности творческого поглощения религиозных идей далеко не исчерпаны и даже увеличиваются. Связано это со многими обстоятельствами современности: общим ростом криминальной активности населения, когда власть стоит перед искушением «механической мести»; появлением общественно опасных поступков в новых сферах жизни общества, что предполагает полезность и необходимость возврата к каноническим догматам об основаниях уголовной ответственности вообще; имущественным расслоением населения и порожденными этим фактом различными мотивами преступного поведения (биологическая нужда или пресыщение) у представителей противоположных групп общества; слабой результативностью уголовной юстиции и всей системы власти в рамках предупреждения преступности; увеличивающимся разрывом между «сухим» и кратким законом в сравнении с усложняющейся динамичной жизнью; духовным (нравственным) «обезвоживанием» государственного управления и попытками его односторонней коррекции посредством так называемых «общечеловеческих ценностей», которые в современном однополярном мире совпадают, оказывается, только с национальными интересами США»

---

* Сравним, что написано 15 лет назад митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Иоанном («Творением добра и правды». 1993 год) и стало впоследствии осуществляться в России президентами В. В. Путиным и Д. А. Медведевым.

(Л. Шебаршин). Имеет место так называемые общеуголовные деликты и все возрастающие в объемах политические преступления (терроризм), существуют огромные миграционные процессы и рост посягательств «с иностранным элементом». В связи с этим и в подтверждение сказанного назовем несколько уровней влияния религии на нынешнее уголовное право и разукрупним их.

I. Не подлежит сомнению, что именно под религиозным влиянием, разделяемым населением по причине нравственности последнего, светское уголовное право приняло за основу и продолжает использовать следующие постулаты: а) необходимость криминализации поступков, которые сегодня высокопарно именуются «преступлениями против основных прав и свобод человека и гражданина» или «против личности», – отказ от содержания нетрудоспособных родителей, убийства, кражи, половые преступления, заведомо ложный донос. Зафиксированы эти злодеяния в законах Моисея (Исх. 20, 12–17), частично – в Нагорной проповеди Иисуса Христа (гл. 5, 6 и 7 Евангелия от Матфея) и в его Разговоре с богатым юношей (Мф. 19, 16–24; Лк. 18, 18–25; Мк. 10, 17–25); б) семь смертных* и четыре вопиющих греха (убийство, содом, изнасилование и насильственное удержание заработка) (Левит. 18, 22–23; 19, 13), а также семь христианских [6] добродетелей и заповеди блаженства во многом рецептированы в уголовное законодательство в форме обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; в) принцип неотвратимости уголовной ответственности за преступления, на котором, за небольшими исключениями (сроки давности, иммунитет, различные форс-мажорные обстоятельства), зиждется современное уголовное право, составляет квинтэссенцию религиозного понимания основ ответственности – «что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6, 7–8); «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52); «делающие зло достойны смерти» (Рим. 1, 31); «вдвое воздайте ей (великой блуднице. – А. Б.) по делам ее» (Откр. 18, 7–8); «ввергнут их (подверженных порокам. – А. Б.) в печь огненную: там будет плач

и скрежет зубов» (Мф. 13, 42, 50); «каждый понесет свое бремя» (Гал. 6, 5).

II. Еще более значителен ряд религиозных догматов, которые либо вовсе не замечаются доктриной уголовного права, либо находятся под сомнением, либо светская власть не в состоянии качественно их принять и использовать по различным, известным только ей причинам, либо задействованы они односторонне.

1. Церковь с давних пор обеспокоена неправедностью механических юридических расправ над нарушителями общественных устоев («каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 1); «твоими устами буду судить тебя» (Лк. 19, 22)) и предлагает *универсальные установки* для сферы борьбы с преступностью. Вначале, по Ветхому Завету, справедливость видится в форме мести по закону Талиона (Исх. 21, 23–25; Левит. 24, 20), позже новозаветные пророки ставят на место мести более высокий нравственный расчет, согласно которому смысл наказания заключается уже не в отмщении, а в восстановлении справедливости [13, с. 54]: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому» (Мф. 5, 38); «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших» (Мф. 5, 44).

2. Будущий красугольный принцип римского уголовного права: «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» четко зафиксирован в послании римлянам: «и до закона грех был в мире, но грех не вменяется, когда нет закона» (Рим. 5, 13); «где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4, 15).

3. Вопреки господствующим воззрениям современной доктрины, односторонне восхваляющей субъективное вменение [1], евангелисты особо выделяли идею объективного вменения в ее рациональном толковании: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16, 20). В этом завете предвосхищено будущее тысячелетнее развитие уголовного права, в основу преследования положившего преимущественно то, что и как сделано (*tat justiz*), а не кем и почему

---

* Смертный грех означает, что его нельзя искупить, он влечет за собой вечные муки в загробной жизни. К таковым в теологии причислены зависть, скупость, блуд (распутство), обжорство (чревоугодие), гордость (высокомерие), уныние (леность) и гнев.

(person justiz); в нем выражено непреходящее значение для справедливого правосудия признаков объективной стороны, общественно опасных последствий; в нем создана база для конструирования материальных составов преступлений, ныне господствующих в законе.

4. Одновременно, по правилам диалектики, субъективная сторона и ее главный признак – вина, составляющая основу упрека причинителю вреда, также заявлены в первых канонических памятниках: «они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1, 28–32). Позже гигантский рывок в учении о субъективной стороне совершили теологи эпохи Реформации: от установки У. фон Гуттена на *вину клира* – через утверждение Э. Роттердамского о *вине паствы* – к призыву М. Лютера видеть в грехе свою (*mea culpa*) индивидуальную вину [6, с. 54–56]. В поле внимания первосвященников попал и мотив опасного поведения. Месть категорически причислена к отрицательным побуждениям («не мстите за себя» – Рим. 12, 19), а упоминание в канонических памятниках задачи исправления предвосхитило будущую постановку педагогической цели перед наказанием: «как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху, ибо умерший освобождается от греха» (Рим. 6, 4–7).

5. Раннее христианство пошло на разрыв с Ветхим Заветом в принципиальнейшем вопросе равенства человека перед лицом закона (ст. 4 УК РФ): «неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников» (Рим. 3, 29); «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11). А в Уголовном кодексе современной России, «пожавшей» плоды гигантского имущественного расслоения после воровской приватизации, началось попятное движение к кастовости, к созданию правовых преимуществ для новоявленных хозяев страны (ст. 76¹, 76², прим. № 3, 3, 4, 2 соответственно к ст. 199, 198, 200¹ и 200³, упразднение

конфискации имущества как вида наказания, намеренная альтернатива штрафа и лишения свободы в огромном числе санкций как возрождение диковинного средневекового расчета «нет мощны, так есть спина» и так далее). Трудно работать правоохранителям и судьям в таком юридическом поле, при таких искушениях, блокировать же кастовые «замашки» новоявленных собственников «заводов и пароходов» удобнее всего через обращение к религиозному опыту, критиковать который даже бенефициарии перемен не решаются.

6. Приняв в свою компетенцию душу грешника и оставив тело последнего для экзекуций светской власти, церковь уже в раннюю эпоху «замахивается» на сложнейшую уголовно-политическую и криминологическую проблему одновременно (о причинах преступного поведения). Признавая любого обывателя потенциальным преступником («если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8); «все под грехом» (Рим. 3, 9), отцы церкви тем самым инициировали учение о причинах и условиях преступности. Разумеется, для религии более интересен индивидуальный уровень проблемы, то есть побуждения и цели отдельно взятого правонарушителя. Укор, рождающий ответственность, однозначно сделан самому виновному, которого не оправдывают никакие внешние детерминанты: а) «Бог не искушается злом, и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1, 13–15); б) «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17, 1); в) «мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19); г) «все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21); д) «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34).

7. Давно известно, что состояние опьянения существенно влияет на психику человека. Тот, кто совершает преступление пьяным, подвергается наказанию, когда он трезв («*qui peccat ebrius, luat sobrius*») – требовали древние римляне и примирительно добавляли: «*per vinum delapsis, capitalis poena remittitur*» («наказание за преступление, за которое закон устанавливает смертную казнь, смягча-

ется, если преступление совершено в состоянии опьянения»). В посланиях же апостолов прямо выказано порицание алкогольному чревоугодию: «пьяницы... Царства Божия не наследуют» (1 Коринф. 6, 10); «трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Петр. 5, 8); «и не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Ефес. 5, 18). К сожалению, современный российский законодатель проявляет осторожность, признавая состояние опьянения нейтральным обстоятельством, всего лишь не препятствующим наступлению уголовной ответственности (ст. 23 УК РФ).

8. Религия может быть помощником в установлении и толковании нижней возрастной границы уголовного преследования. В период государственно-церковной симфонии в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года российский законодатель указывал, что малолетство лица, совершившего общественно опасное деяние, относится к числу причин, «по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину» (ст. 98), и расшифровывал позицию таким доводом: «дети, не достигшие семи лет от роду и потому еще не имеющие достаточного о своих деяниях понятия, не подлежат (поэтому. – А. Б.) наказаниям за преступления и проступки» (ст. 100) [11, с. 193]. Оговорив именно православные корни 7-летнего стартового возраста уголовной ответственности, Н. С. Таганцев поддерживает законодательную мотивировку: уголовная кара справедлива лишь «со времени появления в нем (несовершеннолетнем. – А. Б.) сознания общественных обязанностей и понимания несоответственности с этими обязанностями своих поступков» [14, с. 415]. Хорошо известно, что позже светская власть в два раза повысила начальный (религиозный) порог (уголовной) ответственности до 14 лет, но обоснования этого шага в УК РФ нет. И в вузовской среде по данному вопросу разной мнений.

9. Разумеется, основной предмет внимания священнослужителей – падшие люди, грешники, преступники: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 12–13; Лк. 2, 17). Такой же миссии устойчиво придерживается и пуб-

личное уголовное право, однако после монополизации карательной деятельности государство напрочь забыло о законопослушных гражданах и о потерпевших. Первые вовсе не интересуют уголовное право, а вторые попадают в поле зрения лишь изредка. О том, что эта установка не вполне логична и уж точно асоциальна, в последние годы говорится и пишется много [18], но положение практически не меняется.

10. Еще в дохристианские времена Ветхий Завет предпринимает попытку разрешить проблему посредственного причинения вреда и ответственности за преступное бездействие, сущность которого состоит в самовольном выключении из общественного разделения труда, в невыполнении социально-юридических обязанностей, что влечет наступление опасных последствий, не порожденных лично бездействующим. «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват; но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерек его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти» (Исх. 21, 28–29). Оправданием ответственности за пассивное поведение, ставящее соплеменников в опасное положение, служили в раннехристианские времена многочисленные притчи и религиозные заповеди. К сожалению, человеческая эволюция выхолостила из практики управления теологические корни и стала основываться только на юридической логике. Например, на Западе с его идеей «негативной свободы» или автономии личности «отрицательно решается имеющая библейские истоки (Евангелие от Луки, гл. 10, 29–37) проблема «добротного самарянина», связанная с установлением уголовной ответственности за не оказание помощи находящемуся в опасности другому лицу при наличии возможности без риска для себя оказать эту помощь, однако в отсутствие имеющей строго легальное происхождение обязанности оказать такую помощь» [4, с. 22].

11. В глубинах религиозного опыта можно обнаружить положения, служащие прообразом будущих исключительных норм уголовного права. Их первым проповедникам, пробивавшимся через запреты и преследова-

ния официальных властей, познавшим катакомбы и распятия, близкой стала мысль о том, что благочестие, вера в Абсолют, в нравственные мотивы поведения не могут быть признаны ни греховными, ни преступными, какие бы большие усилия в этом направлении не прилагала официальная власть. «Человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3, 28) – в этих словах апостола Павла религиозные установления прямо противопоставляются светскому законодательству и не в пользу последнего, а в них словно проложен путь для форс-мажорных обстоятельств, отраженных в гл. 8 УК РФ 1996 года (когда вред причиняется вынужденно или по явному нравственному побуждению).

12. Раннее христианство обнаружило проблему, которая на современном языке именовалась бы пороговыми значениями преступности или антиобщественного поведения. Так эта мысль отражена в работах А. А. Тер-Акопова: «греховность общества контролируется Богом; когда это зло переходит критическую черту, становится массовым (вспомним, что Господь готов был не истреблять город Содом, если в нем найдутся хотя бы десять праведников – Быт. 18, 32), Бог уничтожает человечество. По Ветхому Завету – это трагедия Sodoma и Гоморры, а также всемирного потопа» [16, с. 69–70]. Но на нынешнее суперинформированное, развращенное и атеизированное население [19] угрозы прижизненного апокалипсиса или посмертного ада давно не действуют. Повсеместный торговый бизнес, посредничество и ростовщичество «убили» во многих набожность, скромность, заботу о ближних и о собственной репутации порядочного человека. О каком поголовном преследовании грешников может идти речь, если более 1/3 официально признанных судимыми лиц избегают реального наказания! А либеральное наступление на уголовную кару продолжается. Но и преступность достигает по некоторым параметрам той критической черты, когда «потерявши голову, по волосам (демократическим ценностям. – А. Б.) не плачут». Что делать? Какие меры реагирования будут сочтены разумными современной общественной совестью по принципу минимального зла? В нашем представлении, путь, завещанный несколько столетий назад апостолами церкви, один: нужен официальный (и краткий) список злодеяний, в отношении ко-

торых никакие меры уголовно-правового опощения принципиально невозможны. Усиления ответственности не будет, но и послабления (сроки давности преследования, иммунитет, помилование, амнистия, условное осуждение и пр.) исключены. К таковым были бы отнесены преступления против мира и безопасности человечества, распространение наркотиков, терроризм, посягательства на беременных женщин, крупные хищения казенных средств, геростратовские поступки, фальсификации выборов, производство и реализация контрафактных продуктов питания и лекарств.

13. В завершение отметим, что теологическому языку свойственны афористичность, намек, двусмысленность, парадоксальность, притчевой стиль, а потому священники были «приговорены» стать пионерами герменевтики. Апостолы церкви призывали своих приверженцев к умению в толковании, пропагандировали его расширительный и ограничительный типы; нужно «быть служителями... не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Коринф. 3, 6). Язык светского (уголовного) закона в силу его краткости, наполненности оценочными признаками, терминами, ссылочными и бланкетными диспозициями также предполагает обязательной ступенью правоприменения грамотное толкование нормативных текстов. Но легальный наставник на этом фронте (Пленум Верховного суда РФ) с постоянно демонстрируемым канцелярским стилем («судам надлежит...» и так далее) вряд ли вызывает искреннее доверие правоприменителей и может помочь им в профессиональной деятельности.

Девственность не предписывается, но всего лишь рекомендуется (апостол Павел)

Разумеется, мы живем в стране, где противодействие преступности является компетенцией светских властей, а их усилия в данном направлении оплачиваются из бюджета. Однако, если рационализированное право сконцентрировано на повышении уровня жизни и культивирует для этого сообразные технологии, отчего «мещане не одворяниваются, но дворяне как раз омещаниваются» [2, с. 437], то религия и нравственность озабочены в первую очередь тем, как сделать лучшими самих людей. Поэтому уголовное законодательство и практика его применения должны быть объ-

ектом постоянного и пристрастного «нравственного просвещения», но не по внутрисемейному методу обмена информацией «крошки сына» и всезнающего отца (В. В. Маяковский), то есть обывденного прагматизма, а с опорой на архаичные правила коллективной жизни, так как современность без какой-либо помощи удовлетворит себя в политических исканиях и рецептах, поскольку по горькому наблюдению Сенеки, пороки легко усваиваются и без учителей [15, с. 429].

Давно сказано, что государство не может декретировать или навязывать принудительным образом благочестие, высоко-нравственные устои жизни, что «моральная сторона и моральные заповеди... не могут быть предметом положительного законодательства» [3, с. 233]. Не по Сеньке шапка. С другой стороны, тоталитаризм иногда определяют как «образ правления, при котором мораль входит в компетенцию власти» [15, с. 124]. Если бы все было наоборот: когда истинный смысл управления означает вхождение морали в ответственность (а не в компетенцию) власти, тогда мы получили бы надежный вариант демократии. И на этом пути религиозный опыт может быть помощником общества и светских властей.

В психологической литературе азартно эксплуатируется притча о наставлении отца своему сыну, достигшему совершеннолетия: «обычные люди держатся Библии и того, что говорит проповедник. А для разумнейших есть и свод уголовных законов» [20, с. 105]. Пусть эта притча будет шуткой. Пока люди знают грех лучше добродетелей, пока они надеются с помощью запретов и вообще централизованной светской регламентации жизни решать все возникающие проблемы социума, тогда и свод уголовных законов не поможет – даже разумнейшим. В таких условиях он будет малоэффективным орудием борьбы с преступностью, но в гораздо большей степени послужит фи-

говым листком для проходимцев и удобным оправданием для власти, допускающей возможность достижения длительного гражданского мира через выборочное применение криминального кодекса и прочие манипуляции с ним. Сегодняшние руководители России не только осознали непригодность уже осуществленной их предшественником на политическом престоле шоковой атаки на население, но и начали заглаживание ее последствия в форме социально ориентированных национальных проектов, постоянных контактов и консультаций с руководством всех отечественных конфессий через создание Общественной палаты и схожих с ней органов общественной самодетельности, путем возрождения самостоятельного голоса на международной арене... На Олимпе российской власти гонимые* вытесняют космополитов. Эта тенденция подает надежды на замену привозного протестантского индивидуализма славянской коммунальностью, на гармоничное сочетание базовых методик (религия, нравственность, право) существования людей.

Таким образом, религия представляет собой немалую ценность для практического уголовного права, в особенности, как стойкая хранилища бесценного опыта предыдущих поколений, как наземная представительница Абсолюта (а небесный «голос имеет какую-то непреложность и святость» [2, с. 179]). Утверждаем, что обращение к теологическим догматам в парламентской и правоприменительной деятельности, на лекциях и семинарах по уголовному праву не разрешит всех юридических проблем, но сообщит светским нормативам по борьбе с преступностью дополнительную привлекательность, побуждая юристов, обывателей и студентов к самостоятельному поиску глубинных духовных корней уголовного законодательства, а в далекой перспективе обещает облагораживание правоохранительной деятельности.

Литература

1. Бойко А. И. О естественности правовых обязанностей и некорректности возмущения субъективных прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1.

Bibliography

1. Boyko A. I. On the naturalness of legal obligations and the incorrectness of exaggeration of subjective rights // Legal policy and legal life. 2004. № 1.

---

* «Гонимые» – защитники Родины (пер. с венг. яз.).

2. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.
3. Гегель Г. Сочинения. М.–Л., 1934.
4. Есаков Г. А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
5. Баршев С. И. Взгляд на науку уголовного законовещения // «Зерцало». Журнал юридической библиографии. М., 1998. Вып. 3.
6. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 2: Философия XV–XIX веков. М., 1996.
7. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985.
8. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.
9. Мордвинов Н. Мнение 25 сентября 1811 года // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1860. Кн. 2.
10. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.
11. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.
12. Рыбаков С. В. Мировоззренческий опыт православия. Екатеринбург, 2003.
13. Суrowегина Н. А. Преступление и наказание как проблема христианской этики // Государство и право. 1995. № 8.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. 2-е изд. Часть Общая. СПб., 1902. Т. I.
15. Таранов П. С. Управление без тайн. Симферополь, 1993.
16. Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право: к 2000-летию христианства. М., 2000.
17. Тихонравов Ю. В. Судебное религиозоведение. М., 1998.
18. Бойко А. И. Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ. 2003. № 1 (25).
19. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М., 2006.
20. Юнг К. Г. Аналитическая психология. М., 1995.
2. Vyazemsky P. A. Aesthetics and literary criticism. Moscow, 1984.
3. Hegel G. Works. Moscow–Leningrad, 1934.
4. Esakov G. A. The doctrine of crime in the countries of the family of common law: abstract of dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2007.
5. Barshev S. I. A look at the science of criminal jurisprudence // Mirror. Journal of legal bibliography. Moscow, 1998. Issue 3.
6. History of philosophy: West – Russia – East. Book 2: Philosophy XV–XIX centuries. Moscow, 1996.
7. Karpets I. I. Criminal law and ethics. Moscow, 1985.
8. Kogan V. M. Social mechanism of criminal law influence. Moscow, 1983.
9. Mordvinov N. Opinion September 25, 1811 // Readings in imperial society of history and antiquities Russian at the Moscow university. Moscow, 1860. Book 2.
10. Oriu M. Fundamentals of public law. Moscow, 1929.
11. Russian legislation of the 10–20th centuries. Vol. 6: Legislation of the first half of the XIX century. Moscow, 1988.
12. Rybakov S. V. World outlook experience of Orthodoxy. Ekaterinburg, 2003.
13. Surovegina N. Crime and punishment as a problem of Christian ethics // State and law. 1995. № 8.
14. Tagantsev N. S. Russian criminal law: lectures. 2 nd ed. Part of the general. St. Petersburg, 1902. Vol. I.
15. Taranov P. S. Management without secrets. Simferopol, 1993.
16. Ter-Akopov A. A. Christianity. The state. Law: towards the 2000 anniversary of Christianity. Moscow, 2000.
17. Tikhonravov Yu. V. Judicial religious studies. Moscow, 1998.
18. Boyko A. I. Limits of patience of the victim from the crime and the presumption of his rightness // Legal Bulletin of the RSEU. 2003. № 1 (25).
19. Wisdom of millennia. Encyclopedia. Moscow, 2006.
20. Jung K. G. Analytical psychology. Moscow, 1995.

Келеберда Нина Григорьевна
Keleberda Nina Grigoryevna

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, the Rostov Branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Tel.: 8 (928) 115-16-98.

О ЦЕЛЯХ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

About aims and purposes of art in the sociocultural context of modernity

В статье рассматривается одна из серьезнейших в постсекулярных обществах проблем провокационных актов в современном искусстве, направленных против религии. Анализируются особенности понимания целей искусства в ситуации разнонаправленных ценностных интенций в современном социокультурном пространстве, которые, по мнению автора, являются одним из источников социальной напряженности российского общества.

Ключевые слова: искусство, светскость, религиозность, общество.

Problem of provocative acts in art against religion – one of the most serious in modern post-secular societies. The author considers features of understanding of the purposes of art in a situation of multidirectional valuable intensions in modern sociocultural space that, according to the author's opinion, is one of their sources of social tension of the Russian society.

Keywords: art, secularity, religiousness, society.

Актуальность вопроса о целях и назначении искусства вызвана скандальными выставками, театральными постановками и фильмами, которые указывают на изменения сложившихся за последние сто лет конфигураций в отношениях между религией, обществом и государством. Российские исследователи [1] связывают такие трансформации со смещением ценностных ориентиров в религиозную парадигму за счет того, что религия в сочетании с этнонациональным компонентом оказывает все большее влияние на культуру и социальные институты в России. Эта оценка свидетельствует о том, что современная система ценностей в обществе остается несбалансированной.

На сегодняшний день в российском социокультурном контексте публичного пространства наблюдаются два разнонаправленных вектора: с одной стороны, крайние формы секуляризации, с другой стороны, различные пути эволюции религиозного компонента с требованием учета традиционных религиозных ценностей в публичной и правовой сферах. Такое положение предполагает явное или скрытое

идейное противостояние «светского» и «религиозного», когда секулярное сознание иногда агрессивно отказывает религиозному в праве его присутствия в общественной жизни.

Ч. Тейлор в книге «Секулярный век» [2] выделяет три разновидности секулярности. Во-первых, это общественные институты и практики, свободные от каких-либо представлений о высшей реальности и связи с ней, общественные отношения, которые никак не основываются на вере в Бога и не гарантируются ей. Церковь отделена от социальных практик и от политических структур. В этом случае одним из способов понимания секулярности является ее интерпретация в терминах публичных пространств, интерес к публичной секулярности отражен в вопросах о количестве верующих: территория публичной секулярности измеряется ростом или уменьшением числа верующих. С другой стороны, те принципы и нормы, которыми руководствуются сейчас в публичных пространствах (в экономике, в образовании и так далее), не имеют отношения к религиозным верованиям.

Во втором значении секуляризация состоит в угасании религиозных убеждений и благочестия, в этом отношении западные общества являются преимущественно секулярными.

В третьем смысле секулярность есть ситуация, когда вера в Бога оказывается одной из открытых возможностей для человеческого выбора, тогда как в домодерновом обществе неверие в Бога было практически невозможным: люди даже подумать не могли рассматривать возможность веры как вариант выбора.

Секуляризм сегодня, таким образом, представляет собой единый для данного общества духовный контекст, в котором осуществляются религиозные поиски со множественностью вариантов выбора, почти неосознаваемого.

Современное публичное пространство построено на монополии секуляризма, принимаемого за абсолютно незыблемую, а потому не рефлексируемую точку отсчета. Соответственно, религиозные феномены неизбежно редуцируются по светским аналогиям, то есть им даются неадекватные тенденциозные толкования, что рассматривается верующими как профанация.

Сторонники крайнего принципа светскости считают, что отрицательный аспект в религиозном влиянии заключен в переосмыслении линейного вектора социокультурного развития, они усматривают угрозу в преобразовании структуры светского общества, основанной на фундаментальных правах: свободах слова, творчества, совести и вероисповедания, а также равенства всех перед законом.

Вопрос о соотношении свобод в связи с посягательством на символы религиозной веры и религиозного почитания в искусстве оказывается линией демаркации ценностных систем. Заметим, что разрешение этого вопроса зависит не от самого принципа свободы (его никто и не оспаривает), но от его истолкования, поэтому исход противостояния определяется не апелляцией к проблеме отношения свобод совести и творчества, но объективным воздействием искусства на массовую аудиторию, а значит ответственностью художника (чиновника или журналиста).

Считается, что оскорбление чувств как верующих, так и неверующих – это безответственный поступок, поэтому оно неприемлемо. В чем же состоит безответственность? Некие

секулярные творческие акты подвергают граждан опасности при столкновении с глубокими религиозными чувствами, которые (как предполагается) могут проявиться в форме насилия, а транслирование в СМИ расширяет границы этих угроз. В частности, можно предположить, что люди, оскорбленные карикатурами, прибегнут к насилию, а тиражирование этих карикатур в СМИ вызовет всплеск насилия в других местах. Таким образом, требование ограничения публичного распространения от оскорбительных мнений в искусстве может быть объяснено необходимостью религиозной и иной безопасности.

С другой стороны, изменения социокультурных реалий основаны на современных настроениях общества, которые требуют новых интерпретаций коммуникативных знаков в искусстве. Художник интуитивно улавливает новые общественные интенции и воплощает их в своем творчестве (шедевр) или целенаправленно навязывает обществу новые смыслы через уже имеющиеся коммуникативные знаки с целью, не имеющей отношения к искусству, например, для разоблачения какой-либо социальной проблемы (пропаганда). Это естественный процесс изменения эстетических норм (творческих девиаций), который означает развитие форм искусства; в таких случаях речь об ограничении свободы не идет.

Однако потенциал искусства таков, что оно может подрывать систему ценностей. Так, К. Малевич писал А. Бенуа: «Моя философия: периодическое уничтожение старых городов и сел через каждые 50 лет. Изгнание природы из пределов искусства, уничтожение любви и искренности в искусстве» [3]. Искусство, считал К. Малевич, в целом не призвано быть «портретом души», через который «попадем в царство небесное» [4], искусство выходит за свои пределы, имея целью преобразование форм жизни. Художник предстает как преобразователь вселенной, подлинный творец жизни, пророк, творчество становится теургическим актом, а искусство – квазирелигией.

В секулярном пространстве и в религии сакральное предстает по-разному. Академик Б. В. Раушенбах в статье «Логика троичности» отмечал: «Когда мы говорим о святости Троицы, то нам не с чем из повседневной жизни сравнить ее – святость свойственна лишь бо-

жественному» [5]. 100-е правило Шестого Вселенского Собора запрещает какие-либо изображения «на досках или на ином чем представляемых, обольщающие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенение нечистых удовольствий... Если же кто это делать дерзнет, да будет отлучен» [6]. Д. Белл [7] в вопросе о различии между *священным* и *светским* указывает, что христианство прежде всего подчеркивает роль обуздания человеческой природы, отмечая связь между сексуальным вожделением и убийством. Освобождение от религии есть освобождение от закона, отделяющего человека от греха, распад теологического значения религии привел к тому, что современное искусство в качестве источника творчества обратилось к демоническому началу. С. Булгаков писал о картинах П. Пикассо, что «это – духовность, но духовность вампира или демона; страсти, даже самые низменные, взяты здесь в чисто духовной, бесплотной сущности, совлеченные телесности. Здесь проявлен совсем особый нечеловеческий способ видения и восприятия плоти, дурной спиритуализм, презирающий и ненавидящий плоть, ее разлагающий, но в то же время вдохновляющий художника...» [8, с. 530].

В секуляризме священными являются права и свободы граждан, важнейшие из которых – свобода слова, свобода творчества и свобода совести.

Свобода совести – это такой духовный контекст, в котором осуществляются религиозные поиски со множественностью вариантов выбора, когда вера в Бога оказывается одной из открытых возможностей для человеческого выбора. Поэтому оскорбление религиозных символов и нарушение религиозных запретов не рассматривается как неуважение к верующим ввиду светских норм.

Речь идет об опыте жизни в альтернативных способах восприятия и интерпретации духовного измерения. Этот опыт мучителен, символично о нем писал Р. Музиль в неоконченном романе «Человек без свойств» [9], действие в котором происходит в стране, иронично названной Каканией. «Она была по своей конституции либеральна, но управлялась клерикально. Она управлялась клерикально, но жила в свободомыслии. Перед законом все граждане были равны, но гражданами были

не все. Имелся парламент, который так широко пользовался своей свободой, что его обычно держали закрытым: но имелась и статья о чрезвычайном положении, с помощью которой обходились без парламента, и каждый раз, когда все уже радовались абсолютизму, следовало высочайшее указание вернуться к парламентарному правлению». Секулярность, по мнению автора, есть состояние «веры неверующих, печали тех, кто давно отрешился от всякой печали, искусства тех, кто сегодня лишь улыбается при слове “искусство”, – все то, в чем нуждаются самые утонченные из нас, самые изверившиеся и недовольные!» [10].

В стремлении выделиться человек без свойств не обременяет себя проблемой красоты или добра, образы прекрасного, которые доставляли наслаждение современникам Рафаэля, уже в прошлом. Творческие эксперименты призваны нарушать все существовавшие прежде каноны красоты. По выражению У. Эко, современные течения в искусстве предлагают красоту провокации или красоту потребления [11].

С этой позиции верующие ошибаются, требуя ограничить свободу самовыражения, поскольку это их особое восприятие творческого акта, а не правило, применяемое ко всем остальным.

Однако в практике Европейского суда, вопреки прохладному отношению к религии в европейских государствах, в случае посягательства на мнение религиозной общественности принцип свободы художественного самовыражения, а также принцип свободы слова (кроме Франции) ограничивается во избежание социальной напряженности. В некоторых странах Европы существуют законы, в соответствии с которыми за богохульство предусмотрено лишение свободы. При обновлении в 1960 году немецкого Уголовного кодекса законодатель сделал норму о богохульстве применимой исключительно при нарушении общественного порядка, таким образом, религиозные чувства перестали быть охраняемым правоотношением [12].

Российские правоведы, отмечая необходимость поиска и установления «оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений» путем законодательного противодействия оскорблению чувств верующих,

считают, что «непосредственным объектом данного квалифицирующего признака ст. 148 УК РФ будет выступать собственность. Ценность похищаемых предметов будет выражаться не материально (в эквиваленте), а духовно, так как подобные преступления (хищения) наносят вред чувствам верующих». Иными словами, оскорбление чувств верующих связывают не с содержанием творческих актов, но с похищением предметов почитания. Авторы также отмечают, что в «настоящее время религиозные предметы не охраняются УК РФ от посягательств при условии, что они не обладают особой исторической, культурной или иной ценностью» [13].

В заключение отметим, что спор по поводу допустимости или недопустимости культур-

ных провокаций в искусстве – это вопрос о том, насколько допустим антисекуляризм и какова степень маргинализированности религиозной общины. Сама постановка вопроса о взаимоотношениях религии и искусства в публичной сфере связана с ростом чувства собственного достоинства верующих, с которыми до настоящего времени не считались. Присутствие в современном российском социокультурном контексте двух разнонаправленных ценностных векторов, каждый из которых устанавливает свои нормы, является потенциальным источником социальной напряженности. Ее разрешение должно проводиться в строгом правовом русле и путем создания специальных образовательных программ.

Литература

1. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10.
2. Тейлор Ч. Секулярный век. URL: <http://standrews.ru/assets/files/Books/Filosofiya-i-bogoslovie/Stranici-iz-Taylor.pdf>.
3. Малевич К. Открытое письмо к А. Бенуа // Наш современник. 2004. № 7.
4. Малевич К. Статьи в газете «Анархия». URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/al/evich.htm.
5. Раушенбах Б. В. Логика троичности // Русское возрождение. 1992–1993. № 60–61.
6. Правила Святого Вселенского Шестого Собора, Константинопольского. URL: <http://krotov.info/acts/canons/0691cano.html>.
7. Белл Д. От священного к светскому. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Garadg/_14.php.
8. Булгаков С. Н. Труп красоты. По поводу картин Пикассо. URL: <http://www.picassopablo.ru/library/trup-krasoti.html>.
9. Музил Р. Человек без свойств. URL: <http://knijky.ru/books/chelovek-bez-svoystv?page=15>.
10. Музил Р. Из дневников. URL: http://modernlib.ru/books/muzil_robert/iz_dnevnikov/read.
11. Эко У. История красоты. URL: <http://e-libra.ru/read/166818-istoriya-krasoty.html>.
12. Мердок Дж. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европей-

Bibliography

1. Mchedlova M. M. Religion, society, state: calls and threats of the present // Sociological researches. 2016. № 10.
2. Taylor H. Secular century. URL: <http://standrews.ru/assets/files/Books/Filosofiya-i-bogoslovie/Stranici-iz-Taylor.pdf>.
3. Malevich K. The open letter to A. Benou // Our contemporary. 2004. № 7.
4. Malevich K. Articles in «The Anarkhiya» newspaper. URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/al/evich.htm.
5. Raushenbakh B. V. Logic of a troichnost // Russian revival. 1992–1993. № 60–61.
6. Rules of Sacred Ecumenical Sixth Council, Constantinople. URL: <http://krotov.info/acts/canons/0691cano.html>.
7. Bell D. From sacred to secular. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Garadg/_14.php.
8. Bulgakov S. N. Trup of beauty. Concerning Picasso's pictures. URL: <http://www.picassopablo.ru/library/trup-krasoti.html>.
9. Musil R. A Man without Properties. URL: <http://knijky.ru/books/chelovek-bez-svoystv?page=15>.
10. Musil R. From Diaries. URL: http://modernlib.ru/books/muzil_robert/iz_dnevnikov/read.
11. Eko Yu. History of Beauty. URL: <http://e-libra.ru/read/166818-istoriya-krasoty.html>.
12. Murdoch J. Protection of the right to freedom of thought, conscience and religion within

ской конвенции о защите прав человека Посо-
бия по правам человека Совета Европы. URL:
<http://kniga.seluk.ru/k-yuridicheskie/1006648-1-zaschita-prava-svobodu-misli-sovesti-religii-ramkah-evropeyskoy-konvencii-zaschite-prav-cheloveka-posobiya-pravam.php>.

13. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о криминализации деяния, сопряженного с посягательством на религиозные предметы в почитаемом месте. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30005900>.

the European convention on protection of human rights of the Grant on human rights of the Council of Europe. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-yuridicheskie/1006648-1-zaschita-prava-svobodu-misli-sovesti-religii-ramkah-evropeyskoy-konvencii-zaschite-prav-cheloveka-posobiya-pravam.php>.

13. Osokin R. B., Kokorev V. G. To a question of criminalization of the act interfaced to infringement of religious objects in the esteemed place. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30005900>.

Осокин Роман Борисович
Osokin Roman Borisovich

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, доцент.

Head of the Faculty for Training of Scientific and Pedagogical and Scientific Staff, the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: osokinr@mail.ru

Кокорев Владимир Геннадьевич
Kokorev Vladimir Gennadievich

ассистент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Assistant, Department of Criminal Law and Process, the Tambov State University named after G. R. Derzhavin.
E-mail: pochta735@mail.ru

**ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАВЕНСТВА КАК КРИТЕРИЙ
ОЦЕНКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТЬИ 148 УК РФ
«НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ»**

**The principle of justice and equality as a criterion for assessing and improving
Article 148 of the Criminal Code «Violation of the right to freedom
of conscience and religion»**

В статье обосновывается несоответствие действующей редакции ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» принципу справедливости и равенства: в ней предусматривается уголовно-правовая охрана исключительно права свободы вероисповедания. Авторами предлагается новая редакция ч. 1, 2 и 3 ст. 148 УК РФ с учетом соблюдения принципа справедливости и равенства, а также норм международных договоров, регламентирующих право на свободу совести и религии. Кроме того, в статье приводится определение понятия «оскорбление религиозных чувств верующих», которое, по мнению авторов, необходимо закрепить в одной из статей Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» во избежание ошибок правоохранительных органов при квалификации действий виновного лица, затрагивающих религиозные чувства верующих.

Ключевые слова: атеистические убеждения, воспрепятствование проведению богослужений и совершению иных религиозных действий, религиозные чувства верующих, свобода совести и вероисповеданий, принцип справедливости, принцип равенства, уголовное законодательство.

In the article, the idea is substantiated why the version, as presently in effect, of Art. 148 «Violation of the right to freedom of conscience and religion» of the Criminal Code of the Russian Federation doesn't correspond to the principle of justice and equality: criminal legal protection only of the right to freedom of religion is provided in it. Therefore authors offer – with due regard to the principle of justice and equality as well as observance of rules contained in international treaties regulating the right to freedom of conscience and religion – redrafted Parts 1, 2 and 3 of Art. 148 of the Criminal Code of the RF. Besides, author's definition of term «insult of religious feelings of believers», which needs to be codified in one of articles of the Federal law of September 26, 1997 № 125-FZ «Concerning freedom of conscience and concerning religious associations», is offered. It will allow to avoid mistakes of the law-enforcement authorities in the context of rating the offender's actions which affect religious feelings of believers to one extent or another.

Keywords: atheistic and other beliefs, hindrance to carrying out to a church service and commission of other religious actions, religious feelings of believers, freedom of worship and religions, principle of justice, principle of equality, criminal legislation.

Акцентирование внимания на соответствии принципу справедливости и равенства ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу

совести и вероисповеданий» обусловлено тем, что, во-первых, данное право относится к естественным правам человека и гражданина,

которые были провозглашены в период буржуазных революций (XVII–XIX веков) [14, с. 76, 95–96], и в настоящее оно время нашло отражение в международных правовых актах [2, с. 15; 8, с. 33; 4, с. 70] и в ст. 28 Конституции Российской Федерации [5]; во-вторых, Россия относится к многоконфессиональным государствам, и фактически с начала Октябрьской революции и до конца 80-х годов XX века превалировала атеистическая идеология, которой сейчас придерживается часть граждан; в-третьих, в последние несколько лет Российская Федерация находится в поиске оптимального подхода к реализации рассматриваемого права, о чем свидетельствуют изменения, внесенные в Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [12]; в-четвертых, на доктринальном уровне уделяется внимание различным недостаткам ст. 148 УК РФ [16; 6] после внесения в нее изменений Федеральным законом от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [9], например, в части технико-юридического конструирования данной статьи УК РФ (в частности, в отечественном законодательстве отсутствует определение понятия «чувства верующих»).

Необходимо обратить внимание на то, что действующая редакция ст. 148 УК РФ содержит два альтернативных деяния: 1) оскорбление религиозных чувств верующих (ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ); 2) незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ). При этом наименование рассматриваемой статьи УК РФ содержит такие понятия, как «свобода совести» и «свобода вероисповедания», но их определения отсутствуют в Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В соответствии с положением п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации [5] в некоторых регионах России были приняты и действуют законы, относящиеся к обеспечению свободы совести и деятельности религиозных объединений.

Так, исходя из анализа некоторых региональных законов, содержащих определение рассматриваемых понятий [10; 11], приходим к выводу о том, что под свободой совести понимается право человека и гражданина на свободный выбор отношения к религии, а также действий согласно своим убеждениям, в то время, как под свободой вероисповедания следует понимать право человека и гражданина свободно выбирать и следовать своим религиозным убеждениям.

Следовательно, наименование ст. 148 УК РФ является более широким, чем содержание, так как в ней регламентируется уголовно-правовая охрана исключительно права на свободу вероисповедания.

В связи с этим следует заметить, что действующая редакция ст. 148 УК РФ не соответствует принципу справедливости, международному принципу, отраженному в ряде международных договоров [20, с. 14; 8, с. 27, 31–32; 7; 4, с. 67, 69]. Обобщенно данный принцип можно охарактеризовать как основополагающее начало, заключающееся в равенстве, уважении и защите прав и свобод человека и гражданина с учетом правовых и нравственных норм.

При этом, по замечанию О. Ю. Бунина, несправедливость уголовного закона может отразиться не только на отдельных лицах, но и на обществе в целом, так как справедливость является главным критерием уголовного права [1, с. 258].

Можно также согласиться с точкой зрения В. Е. Суденко, который полагает, что в случае, если закон игнорирует естественные права и свободы (к которым относится и уголовно-правовая охрана рассматриваемого нами права), его можно считать законом не справедливым [18, с. 77].

Кроме того, рассматриваемая норма УК РФ не соответствует принципу равенства, являющемуся международным [2, с. 12–13; 8, с. 28; 7], конституционным [5] и отраслевым (в частности, ст. 4 УК РФ [19]), согласно которому принадлежность лица к религии не имеет значения при условии, что убеждение и вероисповедание не запрещены нормами отечественного законодательства.

Помимо этого, современная уголовно-правовая охрана религиозных чувств верующих не соответствует мнению большей

части российского общества. Так, Левада-Центр проводил социологические опросы в августе 1997 года, сентябре 2007 года, январе 2012 года, марте 2013 года и феврале 2016 года, посвященные тому, согласны или не согласны респонденты с мнением, что православные в России должны иметь законные преимущества перед атеистами и людьми других вероисповеданий. Исходя из данных проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что большинство респондентов считают, что все люди независимо от того, являются они верующими либо атеистами, должны обладать равными законными правами, в том числе и в защите своих чувств [13, с. 162].

При этом, по замечанию И. С. Семеновой, наличие оценочных признаков не способствует реализации принципа равенства, так как их истолкование может сделать границы криминализации расплывчатыми, в результате чего присутствие признаков конкретного состава преступления будет решаться правоохранительными органами, применяющими соответствующую правовую норму к виновному лицу [17, с. 22]. По нашему мнению, данное положение применимо в том числе и к принципу справедливости.

Так, в действующей редакции ст. 148 УК РФ присутствует достаточное количество оценочных понятий, например: «явное неуважение к обществу», «оскорбление религиозных чувств верующих» и так далее. Однако определения «религиозных чувств верующих» или «оскорбления подобных чувств» не раскрываются в Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [12]. На наш взгляд, под *оскорблением религиозных чувств верующих* следует понимать унижение чести и достоинства совокупности жизненных (духовных) ценностей, установок, запретов и дозволений, которые человек воспринимает в связи со своей принадлежностью к определенному религиозному учению. Поэтому отечественному законодателю необходимо закрепить толкование оскорбления религиозных чувств верующих в Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ, определяющем особенности реализации права на свободу совести, свободу вероисповедания и деятельности религиозных объединений.

Как справедливо замечает Г. Н. Комкова, главное в настоящее время – в целях реализации принципа равенства в России, находящейся в переходном периоде от атеистического государства к светскому, гарантирующему (в соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации [5]) соблюдение законов и уважение прав как лиц, принадлежащих к каким-либо вероисповеданиям, так и являющихся атеистами или придерживающихся иных мировоззрений, не связанных с религией [3, с. 23–25].

Для реализации принципа справедливости и равенства при уголовно-правовой охране права на свободу совести и вероисповеданий предлагаем внести следующие изменения в ст. 148 УК РФ:

– ч. 1 ст. 148 УК РФ изложить в следующей редакции: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления чувств и (или) убеждений граждан в связи с их отношением к религии либо мировоззрению (убеждениям)»;

– ч. 2 ст. 148 УК РФ изложить в следующей редакции: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления чувств верующих в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний». Данное обстоятельство обусловлено тем, что чувства верующих нарушаются в особо почитаемом для них месте.

При этом, исходя из положений международных нормативных актов [2, с. 15; 8, с. 33; 4, с. 70] и принципа справедливости и равенства, а также в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ (религиозные объединения могут создаваться как в форме религиозных групп, так и религиозных организаций) [12] ч. 3 ст. 148 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Незаконное воспрепятствование деятельности религиозных объединений или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, а равно проведению любого собрания и иного публичного мероприятия атеистами». В этом случае будут охраняться интересы как верующих, так и атеистов (общественная организация «Атеисты России»).

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать следующий вывод. В настоящее время ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» не соответствует принципу справедливости и равенства, так как в ней предусмотрена уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания, что является более узким понятием, чем свобода совести, так как последняя включает в себя также право и на свободу вероисповедания.

Вследствие этого предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 148 УК РФ, чтобы в равной мере защищались чувства верующих, убеждения атеистов и иные убеждения граждан, не противоречащие действующему отечественному законодательству. Также

считаем необходимым внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 148 УК РФ с целью регламентирования уголовной ответственности за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных и атеистических объединений и совершение ими иных публичных действий.

Необходимо предусмотреть в одной из статей Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ определение термина «оскорбление религиозных чувств верующих», которое позволит избежать ошибок квалификации правоохранительными органами действий виновного лица, затрагивающих в той или иной степени религиозные чувства верующих.

Литература

1. Бунин О. Ю. Справедливость уголовно-го закона // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2013. № 2-2. Т. 26 (65).
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Права человека: сборник международных документов. М., 1998.
3. Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Права человека: сборник международных документов. М., 1998.
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Коняхин В. П., Бахметьев П. В. Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 3 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, и проблемы ее установления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).

Bibliography

1. Bunin O. Yu. Justice of the criminal law // Scientific notes of the Taurian national university of V. I. Vernadsky. Jurisprudence series. 2013. № 2-2. Т. 26 (65).
2. Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948 // Human rights: collection of the international documents. Moscow, 1998.
3. Komkova G. N. The constitutional principle of equal rights and freedoms of the person and citizen in Russia: concept, contents, protection mechanism: abstract dis. ... Dr.s of Law Sciences. Saratov, 2003.
4. Convention on protection of human rights and fundamental freedoms of November 4, 1950 // Human rights: collection of the international documents. Moscow, 1998.
5. Constitution of the Russian Federation (it is accepted on national vote 12.12.1993 (taking into account the amendments, made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
6. Konyakhin V. P., Bakhmetyev P. V. The objective party of the crime provided by part 3 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, and a problem of her establishment // Messenger of the Krasnodar university

7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
8. Международный пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах» // Права человека: сборник международных документов. М., 1998.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 26. Ст. 3209.
10. Закон Республики Тывы от 01.04.1995 № 253 (в ред. от 24.10.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Тувинская правда. 1995. 23 мая.
11. Закон Республики Татарстан от 14.07.1999 № 2279 (в ред. от 17.11.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Республика Татарстан. 1999. 28 августа; 2016. 25 ноября.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465; 2016. № 28. Ст. 4558.
13. Общественное мнение – 2016. М., 2017.
14. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2012.
15. Руева Е. О. Некоторые проблемные аспекты уголовно-правовой охраны религиозных чувств верующих // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (15).
16. Селезнев О. В. Проблемы толкования и применения положений статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации // Мир юридической науки. 2017. № 4.
17. Семенова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
18. Суденко В. Е. Принцип справедливости в уголовном законодательстве // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 1.
- Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. № 2 (36).
7. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of Dec 16, 1966 // Sheets of the Supreme Council of the USSR. 1976. № 17. Art. 291.
8. International covenant of December 16, 1966 «About the civil and political rights» // Human rights: collection of the international documents. Moscow, 1998.
9. Federal the law Grew. Federations of June 29, 2013 № 136-FZ «About introduction of amendments to article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation for counteraction to insult of religious beliefs and feelings of citizens» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. № 26. Art. 3209.
10. Law of the Republic of Tyva of 01.04.1995 № 253 (in an edition from 10.24.2016) «About freedom of worship and about religious associations» // The Tuva truth. 1995. May 23.
11. The law of the Republic of Tatarstan of 14.07.1999 № 2279 (in an edition from 11.17.2016) «About freedom of worship and about religious associations» // The Republic of Tatarstan. 1999. 28 August; 2016. 25 November.
12. Federal the law Grew. Federations from 26.09.1997 № 125-FZ (an edition from 06.07.2016) «About freedom of worship and about religious associations» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465; 2016. № 28. Art. 4558.
13. Public opinion – 2016. Moscow, 2017.
14. Human rights: encyclopedic dictionary / edition S. S. Alekseev. Moscow, 2012.
15. Ruyeva E. O. Some problem aspects of criminal legal protection of religious feelings of believers // Library of the criminalist. Scientific magazine. 2014. № 4 (15).
16. Seleznyov O. V. Problems of interpretation and application of provisions of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation // World of jurisprudence. 2017. № 4.
17. Semyonova I. S. The principle of equality before the law in criminal law of the Russian Federation: abstract of dis. ... PhD in Law. Saratov, 2004.
18. Sudenko V. E. The principle of justice in the criminal legislation // The Bulletin of Association

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2017. № 31. Ч. 1. Ст. 4799.

20. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII.

of higher education institutions of tourism and service. 2010. № 1.

19. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (in an edition from 29.07.2017) // Collection of legislation of the Russian Federations. 1996. № 25. Art. 2954; 2017. № 31. Vol. 1. Art. 4799.

20. The charter of the United Nations of 26.06.1945 // The Collection of the existing contracts, agreements and conventions signed by the USSR with the foreign states. Moscow, 1956. Issue XII.

Саядова Асмик Саргисовна
Sayadova Asmik Sargisovna

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета.

Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, the Faculty of Law, the South Federal University.
E-mail: asmik_sayadova@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Legal basis of counteraction to religious extremism in modern Russia

В статье определены актуальные проблемы противодействия религиозному экстремизму в современной России. Проанализированы проблемы формирования эффективного механизма правового регулирования противодействия религиозному экстремизму. Сделан вывод о необходимости дальнейшей унификации антиэкстремистского законодательства с учетом угроз национальной безопасности России.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, религиозный экстремизм, религия, противодействие экстремизму.

The article outlines the actual problems of countering religious extremism in modern Russia. The problems of formation of an effective mechanism of legal regulation of counteraction to religious extremism are analyzed. The conclusion about on the need for further harmonization antiextremism legislation with regard to the threats to Russia's national security.

Keywords: extremism, extremist activity, religious extremism, religion, counteraction to extremism.

Все чаще мы слышим о проявлении экстремизма в самых различных сферах общественной жизни. Создание в структурах Министерства внутренних дел Российской Федерации специализированных подразделений противодействия экстремизму вызвало огромные сомнения и подверглось серьезной критике [1, с. 33].

С уверенностью можно утверждать, что экстремизм стал острой проблемой современности и угрозой национальной безопасности. Экстремизм представляет собой сложное социальное явление, характеризующееся приверженностью к крайним взглядам и действиям, включающим различные формы и проявления радикализма.

В современных условиях развития экстремизма профилактическая деятельность государства, осуществляемая органами внутренних дел, безусловно, приобрела первостепенное значение.

Экстремизм получил свое распространение в России в середине 1990-х годов и в настоящее время является одной из наиболее острых стоящих перед государством проблем. За прошедшие двадцать лет возросло количество преступлений на религиозной, национальной и ра-

совой почве, в частности, в 2012 году многие города России буквально захлестнула волна ксенофобии и религиозного экстремизма: нападения на иностранных студентов, убийства выходцев с Кавказа и множество других преступных деяний.

Анализ событий и процессов, происходящих в России в последние годы, продемонстрировал, что в условиях напряженности межнациональных и межрелигиозных отношений получили распространение идеи экстремизма, шовинизма и национализма, а также увеличилось количество преступлений и других правонарушений экстремистской направленности, о чем свидетельствует статистика. Так, по официальным данным, в 2010 году было зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности, в 2016 году – 1450, в период с января по сентябрь 2017 года – 1189 [2]. В России данная категория преступлений характеризуется высокой латентностью, которая прежде всего вызвана тем, что большая часть преступлений экстремистской направленности квалифицируется как общеуголовные.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что правоохранительными

органами и судами игнорируется экстремистская направленность данных преступлений, в особенности в южных регионах Российской Федерации. Такое утверждение объясняет нежелание сотрудников правоохранительных органов возбуждать уголовные дела в отношении представителей своей национальности [3, с. 103–104].

Таким образом, можно констатировать, что официальная статистика не отражает реальной ситуации, а нормы действующего уголовного законодательства и существующие методы борьбы с преступлениями экстремистской направленности недостаточно эффективны.

Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности», принятый в 2002 году, включает в себя широкий перечень действий, характеризующихся законодателем как экстремистская деятельность (экстремизм) [4]. Наряду с Федеральным законом в примечание к ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ было включено определение преступлений экстремистской направленности, под которыми необходимо понимать общественно опасные деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Обобщив статистику преступлений экстремистской направленности, можно выделить несколько видов основных экстремистских течений: религиозное, национальное, молодежное и неформальные объединения.

Меры, направленные на борьбу с экстремизмом в современной России, имеют определенные особенности. Признание некоторых религиозных экстремистских организаций «абсолютным злом» и негативным, общественно опасным деянием подтверждает необходимость противодействия им. Исходя из этого, возникает вопрос: что понимать под противодействием? Идет ли речь об уничтожении религиозных экстремистских организаций, следовательно, о необходимости борьбы с ними или об их сдерживании, то есть о противодействии? Можно ли кардинально решить проблему уничтожения религиозного экстремизма при сохранении иных форм экстремизма? Однозначных ответов на поставленные вопросы, на наш взгляд, на сегодняшний день нет.

Сформировавшаяся теория предупреждения преступности отрицает правомерность советского термина «борьба с преступностью» и заменяет его современным понятием «противодействие», более того, признается неверным тезис о возможности предупреждения преступности. Целесообразно вести речь о предупреждении конкретных преступлений, что подтверждается положением о невозможности противостоять преступности и ее объективным характером. Таким образом, поддерживая сторонников данной концепции, можно рассматривать только возможность предупреждения отдельных преступлений и правонарушений [5, с. 83].

Точка зрения о невозможности победить преступность приобрела особую актуальность в западных странах с 60-х годов XX века. Кризис господствовавшего мировоззрения и духовных ценностей поспособствовал повышению числа противоправных и общественно опасных деяний населения. Наличие аппарата полиции с данного этапа не рассматривалось как достаточная и эффективная мера для сдерживания увеличивающегося количества преступлений, появилась необходимость в подготовке граждан к самозащите, соответственно, особую актуальность приобрела работа по виктимологической профилактике. Следует отметить, что только через несколько десятилетий Россия оказалась в аналогичной ситуации, в том числе вследствие огромных экономических потерь от многократно увеличившейся преступности.

Оценивая сложившуюся в российском законодательстве ситуацию, можно прийти к выводу о том, что современную преступность победить нельзя, однако можно минимизировать ее масштабы. Тем не менее, обобщая рассмотренные выше мнения, отметим, что предупреждение преступности и предупреждение преступлений – это единый процесс, имеющий свои частные и общие закономерности.

Таким образом, воздействие как на преступность в целом, так и на лиц, которые планируют, готовят или покушаются на конкретное преступление, представляет собой также целостный процесс. Он не может рассматриваться отдельно от всей совокупности общественных отношений, так как успешное окончание обуславливается на общесоциальном уровне предупредительной деятельности [6].

Выявление и устранение причин и условий существующей преступности является основой предупредительной деятельности, направленной на пресечение преступлений. Однако, когда речь идет об исламском экстремизме, возникает вопрос о правильности понимания причин этого явления представителями других конфессий. Полагаем, более верно говорить об их социально-экономической природе. Именно опасение будущего, неуверенность в завтрашнем дне на фоне понижения уровня жизни порождают подозрительность, незнание, непонимание и неумение объяснить причины происходящего порождают невежество, рост которого подкрепляется снижением качества образования. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на имеющиеся особенности, сущностные причины исламского экстремизма в своей основе совпадают с причинами любого религиозного экстремизма и иных его форм. Поэтому главная цель предупреждения исламского экстремизма заключается не только в самостоятельной криминализации ваххабитско-религиозного экстремизма, но и в предотвращении религиозного экстремизма во всех конфессиях и, в конечном счете, экстремизма во всех его проявлениях.

Предупреждение религиозного экстремизма с позиций системного подхода требует решения двух задач: предупреждения идеологии и экстремистских действий по реализации религиозных доктрин.

Предупредительное воздействие на идеологию религиозного экстремизма необходимо осуществлять, учитывая, что все религии включают в себя элементы экстремистской идеологии и тесно связаны с национально-культурными особенностями конкретных народов. Необходимо понимать, что неблагоприятная социально-экономическая ситуация способствует проявлению негативных сторон вероучений, и наоборот.

Выделение социально-экономической основы религиозного экстремизма нацеливает на соответствующую деятельность по защите граждан России от попыток вербовки эмиссарами экстремистских организаций. Кардинальное решение указанной проблемы возможно через создание действенного механизма реализации Конституции Российской Федерации, что предполагает и реальное обес-

печение социально-экономических прав человека. До тех пор, пока в реализации указанных норм будут возникать проблемные вопросы, уровень агрессии в обществе ниже не станет. Такое положение порождает одну из особенностей современного антигосударственного экстремизма в России, которая заключается в перетекании отрицательных установок, ненависти и вражды с межотраслевых противоречий на межрасовые, межнациональные отношения.

История и современная практика подтверждают, что националистическая идеология успешно интернализуется лицами, имеющими невысокий уровень образования. В силу этого огромное значение приобретает работа по созданию здоровой образовательной и воспитательной среды, в которой могло бы осуществляться формирование гуманистически ориентированной личности, мотивированной на созидательный труд и имеющей уважительное отношение к коллективу и обществу в целом.

Также нельзя не упомянуть и о том, что появление такого информационного ресурса, как сеть Интернет оказало масштабное влияние на распространение экстремизма среди молодежи. Под действием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженной деструктивному влиянию, легче формируются радикальные взгляды и убеждения [7, с. 102]. Рассматривая молодежный экстремизм с социально-психологической точки зрения, необходимо отметить, что именно молодежная среда – идеологически несформированная часть любого современного общества. Данной социальной группе свойственен максимализм во взглядах и убеждениях, который в свою очередь и порождает такое явление, как экстремизм.

К перечню основных причин роста экстремистского поведения молодежи также следует отнести недостаточную социальную зрелость, социальное неравенство, желание самоутвердиться, недостаточный профессиональный и жизненный опыт, невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус [8, с. 254–256].

Молодежный экстремизм как один из видов широкого понятия «экстремистская деятельность» также имеет огромное разнообра-

зие форм проявления: от неформальных молодежных группировок с праворадикальными и леворадикальными взглядами до футбольных фанатов – лиц из числа «околофутбольной» среды. Все большую популярность в последнее время обретают неформальные молодежные организации, на первый взгляд, имеющие в своей идеологии лишь положительные стороны. Однако в определенные моменты участники данных объединений в своей деятельности выражают неонацистские взгляды. Так, например, молодежные организации, пропагандирующие здоровый образ жизни, нередко своими действиями выходя за рамки допустимого, привлекают пристальное внимание сотрудников Центра противодействия экстремизму МВД России. Между допустимым и уже противозаконным поведением прослеживается тонкая грань, что порождает проблемы квалификации рассматриваемых деяний, возникающие в практике применения уголовного законодательства.

Безусловно, глобализация информационно-коммуникационной среды способствует расширению экстремистской деятельности. Анализ судебной практики показывает, что 80 % преступлений экстремистского характера совершены посредством использования сети Интернет и социальных сетей, в частности. Современный экстремизм во многих своих проявлениях носит скрытый характер и приспособлен к существующим на сегодняшний день обстоятельствам, в том числе к распространению через Интернет.

Аудиторию одной из самых популярных социальных сетей в России по численности можно сравнить лишь с аудиторией государственного телеканала. Однако понятие «телеканал» относится к средствам массовой информации (СМИ), и его деятельность подлежит регулированию Законом «О средствах массовой информации», в соответствии с которым распространение экстремистских материалов не допускается [9]. 3 мая 2015 года Президентом России был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 13.5 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», ужесточивший наказание за призывы к экстремизму в СМИ. В настоящее время поня-

тие «социальная сеть» не закреплено в качестве средства массовой информации, более того, в Российской Федерации отсутствуют какие-либо правовые границы их функционирования, что, бесспорно, лишь порождает развитие и распространение экстремистских материалов в сети Интернет.

Учитывая современные тенденции усиленной борьбы с экстремизмом, нельзя оставить без внимания положения ст. 282 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе. Указанные общественно опасные действия должны быть совершены публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета.

Безусловно, правовая репрессия не способна оказать значительное влияние на обеспечение защиты прав и свобод личности, реализация предложений по ужесточению законов не дает ожидаемых результатов без изменения социальных условий. Однако обоснованные меры правового характера могут создать действенный механизм уголовно-правовой профилактики.

Всевозможные социальные программы, по нашему мнению являются необходимыми мерами профилактики, так как их реализация способствует формированию уважительного отношения к другой культуре и религии, но в полной мере с их помощью невозможно изменить мировоззрение людей, осуществляющих экстремистскую деятельность, а тем более молодежи, находящейся под влиянием экстремистов. Психика молодых людей не полностью сформировалась и остается незащищенной, поэтому она не может сопротивляться лживым псевдорелигиям, общественным объединениям, образованным на «добрых» началах. Анализируя деятельность религиозных и общественных организаций, можно сделать вывод о том, что их участники скрывают истинные цели, выдавая их за общественно полезные. Таким образом, необходима разработка политики государства с единой целью, которая не будет создавать почву для разногласий между

религиями и национальностями, следует ввести в школах и вузах дисциплины по теологии и этики, позволяющие ученикам познакомиться с религиями и общепринятыми нормами поведения. Правоохранительным органам необходимо проводить со старшеклассниками разъяснительные беседы, освещающие рассматриваемую проблему, приводить примеры из практической деятельности по выявлению преступлений экстремистского характера.

Однако, как показывает практика, ряд эффективных мер политического и организационного характера тем не менее не решает проблем, возникающих у представителей правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с экстремизмом.

Полагаем, необходимо проанализировать целый ряд вопросов криминалистического противодействия и профилактики различных видов преступлений экстремистской направленности, изучив массив расследованных уголовных дел с целью создания криминалистической характеристики данных преступлений. С позиций ситуационного подхода также следует разработать стратегические и тактические аспекты расследования преступлений, имеющих, например, этнорегиональную специфику, которую нельзя не учитывать в ходе проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

По нашему мнению, осмысление и анализ опыта профилактики экстремизма в России и за рубежом и формирование на этой основе эффективной методики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с экстремизмом, являются актуальной проблемой для современной криминологической и криминалистической науки.

Литература

1. Смагина А. В. Причины распространения экстремизма // Российский следователь. 2012. № 8.
2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.
3. Залиханова Л. И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вра-

Таким образом, становится очевидным, что противодействие религиозному экстремизму должно носить системный характер. В уже существующий комплекс нормативных правовых актов, регулирующих преступления экстремистской направленности, необходимо включить нормы, которые смогли бы решить ряд давно назревших проблем: прежде всего пробелы в законодательстве, связанные с предупреждением распространения экстремистских материалов в сети Интернет, а также переориентирование специализированных подразделений по борьбе с экстремизмом на работу непосредственно в сети Интернет.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что законопослушный гражданин социального государства, имеющий атеистические убеждения, не должен стать религиозным экстремистом. В этом смысле любая иная деятельность по дискредитации экстремистской идеологии как духовной основы терроризма вряд ли будет иметь положительный и эффективный результат. Однако такого рода утверждение было верным несколько десятков лет назад, в настоящее время оно, безусловно, утратило свою актуальность. Учитывая, что за религиозной скрывается политическая и экономическая деятельность, в современной России некоторые конфессии превратились в агентов иностранного влияния, что, соответственно, требует минимум «зеркальных мер». Но все же пресечение органами власти их антигосударственной деятельности вызывает обвинения в покушении на религиозную свободу. Полагаем, что в данной ситуации эффективное воздействие может оказать Русская православная церковь и другие традиционные конфессии.

Bibliography

1. Smagina A. V. Reasons for the spread of extremism // Russian investigator. 2012. № 8.
2. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.
3. Zalikhanova L. I. Criminally-legal and criminological characteristic of excitation of national, racial, religious hostility: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2001.

жды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

5. Михайлов В. К. Процедура признания материалов экстремистскими требует коррекции // Административное право. 2015. № 1.

6. Кочои С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М., 2015.

7. Меркурьева В. В. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: учебное пособие. М., 2015.

8. Ахьядов Э. С. Криминологическая характеристика личности молодежного экстремиста // Молодой ученый. 2013. № 1.

9. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 29.07.2017) «О средствах массовой информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.

4. Federal law № 114-FZ of 25.07.2002 (as amended on 11.23.2015) «On Counteracting Extremist Activity». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

5. Mikhailov V. The procedure for recognizing materials as extremist requires correction // Administrative law. 2015. № 1.

6. Kochoi S. M. Criminal law. General and Special Parts: a short course. Moscow, 2015.

7. Merkur'yeva V. V. Organization of an extremist community: problems of qualification and proof. Tutorial. Moscow, 2015.

8. Akhyadov E. S. Criminological characteristic of the personality of a youth extremist // Young Scientist. 2013. № 1.

9. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 № 2124-1 (as amended on 29.07.2017) «On the Mass Media». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.

Тищенко Екатерина Владимировна
Tishchenko Ekaterina Vladimirovna

доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Faculty of Law, the South Federal University, PhD in Law.
E-mail: tok_mak@mail.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ И КУЛЬТУРА

Crime and Culture

В статье рассматривается взаимосвязь в современной социальной жизни между культурной и криминальной практикой, то есть коллективным поведением, организованным вокруг образов, стиля и символического значения, которое классифицируется юридическими и политическими властями как преступное. Автор указывает на то, что культура представляет собой набор ценностей, убеждений и действий, которые изучаются посредством взаимодействия, и в этом смысле культура передается отдельным лицам и поколениям через определенные группы и для поддержки или поощрения действий, которые могут быть неприемлемыми за рамками субгруппы.

Ключевые слова: культура, преступность, девиантное поведение, криминальная эстетика.

In the article the author examines the relationship between cultural and criminal practices in modern social life, that is, between collective behavior organized around images, style and symbolic meaning, which is classified by legal and political authorities as criminal. The author points out that culture is a set of values, beliefs and actions that are studied through interaction with others and in this sense culture is primarily passed on to individuals through specific groups and between generations to support or encourage actions that may be unacceptable outside the subgroup.

Keywords: culture, crime, deviant behavior, criminal esthetics.

В современном обществе преступность и культура динамично переплетаются в повседневной жизни. Распространенные формы преступности выходят из криминальных и девиантных субкультур, а многие социальные группы и события, традиционно концептуализированные как «криминальные», определяются субкультурным смыслом и стилем. Эти субкультуры, в свою очередь, интенсивно производят коллективные переживания и эмоции, которые определяют идентификаторы их участников и усиливают маргинальный социальный статус членов общества.

В то же время различные группы и события, условно называемые «культура», регулярно подвергаются криминализации со стороны юридических и политических властей [1]. Кроме того, кампании по криминализации, начатые в отношении различных субкультур и субкультурных мероприятий, действуют не только с помощью создания правовых статутов и процедур обеспечения их соблюдения, но и

путем развертывания опосредованных символов и мобилизации мощных культурных ссылок. Поэтому для учета культуры и субкультур преступности, криминализации культурной и субкультурной деятельности и политики этих процессов необходимо учитывать интеграции культурного и криминологического анализа, то есть культурную криминологию.

Из интерактивной криминологической теории Чикагской школы и концепции Э. Сазерленда, в субкультурной теории Коэна, Клоуорда, Олина и других криминологов давно установлено, что действия и идентичности, обозначенные как «преступные», обычно порождаются в границах девиантных и криминальных субкультур [2; 3; 4; 5; 6; 7]. В этом смысле большая часть того, что принято считать преступлением, является, по сути, коллективным поведением независимо от того, осуществляется ли оно одним человеком или многими (конкретные преступные деяния часто организовываются внутри субкультурных групп). Хотя

границы могут оставаться неопределенными, членство может изменяться в количестве и уровне своего выражения. Эти субкультуры представляют собой окончательные человеческие ассоциации для тех, кто в них участвует.

Члены криминальной субкультуры учатся и обсуждают «мотивы, побуждения, рационализацию их отношений»; разрабатывают конвенции языка, внешнего вида и представления себя; участвуют в большей или меньшей степени в коллективном образе жизни. Основная часть субкультурного значения, действия, идентичности и статуса организована вокруг стиля, то есть общей эстетики членов субкультуры. Как обнаружили более ранние исследования, тонкости коллективного стиля определяют значение преступности и отклонения для субкультурных участников, агентов правового контроля, потребителей опосредствованных ими преступлений. Если хотим изучить террор или экстремистское поведение, скинхедов или потребителей наркотиков и т. п., необходимо иметь возможность понять не только их преступные действия, но и коллективную эстетику.

К примеру, научные работы Каца [8; 9] связаны с преступными действиями и эстетикой, в которых он исследует стили и символические значения, возникающие внутри повседневной динамики преступных событий и криминальных субкультур. Кац описал «альтернативную девиантную культуру», «когерентную девиантную эстетику», в которой присутствуют задиры, панки, члены молодежных банд и другие. В этих случаях, как и в других формах уличной преступности, ее значение закреплено в стиле коллективной практики. Ритуально реконструированный мотоцикл байкера, спортивная одежда и татуировки члена банды, уличные изображения граффити, а также жестокая провокационная музыка скинхедов составляют важнейшие культурные и субкультурные материалы, из которых создаются криминальные проекты и криминальная идентичность. Повторимся, что участие в преступной субкультуре или в «культуре преступности» означает причастность к символизму и стилю, коллективной эстетической среде, преступности [10].

Символизм и стиль не только формируют криминальные субкультуры, но и переплетаются с более широкими социальными и пра-

вовыми отношениями, в которых эти субкультуры существуют. Криминальные субкультуры и их стили зависят от класса, возраста, пола, этнического и правового неравенства. Взаимодействие субкультурного стиля, неравенства и авторитета, в свою очередь, напоминает о классическом криминологическом предписании Беккера о необходимости анализировать не только криминальные субкультуры, но и юридическую и политическую власть, которые рассматривают эти субкультуры как преступные.

Чтобы осознать реальность преступности и криминализации, культурная криминология учитывает не только динамику криминальных субкультур, но и средств массовой информации. Сегодня опосредствованные изображения криминального насилия помогают формировать общественное восприятие и политику в отношении преступности, но, конечно, современная практика основывается на более ранних опосредованных построениях преступности и контроля. Так, криминализация марихуаны в Соединенных Штатах полвека назад была основана на попытке привлечь внимание общественности к опасности, с которой она сталкивается, посредством «образовательной кампании, описывающей наркотики, ее идентификации и злых последствий».

Таким образом, повседневная коллективная практика преступности и криминализация жизни являются культурными актами и должны быть изучены как таковые. В этом случае криминологические исследования и анализ должны включать понимание медиа, языка, символики и стиля, то есть оценку культурных процессов и субкультурной динамики. Осознать преступность и криминализацию – значит уделять внимание культуре [10].

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности заставляют думать о ней как о культурном феномене, элементе культуры.

Существует множество определений культуры, нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание культуры как способа человеческого существования и человеческой деятельности. Культура включает также объективированные результаты этой деятельности, она служит наиболее общим внебиологическим механизмом

накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Криминолог Я. И. Гишинский был одним из первых российских ученых, который отмечал, что свойства преступности (релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость) заставляют думать о преступности как о культурном феномене, как об элементе культуры [11, с. 40]. При этом «в аксиологическом (ценностном) понимании культура включает не только “позитивные”, одобряемые способы деятельности, но и “негативные”, порицаемые, не только “образцы культуры” со знаком “+”, но и со знаком “-”. В культуру входят не только способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью “фомки” или “слоника” или путем отжима ригеля), не только нормы христианской (вообще религиозной или же светской) морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...» [11]. Таким образом, культура определяет образцы поведения, разрешения конфликтов, жизненных коллизий, обуславливает характер и способы совершения преступлений, а также применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание.

Действительно, если под культурой подразумевать мир изображений и символов, сложный комплекс символической окружающей среды повседневной жизни, то в современном обществе можно идентифицировать определенных индивидуумов и группы, которые непосредственно вовлечены в строительство этой культурной окружающей среды: художники, музыканты, фотографы, режиссеры и продюсеры фильмов, телевизионные директора и другие. Некоторые из этих индивидуумов и групп создают примеры культуры, образующие так называемую «высокую культуру», другие продукты художественной деятельности (телевизионные программы, рекламные ролики, популярная музыка и т. п.), как правило, относятся к «популярной культуре» и в большей степени влияют на формирование обычного повседневного сознания масс. Независимо от того, о какой сфере культуры идет речь, для ее деятеля не исключен риск быть уязви-

мым и того, что его культурный продукт могут расценить как девиантный (или даже преступный). Например, фотографии, изображающие обнаженные фигуры, или телевизионные программы, которые часто обвиняют в подстрекательстве к преступлению (выход телесериала «Бригада» сопровождался дискуссиями о том, что фильм «прославляет» субкультуру криминальных банд и «вдохновляет» молодежь на совершение преступлений). В некоторых случаях обвинения в преступности ограничиваются распространением в публичной среде, в других – предъявляются официальные обвинения, происходят аресты и выносятся обвинительные приговоры. Мир искусства оказывается постоянно «втянутым» в споры о «хорошем вкусе», общественной нравственности, а также предполагаемом влиянии поп-культуры на умы населения. В некоторых случаях представители искусства непосредственно поддерживают ажиотаж вокруг этих дискуссий для того, чтобы поднимать уровень потребления их культурных продуктов (например, повышенный интерес к фильму «Матильда»), в других случаях консервативные члены общества, религиозные фундаменталисты, иные заинтересованные лица оппортьюнистически культивируют культурные конфликты в своих целях [10]. По мнению криминологов, подобные конфликты способствуют не только возникновению общественных споров, но и способны реконструировать культурное производство.

Ежедневные популярные культурные события – социальная действительность, организованная вокруг искусства, музыки и моды, которая не может не влиять на преступность. Этот культурный смысл и перцепция не могут игнорироваться в дебатах по поводу криминальной (криминогенной) культуры, особенно о роли в ожесточенных «культурных войнах», касающихся морали, сексуальности и этичности. В большинстве случаев обвинения, связывающие культурные продукты с преступностью, возникают в более крупных политических кампаниях и, в частности, в рамках кампаний против культурных аутсайдеров того или иного рода (например, арест А. Солженицына за написание романа «Архипелаг ГУЛАГ», судебный процесс против писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, обвиняемых в создании произведений, «порочащих советский государст-

венный и общественный строй»). Происходящее становится очевидным, если обратить внимание на личности обвинителей и обвиняемых. Конечно, в настоящее время такого яркого противостояния нет, но можно наблюдать, как культурные реакционеры, религиозные фундаменталисты и другие консерваторы регулярно выявляют «непристойные» работы, например, фотографов и особенно те, которые якобы воплощают антирелигиозные образы.

В 70-х годах XX века в Великобритании и США продюсеры и представители панк-музыки оказались под жестким давлением СМИ и уголовным преследованием. Так, в британских средствах массовой информации активно обсуждалась группа «Sex Pistols» и панк-движение в целом; в газетах «бушевали» страсти, касающиеся предполагаемой угрозы для общественного порядка и нравственности. В результате участникам группы «Sex Pistols» угрожали, в том числе убийством, избиением, они были вынуждены нанять телохранителей и выступать под вымышленными именами. Британские власти запрещали рекламу группы как непристойную, местные власти преследовали владельцев музыкальных магазинов, суд налагал штрафы на руководство звукозаписывающей компании. Впоследствии американская таможенная служба не допустила гастроли группы по США якобы из-за судимостей музыкантов; а в 80-х годах британская полиция провела рейды по музыкальным магазинам и конфисковала «непристойные» записи панк-группы [12; 13, р. 165]. В начале 90-х годов губернатор Флориды выдвинул обвинения «черной» рэп-группе «2 Live Crew» в вымогательстве, был также подан иск по обвинению в непристойности. В Соединенном Королевстве правоохранительные органы конфисковали 24 000 копий альбома рэп-группы «NWA»; в США, штат Небраска, власти запретили деятельность пяти предприятий, реализовывавших записи рэп-музыкантов. Также при поддержке вице-президента Д. Куэйла была предпринята попытка запретить выступление коллектива «Ice-T» из-за песни «Cop Killer» («Убийца копа»), в СМИ утверждалось, что «распространение столь мерзкого мусора проникает в сознание, эти песни ничего не делают, разве что вызывают страсти у преступных элементов...» [12].

Представители «высокой культуры» также оказываются участниками подобных конфликтов. В 1990 году в Сан-Франциско полиция и ФБР провели обыск в студии фотографа Дж. Стерджеса, чьи работы находятся во многих музеях. Полиция обнаружила у Стерджеса и его знакомых фотографии, сделанные на нудистском пляже во Франции, и федеральные прокуроры обвинили мужчин в причастности к детской порнографии. В Цинциннати Центр современного искусства (САС) столкнулся с аналогичными юридическими проблемами в связи с выставкой работ гей-фотографа Р. Мэпплторпа. Таким образом, панк- и рэп-культуры, даже художественная фотография, демонстрируют случаи криминализации массовой культуры, а также политики культуры, динамики средств массовой информации. Важно отметить, что криминализация массовой культуры является политизированным нападением на конкретные формы СМИ. Огромную роль в этих кампаниях играет «опосредованная мораль», для создания и распространения которой проводится мощная мобилизация культурных ресурсов, поскольку с целью запрета альтернативных художников или музыкальных произведений используются политические и медийные сети для распространения своих образов и культурных отсылок.

Во всех случаях обвинения в противоправности имеют характер не общественного возмущения, а хорошо финансируемых политических актов. Несмотря на то, что некоторые из этих кампаний фактически привели к уголовным обвинениям и обвинительным приговорам, культурные продукты во многом преуспели. Обнародования обвинений в совершении преступного поведения способствовали прежде всего криминализации маргинальных групп на уровне имиджа и восприятия и, таким образом, содействовали их культурной стигматизации. Эти кампании выступали с острой критикой конкретных производителей культуры, организованная моральная паника в связи с криминогенными последствиями повседневной культуры неразрывны с этой культурой и активно участвуют в ней. Кампании и культурные предприятия имеют тот же опосредованный рельеф, как и те, кого они подвергают критике. Обе группы вносят свой вклад в развитие дискуссий о демаркации пре-

---

ступного и культуры, используя единые социальные механизмы и информационные каналы: пресс-конференции, распространение воспоминаний, пресс-релизов, организация маркетинговых кампаний и освещение в СМИ.

Таким образом, необходимо создать критическую культурную криминологию, выйти

за пределы четко очерченных границ «культуры» и «преступления», изучить способы и приемы, с помощью которых культура и преступная действительность не только постоянно сталкиваются, но совместно существуют и производят артефакты искусства [12].

Литература

1. Becker H. S. *Outsiders: studies in the sociology of deviance*. N. Y., 1963.
2. Sutherland E. and Cresse D. *Criminology*. 10th ed. Philadelphia, 1978.
3. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. N. Y., 1955.
4. Cloward R., Ohlin L. *Delinquency and Opportunity: a theory of delinquent gangs*. N. Y., 1960.
5. Miller W. *Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency*// *Journal of social issues*. 1958. № 14.
6. Wolfgang M. E. and Ferracuti F. *The subculture of violence*. Beverly Hills, 1982.
7. Curtis L. *Violence, race and culture*. Lexington, 1975.
8. Katz J. *Seductions of Crime*.
9. Ferrell J. *Making Sense of Crime // Social Justice*. 1992. № 19.
10. Ferrell J. *Culture, Crime and Cultural Criminology // Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. Regis University Department of Sociology.
11. Гишинский Я. И. *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. СПб., 2004.
12. Hale C., Hayward K., Wahidin A. *Criminology*. Oxford University press.
13. Ferrell J. *Culture, Crime, and Cultural Criminology // Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 1995. № 3(2).

Bibliography

1. Becker H. S. *Outsiders: studies in the sociology of deviance*. N. Y., 1963.
2. Sutherland E. and Cresse D. *Criminology*. 10th ed. Philadelphia, 1978.
3. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. N. Y., 1955.
4. Cloward R., Ohlin L. *Delinquency and Opportunity: a theory of delinquent gangs*. N. Y., 1960.
5. Miller W. *Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency*// *Journal of social issues*. 1958. № 14.
6. Wolfgang M. E. and Ferracuti F. *The subculture of violence*. Beverly Hills, 1982.
7. Curtis L. *Violence, race and culture*. Lexington, 1975.
8. Katz J. *Seductions of Crime*.
9. Ferrell J. *Making Sense of Crime // Social Justice*. 1992. № 19.
10. Ferrell J. *Culture, Crime, and Cultural Criminology // Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. Regis University Department of Sociology.
11. Gilunsky Ya. I. *Deviantologiya: sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other «deviations»*. St. Petersburg, 2004.
12. Hale C., Hayward K., Wahidin A. *Criminology*. Oxford University press.
13. Ferrell J. *Culture, Crime, and Cultural Criminology // Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 1995. № 3(2).

Шалагинова Наталья Алексеевна
Shalaginova Natalia Alekseevna

заместитель заведующего кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат философских наук.

Deputy Head, Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Philosophy.

E-mail: shalaginova_nata@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЕВИАЦИИ

Social marginality as a precondition for deviation

В статье анализируется проблема маргинальности и актуализируются основные причины формирования феномена маргинальности в современном российском обществе. Социальная маргинальность рассматривается как одна из предпосылок формирования девиантного и делинквентного поведения. Автором рассматриваются характерные особенности феномена маргинальности и перспективы развития процесса маргинализации в социальной структуре современного российского общества.

Ключевые слова: маргинальность, маргинализация, маргинальный статус, социальная структура, девиантное поведение, делинквентное поведение, социальная идентичность, трансформационные процессы, социальная эксклюзия, маргинальная личность.

The article is devoted to the problem of a of marginality and actualized the basic reasons for the formation of the phenomenon of marginality in contemporary Russian society. Social marginality is revealed as one of the prerequisites for the formation of deviant behavior and delinquency. The author analyzes the characteristics of the phenomenon of marginality and the prospects for the development of the process of marginalization in the social structure of contemporary Russian society.

Keywords: marginality, marginalization, marginal status, social structure, deviant behavior, delinquency behavior, social identity, transformation, social exclusion, marginal person.

Маргинальным состоянием можно охарактеризовать социальную структуру любого общества. Понятием «маргинальность» обозначают относительно устойчивые социальные явления, возникающие на границе взаимодействия различных структур, культур, социальных общностей, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами.

Актуальность изучения маргинальности как феномена в социальной структуре современного российского общества объясняется следующими основными причинами:

1) объективным состоянием социальной структуры российского общества, масштабом тех преобразований, которые произошли за годы реформ и которые в конечном счете привели к трансформации всей социально-экономической системы;

2) изменением критериев социальной дифференциации, возникновением многомерности социальной структуры общества;

3) трансформацией российского общества, которая с неизбежностью повлекла за собой не только изменение социальной структуры, но и поставила перед традиционными социальными группами и общностями вопросы об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, уровне сплоченности, о системе ценностей, месте в социальной иерархии [1].

Основная тенденция трансформации социальной структуры современного российского общества – это углубление неравенства по всем показателям (экономическим, политическим, социальным) и процессы маргинализации значительной части населения. Изменения порождают важную социальную проблему, связанную с транзитивным состоянием социального положения многих групп экономически активного населения, трансформация основных общественных институтов российского общества серьезно сказалась на его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться

отношения собственности и власти, перестраиваются механизмы социальной стратификации, продолжается интенсивная смена элит.

На общественную сцену выходят новые социальные группы, массово маргинализируются социальные слои, увеличивается «социальное дно», все более криминализируются экономические отношения. Глубокая трансформация российского общества поставила перед населением задачу адаптации к радикально изменившимся условиям социально-экономического поведения.

Краткий ретроспективный обзор позволяет установить, что первоначально термин «маргинальность» ввел американский социолог Р. Парк, один из основателей чикагской школы. В научной работе «Человеческая миграция и маргинальный человек» он впервые с помощью данного понятия описал состояние маргинальности на примере иммигранта, обозначив проблемы социокультурной адаптации мигрантов при изучении психологических последствий пограничного положения личности на рубеже двух социоэтнических культур [6].

Однако современная российская действительность, наряду с зарубежными исследованиями, вносит свои коррективы в содержание и смысл понятия «маргинальность», которое все чаще стало появляться на страницах научных изданий, журналов, газет и различных аналитических обзоров.

Радикальные преобразования, произошедшие в российском обществе, повлекли за собой интенсификацию процессов социальной мобильности, многообразие стилей жизнеустройства, духовной жизни и формирование различных субкультур. Укоренившаяся идеологическая схема и духовные установки привели к распространению состояния неопределенности и культурной дезориентации, что, в свою очередь, разрушает целостность и сбалансированность общественной системы и неизбежно ведет к необходимой смене социокультурных парадигм.

Социокультурная энтропия связана прежде всего с эскалацией процессов маргинализации многих групп населения (молодежные субкультуры, эзотерические секты, асоциальные элементы, мигранты, в том числе и вы-

нужденные эмигранты, нищие, инвалиды, феминистические движения и другие) и увеличением зоны влияния маргинальных элементов культуры.

Указанные маргинальные элементы характеризуются своим «окраинным» положением в соответствующих культурных системах, амбивалентностью, позицией переходности, неопределенности, возникающей в результате вынужденной адаптации к новым социальным ролям (статусам) в процессе разнообразных экономических, социальных, политических трансформаций.

Особенность образования маргинальных позиций можно связать с массовой десоциализацией и ресоциализацией, потерей прежней самоидентификации и неопределенностью социального статуса. Сложные социальные процессы, определяющие специфику маргинального статуса, усложняют состав затронутых маргинализацией групп [2].

Маргинализация – это процесс формирования специфических отношений между социальными субъектом и общностью, в результате которых индивиды и социальные группы характеризуются кризисом идентичности. Данный процесс формирования специфических отношений сопровождается утратой индивидом субъективной идентификации с определенной группой, сменой социально-психологических установок, что вынуждает определенную часть данной категории людей к социальным перемещениям (как по горизонтальным, так и по вертикальным траекториям).

Характерные черты процесса маргинализации – ценностный вакуум, ценностная депривация, социальная дезадаптация, социальная дезинтеграция, проявляющиеся в девиации. Кроме того, в работах отечественных исследователей делается акцент на том, что маргинализация может быть источником деградации, деморализации как отдельных социальных слоев, так и общества в целом, источником социальных конфликтов и новых социокультурных форм.

Анализ различных научных работ позволяет сделать вывод о том, что в основе понятия девиантного поведения лежит «противоречащее принятым в обществе правовым или нравственным нормам преступное или амо-

ральное поведение, кроме того, результат асоциального развития личности, воздействия на нее неблагоприятных социальных ситуаций, наложения негативных социальных факторов на «слабые места» личности» [3].

С одной стороны, девиантное поведение – это поведение личности, с другой стороны, поведение в обществе, где существует эта личность. Однако девиация является относительной характеристикой, так как связана с изменчивыми стандартами и социальными ожиданиями окружающих, меняющимися во времени и различными в разных группах. Если под девиантным поведением понимаются действия, акты и поступки личности (группы лиц) в обществе, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся социальным нормам, образцовому поведению и повторяющиеся в процессе социальной и иной деятельности, то это несоответствие может нести как «положительную» направленность (альтруизм, феноменальные способности и так далее), так и нейтральную (допустимую) с точки зрения окружающих «ненормальность» («подвиги» уникалов из Книги рекордов Гиннеса) [4].

Наиболее привычным пониманием девиантного поведения стало негативное восприятие отклонений в системе социальных отношений. В наиболее упрощенном виде к «отрицательным» девиациям можно отнести различные виды сформированных психозависимостей (аддиктивное поведение) и «маргинальные» формы поведения [4]. Аддиктивными формами девиации считаются наркомания и токсикомания, пьянство и алкоголизм и иные многочисленные формы психозависимости.

Маргинальные формы девиации могут быть представлены различными поведенческими реакциями и включать в себя противоправное (делинквентное) поведение, вандализм, асоциальное и аморальное поведение, особенности проявления пограничных акцентуированных свойств характера, различные формы нервно-психической неустойчивости, повышенную конфликтность, агрессивность, бродяжничество, суицидальные тенденции в поведении и так далее [4].

Именно маргинальные группы переживают наиболее глубокие, принципиальные изменения в социальном статусе, характеризую-

щиеся неопределенностью, потенциальной многонаправленностью социальной траектории, вызванной статусной несовместимостью и социокультурной переориентацией.

Подобные процессы объясняются тем, что маргинальные группы находятся на границе минимум двух культур (субкультур) и имеют некоторую идентификацию с каждой из них. Эти группы отвергают определенные ценности и традиции той культуры, в которой возникают, и утверждают собственную систему норм, правил и ценностей.

Процесс маргинализации наиболее интенсивно протекает в трансформационные этапы развития общества, когда происходит разрушение устоявшейся ценностной системы, институциональных норм, в результате чего появляются новые формы поведения, адаптации, а также новые типы личности, не вписывающиеся в общий контекст социального окружения и его норм [1]. В частности, еще Т. Парсонс и Р. Мертон пытались связать маргинальность с преступностью и другими отрицательными явлениями социальной жизни, их тесная взаимосвязь не подлежит сомнению и является вполне определенной [5].

В данном случае речь идет не столько о количественном показателе степени взаимосвязанности указанных явлений, статистической (корреляционной и функциональной) зависимости, сколько о качественной характеристике. Кроме того, некоторые исследователи считают маргинальность источником экстремизма, радикализма [1].

Поскольку маргинальность выступает благоприятной средой для развития преступности, это способствует формированию групп криминальных маргиналов. Специфичность таких групп заключается в том, что они выступают объектом общественного контроля институтов социальной поддержки. Это могут быть и группы предкриминальные, которые характеризуются неустойчивостью поведения и поступков, а также нигилистическим отношением к закону и правопорядку.

Указанные группы образуют тот «материал», из которого впоследствии могут формироваться лица (группы) с устойчивой криминальной направленностью, то есть с полностью сформированными стереотипами противоправного поведения. В данные категории

входят индивиды, часто совершающие правонарушения, крайней формой которых могут являться различного рода преступления.

На нижней ступени данной классификации криминальных маргинальных групп стоят лица, отбывшие уголовное наказание, утратившие социально полезные связи с родственниками и знакомыми, их можно отнести к разряду «изгоев». Оказание реальной социальной защиты этой группе весьма затруднено, хотя при определенных условиях возможно подобрать четкий правовой механизм, который позволил бы бывшему преступнику реабилитировать свое гражданское лицо и социальный статус в обществе.

Негативное, аддиктивное и девиантное поведение не всегда связано с преступностью. Также следует учитывать тот факт, что в обществе существуют социальные слои, к которым человек может не принадлежать. Недовольство эксклюзией и «промежуточным» положением также может провоцировать негативное поведение. Таким образом, маргинальность можно рассматривать как одну из предпосылок возникновения девиантного поведения личности (агрессия, преступность, аддикция и т. п.).

Это объясняется тем, что у людей с выраженным внутренним состоянием неопределенности, дискомфорта более проявлена склонность к девиантному поведению: самоповреждению и саморазрушению, аддикции, деликвентности.

В условиях отсутствия социально приемлемых, разделяемых большинством индивидов норм и ценностей характер социальной адаптации маргинальной личности приобретает девиантный характер как результат отторжения существующих нормативных правил и формирования потребности в их изменении с целью жизненной самореализации.

С одной стороны, маргинальность является характерной особенностью социальной структуры современного российского общества, с другой стороны, в контексте современной реальности можно утверждать о всеобщей маргинализации. Чем выше уровень дифференциации общества, чем больше плохо отграниченных друг от друга групп создают свои условия жизни, свои особые «социальные логики» [1], чем более замкнуты и обособлены

индивиды, тем выше степень их попадания за границы своего привычного мира.

Часто крайнее, бедственное положение людей в материальном смысле сочетается с социальной неопределенностью их настоящего и будущего. Неопределенность идентификации, двойственность или размытость мировоззренческих позиций личности приводят к дихотомии сознания, духовному кризису, аномии, психологическим заболеваниям, различным формам девиантного поведения или просто лишают людей нормальной человеческой жизни [1].

Ситуацию в российском обществе можно назвать маргинальной, так как в ее основе лежит транзитивное, пограничное, промежуточное состояние, в котором оказалось современное общество и составляющие его социальные элементы в результате трансформации одной и попыток формирования (установления) другой социальной системы.

Анализ существующей статистической информации позволяет сделать еще один вывод о том, что в современной России происходит процесс насильственной маргинализации, то есть насильственного вытеснения в маргинальное состояние на разных уровнях социальной организации. Этот процесс обусловлен экономическими, социокультурными, политическими трансформациями в обществе, что и порождает целый комплекс последствий, вызываемых маргинальными явлениями.

Маргинальность личности или группы может иметь различное содержание с точки зрения конструктивных или деструктивных последствий. Все зависит от того, каким будет социальное направление выхода из этой ситуации, в конечном счете – нисходящая или восходящая социальная мобильность. Факторы, влияющие на деятельность, и результат выхода будут зависеть прежде всего от внешних обстоятельств, а также от внутренних свойств и резервов личности или группы.

В заключение следует отметить, что сегодня любое общество, характеризующееся переходным состоянием, впадает в неопределенность, когда утрачивают свою важность старые, интегрирующие общество ценности. Такое неустойчивое положение общества приводит к кризису идентичности и появлению маргинального типа личности, что, в свою оче-

редь, выступает предпосылкой и причиной девиантного поведения.

В результате человек перестает быть активным, полноценным членом общества, теряя всякую положительную связь с ним. Внутренняя опустошенность, вызванная раздвоением,

амбивалентностью, распадом ценностно-нормативных и духовных основ общества, обрекает человека на апатию, бездеятельность или подготавливает его к асоциальным действиям и девиантному (делинквентному) поведению.

Литература

1. Шалагинова Н. А. Социальная маргинальность (характерологические свойства и типологические признаки): дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2012.
2. Шалагинова Н. А. Маргинальный статус – основание типологизации маргинальных групп российского общества // Академический вестник. Ежегодник. 2011. Т. 11. № 2 (11).
3. Кондрашенко В. Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. Минск, 1988.
4. Голокова А. В., Ким К. В. Маргинальность как предпосылка девиантного поведения. URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/1787/22221>.
5. Шлычков В. Р. Девиантное поведение личности как социально-психологический феномен: анализ проблемы, типология форм и возможности профилактики // Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1 (2). URL: http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/pp_2013_1_33_41.pdf.
6. Park R. E. Human migration and the marginal man // American journal of sociology. 1928. Vol. 33. № 6.

Bibliography

1. Shalaginova N. A. Social marginality (characterological properties and typological features): dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2012.
2. Shalaginova N. A. Marginal status – based typology of marginal groups in Russian society // Academic Bulletin. Yearbook. 2011. Vol. 11. № 2 (11).
3. Kondrashenko V. T. Deviant behavior in adolescents: social-psychological and psychiatric aspects. Minsk, 1988.
4. Golokova A. V., Kim K. V. Marginality as the reason of deviant behavior. URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/1787/22221>.
5. Shlychkov V. R. Deviant behavior of the personality as a socio-psychological phenomenon: problem analysis, a typology of forms and possibilities of prevention Educational resources and technology. 2013. № 1 (2). URL: http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/pp_2013_1_33_41.pdf.
6. Park R. E. Human migration and the marginal man // American journal of sociology. 1928. Vol. 33. № 6.

Разогреева Анна Михайловна
Razogreeva Anna Mikhailovna

доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the South Federal University, PhD in Law.
E-mail: a.razogreeva@gmail.com

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВОЗМУЩЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЧУВСТВ:
КОНЦЕПЦИЯ Э. ДЮРКГЕЙМА И АКТУАЛЬНЫЕ АРТ-ПРАКТИКИ**

**Crime as collective outrage of senses: the concept
of E. Durkheim and contemporary art practices**

В данной статье с использованием методологии социально-гуманитарных наук (концепт перформатива Дж. Остина и механической солидарности Э. Дюркгейма) рассматривается текущая практика уголовно-правовой реакции (в форме установления запрета и решения по конкретному уголовному делу) на арт-проекты, содержание и форма которых оскорбляет чувства верующих.

Ключевые слова: перформатив, механическая солидарность, чувства верующих, преступление, криминализация.

Using the methodology of the social and human sciences (the concept of the performative of J. Austin and the mechanical solidarity of E. Durkheim), this article deals with the current practice of the criminal-legal response (in the form of establishing a ban and decision on a particular criminal case) on art projects, content and whose form offends the feelings of believers.

Keywords: performative, mechanical solidarity, religious feelings, crime, criminalization.

Язык законов демонстрирует относительно низкую чувствительность к столь тонкой материи, как «чувства». Всеохватывающий поиск в справочной правовой системе «Консультант-Плюс» нормативных правовых актов, относящихся к чувствам, обнаруживает 48 источников: 1) органы чувств в нормативных правовых актах об обеспечении населения лекарственными средствами, о комплектовании антарктической экспедиции, невозможности реального исполнения наказания в виде лишения свободы, о средствах пожаротушения и правилах почтовой пересылки – речь идет о чувствах применительно к их телесной привязке (органы чувств и критерии их нормального функционирования); 2) о чувствах в семье и чувствах ребенка – в Конвенции о правах ребенка, в Семейном кодексе РФ, в правилах усыновления (удочерения), в рекомендациях Верховного суда при определении вида и размера наказания для несовершеннолетних – учет долговременных и ситуативных эмоциональных состояний при решении правовых вопросов, оцениваемых, в том числе и с участием специалистов; 3) о воспитании

чувств – в Общевоинском уставе Вооруженных сил РФ («выполнение требований внутренней службы развивает у военнослужащих чувство ответственности, самостоятельность, аккуратность и добросовестность; взаимопонимание, доброжелательность и готовность помочь друг другу способствуют укреплению войскового товарищества и сплочению воинских коллективов, позволяют не только выполнять задачи в повседневной деятельности, но и выдерживать тяжелые испытания в боевой обстановке»), о технологии формирования и поддержания индивидуальных и коллективных чувств, тесно связанных с дисциплиной и идеологией – в Стратегии государственной культурной политики до 2030 года, в Положении о военно-патриотических молодежных и детских объединениях и в Государственной программе патриотического воспитания граждан 2016–2020; 4) об отсутствии нарушения чувств в законе о персональных данных и индивидуальном идентификационном номере (введение тотальных учетов вызвало волну возмущения верующих); 5) о защите чувств – в Концепции информационной безопасности

детей, законодательстве о политических партиях и некоммерческих организациях, о свободе совести, религиозных объединениях и в антиэкстремистском законодательстве.

Анализируя приведенную нормативную базу, обнаруживается, что чувства как объект правового регулирования в меньшей степени существуют как категория психологического знания*, проявляясь преимущественно в привязке к телесному или политическому, а иногда и к тому и к другому одновременно, когда закон говорит о чувствах применительно к политикам тела (военнослужащие как объект дисциплинарных практик, по М. Фуко [1], в этом случае социальный запрос на «нужные чувства» реализуется путем формирования «послушных» тел).

В тексте Уголовного кодекса РФ чувства упоминаются однократно – в актуальной редакции ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания». До вступления в законную силу Федерального закона РФ от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» чувства оставались за пределами уголовно-правового регулирования, что вполне объяснимо с точки зрения перспективы постсоветского уголовного права теории криминализации [2] с ее требованиями к социальной обоснованности и относительной распространенности деяний, выявляемых в ходе позитивистского эмпирического исследования.

В рамках данного подхода важно отличать криминализационный повод от основания криминализации, под которым в конце 70-х – начале 90-х годов прошлого века советскими учеными понималась действительная социальная потребность в установлении уголовно-правового запрета. Исследователи советского периода рассуждали об основании уголовно-правового запрета масштабно – изменение социально-политического уклада или уклада экономических отношений, появление новых видов общественно опасных последствий, изменение геополитических отношений и так далее. Криминализационный повод определялся учены-

ми как набор внешних событий, который привлёк внимание специалистов к существованию некоторой проблемы.

В этом аспекте рассуждать о чувствах, в том числе о чувствах верующих, в уголовно-правовом поле было достаточно затруднительно. Если криминализационные поводы прослеживаются отчетливо, то основания криминализации не так очевидны: вряд ли можно говорить о том, что значимость религиозных чувств в иерархии социальных ценностей так быстро возросла за относительно короткий период времени (без видимого отражения изменения системы ценностей на уровне Конституции РФ – общая логика развития правовой системы: изменение общественных отношений – фиксация этого изменения в позитивном законодательстве – установление запретов и ограничений охранительными отраслями права).

Вместе с тем набор криминализационных поводов был достаточно весомым, при этом значительная их часть сосредоточилась в сфере современного искусства.

С тех пор как искусство в античной философии стало рассматриваться как одна из форм познания мира наряду с наукой и религией, оно начало претендовать на прямое взаимодействие с чувствами, которые являются для него инструментом и одновременно объектом воздействия. Для религии объектом приложения была душа, а инструментом – вера. Близость веры к области чувств создавала сложные примеры ассамбляжа искусства и религии: от готических соборов с витражными окнами до антирелигиозных агиток Д. Бедного.

Эти альянсы и столкновения не остаются в «безвоздушном» пространстве: социально-политический и культурный контекст эпохи в значительной степени влияет на интенсивность коллаборации или конфликта между религией и искусством. Право в этом случае можно рассматривать как некий индикатор политической реакции на формы их взаимоотношений – от гражданско-правовых споров о собственности на церковное имущество до уголовного преследования художников и кураторов за проявления их профессиональной активности.

---

* В психологии принято определение чувств как индивидуальных переживаний человека к предметам и явлениям действительности.

Очередное переопределение границ между искусством и религией началось в 90-х годах прошлого века и продолжается до сегодняшнего дня, характеризуясь постепенным сокращением возможностей проявления искусства.

Уголовное право сыграло в этом не последнюю роль. Одно из первых уголовных дел, выявившее столкновение арт-действия и религиозных представлений, было связано с перформансом А. Тер-Оганьяна «Юный безбожник» (Москва, «Арт-Манеж – 98», декабрь 1998 года). Обвинительный приговор по данному делу не выносился.

Объектом анализа в настоящей статье является текст обвинительного заключения по указанному уголовному делу [8], в нем приведены следующие факты (все юридические характеристики опущены автором):

«Расследованием установлено следующее: 03.12.1998 между Тер-Оганьяном А. С. и организаторами международной художественной ярмарки-выставки «Арт-Манеж», которая проходила в Центральном выставочном зале «Манеж» в г. Москве в период с 04 по 10.12.1998, был заключен договор № 70 на бесплатное предоставление Тер-Оганьяну как участнику выставки выставочной площади на весь период работы художественной ярмарки. По условиям договора Тер-Оганьян должен был представить авторский проект в рамках своей галереи, имеющей название «Вперед»... Накануне открытия выставки он приобрел в иконной лавке «Софрино» православные иконы в количестве 26 штук, сделав свой выбор на иконах, имеющих особую историческую и культурную значимость для социальной памяти православных граждан: «Спас Вседержитель», «Спас Нерукотворный» и «Владимирская Божья Матерь», которые намеревался рубить топором в период проведения художественной выставки. С этой целью он заранее подготовил топор и изготовил объявление, в котором имелась фраза следующего содержания: «Уважаемые ценители современного искусства. Здесь вы можете приобрести замечательный исходный материал для богохульства». Далее в объявлении предлагалось всем желающим осквернить любую икону или получить консультацию по осквернению икон на дому. 04.12.1998, в первый день открытия выставки, который длился с 17 до 21 часа, Тер-

Оганьян находился непосредственно в выставочном зале и у своего стенда, на котором им были развешаны рядами приобретенные накануне православные иконы. В момент открытия выставки он вывесил на стенде заранее подготовленное объявление рядом с иконами в доступном для обозрения посетителями выставочном месте. В период с 19 до 21 часа он призывал и вовлекал граждан совершить действия по осквернению икон. С этой целью он обращался к посетителям выставки и активно предлагал принять участие в акции по осквернению икон или приобрести в собственность оскверненную им лично икону. Затем в присутствии многочисленных посетителей снимал со стенда иконы, клал на пол и заранее подготовленным топором вырубал лики, изображенные на иконах, после чего раздавал поруганные иконы желающим. Таким образом, им были повреждены и практически уничтожены 8 икон...».

Описание влияния указанных действий на чувства верующих строится преимущественно от первого лица (при цитировании показаний свидетелей, специалистов, заключений экспертиз и обращений граждан). Модальность этих высказываний меняется от индивидуальной и эмоционально окрашенной в обращениях граждан и специалистов: «...его акция не укладывается в понятие художественной, так как оскорбляет чувства верующих...», «...я считаю, что такое надругательство над чувствами православных верующих должно быть осуждено по закону...», «...мы, нижеподписавшиеся, расцениваем это как оскорбление национальной святыни, православия, оскорбление наших религиозных чувств и национального достоинства», «...произошло оскорбление религиозных чувств верующих, которое ведет к разжиганию вражды и столкновениям, расчленяет общество», «...против... осквернителей православных святынь должны быть приняты меры, так как их действия оскорбляют чувства верующих и провоцируют столкновения на религиозной почве...» – к формально нейтральным в заключении экспертизы: «...они представляют собой святыню, поругание которой является одновременно и оскорблением чувств верующего православного народа, и выражением презрения к историческим ценностям этого народа...», «...деяние, совершенное Тер-Оганьяном, способно возбу-

дять среди православных граждан чувство естественного недоверия и вражды к согражданам-атеистам и представителям других религиозных исповеданий...».

Интенсивность переживания чувств верующих еще более возрастает в обвинительном приговоре по делу Ю. Самодурова и А. Ерофеева – кураторов состоявшейся в 2006 году выставки «Запретное искусство». В этом уголовном деле обвинение не относилось к действиям художников, но осуждены были кураторы выставки, для которых современное искусство – не поле самовыражения, а исследовательский и аналитический объект.

Информационно-судебная волна, касающаяся чувств верующих, достигла апогея в 2012 году в уголовном деле в отношении «Pussy Riot». Те действия, которые позиционировались участниками как арт-проект*, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства были признаны уголовным преступлением (ч. 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство»).

В отсутствие на момент совершения деяния в уголовном законе специализированной нормы о защите чувств верующих следственные органы использовали в качестве юридического основания ответственности состав такого преступления, как хулиганство – грубое нарушение общественного порядка по мотивам религиозной ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Особая сложность в этом деле состояла именно в доказывании мотива религиозной ненависти, который вменялся не на основании показаний обвиняемых (подсудимых), а на описании эффекта, произведенного арт-действием на чувства верующих.

В уголовном праве состав такого преступления, как хулиганство в силу высокой степени неопределенности признаков в разные исторические периоды регулярно использовался в качестве идеального инструмента для решения актуальных социально-политических задач. «Статью о хулиганстве в зависимости от текущего запроса можно было применить к кому угодно – от политических противников режима до “женщин, появившихся в об-

щественных местах в брюках или шортах, глубоко декольтированных платьях-сарафанах” (1970), от шайки бандитов в летнем саду Москворецкого района (1927) до квартирных скандалистов и дебоширов» [3].

Особый интерес в нашем случае представляет то, каким образом эти чувства были инкорпорированы в ткань приговора, в тексте которого чувства упоминаются 56 раз [9] (для сравнения: в обвинительном заключении по делу Тер-Оганьяна чувства упоминались 11 раз, причем дважды речь шла о чувствах самого художника).

Кроме частоты упоминания, приговор по делу «Pussy Riot» отличает и способ введения чувств в юридическую ткань текста. В этом приговоре используется апробированная ранее тактика: о чувствах говорят как о собственных негативных переживаниях свидетели и потерпевшие, эксперты в психолого-лингвистической экспертизе упоминают о чувствах как об установленном факте. Но специфическая черта этого приговора заключается в его мотивировочной части: чувства проявляются как факт объективной действительности в отрыве от конкретных персоналий и их ситуативных переживаний, но в привязке к социальной группе и стабильной характеристике содержания чувств ее участников: «Подтверждением совершения действий по мотивам религиозной ненависти и вражды и мотивам ненависти в отношении социальной группы являются подчеркнута вульгарные и нарочито провокационные действия подсудимых: телодвижения, пляски, выкрики, заведомо нарушающие правила и нормы поведения в храме как в общественном месте и бросающие явный вызов православным верующим и христианству, намеренное проведение акции в культовом здании, в той части храма, где это должно было наиболее сильно оказать и оказало негативное психоэмоциональное воздействие на социальную группу православных верующих».

В определенном смысле можно говорить о приговоре по делу «Pussy Riot» как о перформативном акте. Концепт перформатива был введен в аналитическую философию языка

---

* Учитывая, что основное предназначение искусства – «чувства... лирой пробуждать», описываемый проект может претендовать на отнесение его к сфере искусства.

Дж. Остином в работе «Как производить действия при помощи слов» [4, с. 262–281]. Остин обратил внимание на то, что некоторые речевые акты не описывают действительность, а сами по себе являются действиями. Концепт был расширен Дж. Батлер при работе с гендером: она предложила говорить не о перформативе как об особой глагольной форме, а о перформативности порядка высказываний, создающих социальную реальность [9].

Приговор по делу «Russy Riot» проявил несуществовавшие до этого момента в правовом поле чувства верующих: как социальная реальность (объект уголовно-правовой охраны – общественные отношения) эти чувства появились для юристов тогда, когда они были артикулированы судом при принятии решения по конкретному делу. Речь в данном случае идет не о прецеденте в юридическом смысле, а о социально-политических эффектах, произведенных правоприменительным актом. Следующим шагом на пути юридической кристаллизации чувств верующих стали изменения в ст. 148 УК РФ в 2013 году, в которой их оскорбление было введено в качестве специальной цели нарушения права на свободу совести и вероисповедания.

Таким образом, чувства верующих на текущий момент вполне признаны в качестве объекта уголовно-правовой защиты и легального признака состава преступления. Однако

для доктрины уголовного права вопрос о том, каким образом концептуализировать наличие коллективных чувств в ткани уголовного закона, остается открытым. Общественная опасность как онтологическая категория криминализации [5] с ее количественной (степень) и качественной (характер) характеристиками в значительной степени «уплощает» содержание чувств, переводя их исключительно в социальное измерение и лишая внутреннего содержания и интенсивности переживания.

Из множества концепций преступления наиболее близким описываемой ситуации оказывается внелегалитетский подход Э. Дюркгейма. В своем фундаментальном труде «Метод социологии» [6] он определяет преступление как «сильное возмущение коллективных чувств». В прикладном смысле преступление для Дюркгейма является инструментом механической солидарности: если единство отсутствует, указание на что-то как на преступление позволяет сплотить большую часть общества вокруг той или иной идеи (нормы, правила). Таким образом, критерий криминализации из сферы объективной общественной опасности смещается в плоскость общественного признания и разделения тех или иных ценностей, продвигаемых (культивируемых), в том числе путем установления уголовно-правового запрета и правоприменения по уголовным делам.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М., 1999.
2. Кудрявцев В. Н., Дагель П. С., Злобин Г. А. и др. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М., 1982.
3. Разогреева А. Нудисты, дети и голые хулиганы: тело как локус общественного порядка в позднесоветских обстоятельствах // Теория моды. 2012. № 24.
4. Остин Дж. Три способа пролить чернила: философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко. СПб., 2006.
5. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016.

Bibliography

1. Foucault M. Supervise and punish. Birth of the prison / transl. with Fr. V. Naumov, ed. I. Borisova. Moscow, 1999.
2. Kudryavtsev V. N., Dage P. S., Zlobin G. A. and others. Grounds for the criminal-legal prohibition: Criminalization and decriminalization / ed. V. N. Kudryavtseva, A. M. Yakovleva. Moscow, 1982.
3. Razogreeva A. Nudists, children and naked hooligans: the body as a locus of public order in late Soviet conditions // Fashion theory. 2012. № 24.
4. Austin J. Three ways to shed ink: Philosophical works / trans. with Eng. V. Kiryushchenko. St. Petersburg, 2006.
5. Ivanov N. G. The public danger of the act as an allegational basis of criminalization. Moscow, 2016.

МАТЕРИАЛЫ XXII ДИМИТРИЕВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ
«ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» =====

6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост. А. Б. Гофмана. М., 1995.

7. URL: <http://www.guelman.ru/avdei/sud/obv.htm> (дата обращения: 27.10.2017).

8. URL: https://republic.ru/russia/prigovor_pussy_riot-821705.xhtml (дата обращения: 28.10.2017).

9. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y.–L., 1990.

6. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / trans. with Fr., compilation by A. B. Goffman. Moscow, 1995.

7. URL: <http://www.guelman.ru/avdei/sud/obv.htm> (дата обращения: 27.10.2017).

8. URL: https://republic.ru/russia/prigovor_pussy_riot-821705.xhtml (дата обращения: 28.10.2017).

9. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y.–L., 1990.

Серегин Андрей Викторович
Seregin Andrey Viktorovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, the South Federal University, PhD in Law,
Associate Professor.

E-mail: andrei-seregin@rambler.ru.

**О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА
ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ФОРМЕ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

**About necessity of studying the canonical right for removing the gaps
of legal knowledge about the form of state and legal system of ancient Russia**

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, возникающие при исследовании государства и права Древней Руси в период XIII – первой половины XV веков. Автор приходит к выводу о том, что правовая система Владимиро-Суздальского княжества не только не уступала правовым институтам Новгородской и Псковской средневековых республик, но и превосходила их, заимствуя нормы христианизированного римского права, изложенные в «Номоканоне» и «Мериле праведном». В статье предлагается перевести средневековые источники церковного права на современный русский язык и ввести для аспирантов специальности 12.00.01 в качестве обязательных такие дисциплины, как «Каноническое право», «Юридическая славистика», «Церковно-славянский язык» и «Византология».

Ключевые слова: право, государство, церковь, каноническое право, византология, церковно-славянский язык, Средневековье, Древняя Русь, христианство.

The article discusses the theoretical and practical problems arising in the study of state and law of ancient Russia in the period between the XIII – first half of XV century. The author comes to the conclusion that the legal system of the Vladimir-Suzdal Principality, not only was not inferior to the legal institutions of medieval Novgorod and Pskov republics, but surpassed them by borrowing norms Christianized Roman law set out in the «Nomocanon» and «The Measure of the righteous». For successful studying of this problem, in this paper we propose not only to translate the medieval sources of Church law in the modern Russian language, but also to introduce as compulsory subjects for post-graduate students of specialty 12.00.01 subjects such as «Canon Law»; «Legal Slavic», «Church Slavonic» and «Wizardology».

Keywords: law, state, Church, Canon law, byzantology, Church Slavonic, middle ages, Ancient Russia to Christianity.

В современной отечественной историко-юридической науке существует значительный пробел в изучении государственности и правовой системы Залесской Руси (Владими́ро-Сузда́льского княжества) второй половины XIII – первой половины XV веков. На фоне судебных грамот Новгородской и Псковской боярско-вечевых республик колыбель Московской Руси и будущей Российской Империи описывается «скудными красками», рисующими бедную правовую жизнь, основанную исключительно на «Русской правде» XI века.

Вместе с тем данная характеристика является ложной, так как правовая система «ми-

зинных княжеств» состояла из источников светского права и церковно-правовых норм.

Например, особым, мало исследованным юридическим памятником Владимиро-Суздальской Руси является Правосудие митрополичье [15, с. 336–339], состоящее из 36 статей. Так, при описании «Цветника» Московской Синодальной библиотеки середины XVI века Горский отметил расположенную на лл. 141–143 статью правового содержания «*A se есть правосудие митрополичье*» и издал ее основную часть [11, с. 692–694]. В советский период, пишет С. В. Юшков, так как «Цветник» был помещен в отдел богословских сочинений, «Правосудие митрополичье» не во-

шло в научный оборот и не подверглось специальному юридическому исследованию [22, с. 336]. Основным источником этого документа являлся Устав князя Ярослава (ст. 4, 7, 8, 9, 30–36; всего заимствовано 11 статей из 36). Реципируя уставные нормы, составитель копировал текст целиком, без специальных поправок, дополнений и комментариев. Второй по значению источник «Правосудия митрополичья» – «Русская правда», из которой идентично заимствована статья «Об уроках скоту».

Значительнейшая часть этого памятника юридической мысли Древней Руси (23 статьи) содержит совершенно новый, не встречающийся в иных источниках правовой материал. Входящие в него нормы не имеют прямых аналогий ни в княжеских уставах, ни в Псковской и Новгородской судных грамотах, ни в Судебниках Казимира и Ивана III, ни в византийском праве, включая его каноническую часть. «Отсюда естественно предположение, – пишет С. В. Юшков, – что эти статьи, как и анонимные статьи древнерусского кодекса (Русской Правды. – *авт.*), являются не чем иным, как записями обычного права, записями судебных решений. ... К нашему памятнику в значительной степени подходит характеристика, данная Ключевским Русской Правде: “Это церковный сборник по не церковным делам”» [15, с. 340].

С точки зрения юридической техники «Правосудие митрополичье» (далее – ПМ) является казуистичным собранием прецедентных решений, оно не снабжено вводной частью (предисловием), в которой бы указывался духовный деятель или церковный собор, составивший данный документ. Вероятно, этот памятник составлялся лицом, знакомым с практикой митрополичьего суда.

Время происхождения памятника с точной датировкой установить невозможно, но на основании используемых приемов юридической техники можно предположить, что это промежуток между второй половиной XIII и первой половиной XIV столетия.

В данном юридическом памятнике древнерусского права содержится бесценный материал для понимания закономерностей, по которым развивалась правовая система Владимиро-Суздальской Руси.

Например, для истории уголовного права неопределимое значение имеют ст. 1–3 о бесчестии

князей и должностных лиц, которые подтверждают, что принцип взыскания штрафа за бесчестие опирался на социальное положение человека, причем за бесчестие князя полагалась смертная казнь путем отсечения головы (последняя норма отсутствовала в Русской Правде).

В ст. 12 ПМ впервые появляется термин «душегубец», то есть убийца, которого должно судить «градским законом: осечи его да продати, как стечет, а дом его на грабежу». Градский закон содержался в обширнейшем своде гражданско-церковного права средневековых Сербии, Болгарии и Руси – «Номоканоне» [5, с. 923–1100]. Его использование позволяло унифицировать право в рамках формирующейся восточно-христианской цивилизации и правовой системы. Например, о необходимости использовать «Номоканон» при осуществлении правосудия говорится в Новгородской судной грамоте XV века.

Новгородская судная грамота (далее – НСГ) это уникальный пример отечественного правотворчества, впервые закрепившего принцип всеобщего равенства перед законом и судом в ст. 1: «а судити ... всех равно, как боярина, так и житъего, так и молодчеге человека» [10, с. 304]. Это правило не распространяется на великого князя Московского, но оно свидетельствует о сильных эгалитарно-правовых традициях, существовавших в новгородских землях с глубокой древности, сохранение которых гарантировалось, с одной стороны, абстрактными указаниями на участников судебного процесса: «кто истец, а который человек», без привязки к классовой принадлежности, а с другой стороны, принципом несменяемости судей, подтвержденным юридической формулой ст. 5 НСГ, закрепляющей: «судей с суда не сбивати». При назначении штрафов за ложь и клевету, недостойную для родовитого и благородного статуса, ст. 6 НСГ устанавливала более высокую ответственность для высших социальных слоев: боярин платил 50 рублей, *житый* человек – 20 рублей, а *молдший* – 10 рублей. Данная норма не только не имеет аналогов в средневековом европейском праве, но свидетельствует о высоком уровне правовой культуры населения, которое видело в элите хранителей и защитников веры, правды и справедливости, основанных на честном поведении.

Постепенно христианская правовая традиция смешивалась со славянским юридическим бытом. После крещения Болгарии (864–865 годы) христианские богослужебные книги распространялись при поддержке царя Симеона не только на Балканах, но и в Великоморавской державе [19, с. 37–41]. Так, «Закон судный людем» IX века [3, с. 11–15] – древнеболгарский и моравский источник права, который был не только известен на Руси в XI–XII веках под именем «греческого Судебника», но и применялся на практике, о чем говорит Софийская летопись [20, с. 172], а в XIII–XIV веках он стал составной частью Мерила праведного [6].

В 1219 году сербским святым Саввой (младшим сыном великого князя Стефана Немани) был составлен уникальный церковно-гражданский кодекс – Законоправило (Номоканон или Кормчая книга), ставший источником средневекового права для православных сербов, болгар и руссов [7, с. 493]. Номоканон делился на 70 глав: 6 – вводных, 44 – содержащих религиозные правила и 20 – светских, регулирующих гражданское и уголовное право, а также судопроизводство.

В 1262 году болгарский деспот Иаков-Святслав (русский князь из рода Рюриковичей, эмигрировавший из Галиции на Балканы во время Батышева вторжения) по просьбе Киевского митрополита Кирилла передал на Русь список Кормчей книги (Законоправила или Номоканона). Церковный собор 1272 года, созванный во Владимире-на-Клязьме, одобрил Номоканон в качестве основного источника церковного, брачного, уголовного и гражданского права [8, с. 12–13].

Для более успешной христианизации древнерусских земель в XII веке на церковно-славянский язык были переведены «Пандекты Никона Черногорца» [12], написанные в XI столетии в качестве комментария к каноническому праву Византийской империи. Терминологически «Пандекты» ориентировались на реалии средневековой Руси, осуждая такие пережитки язычества, как свадебные пиры (XII (68 d 24), празднование русалий (XII (68 d 36), игра на гусях (XII (69 b 6) и занятие волхованием (XII (69 d 26).

К сожалению, исследование данных источников игнорируется светской историко-правовой наукой, хотя они свидетельствуют

о том, что древнерусское государство Рюриковичей задолго до Европы не только знало христианизированное римское право, но и применяло его в качестве составной и важнейшей (конституционной) части своей правовой системы.

Кроме того, важно понимать, что успешное юридическое изучение «Номоканона», «Мерила праведного», «Пандектов Никона Черногорца» сталкивается с незнанием историками права церковно-славянского языка. Аспирантам, пишущим свои диссертации по специальности «12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве», не преподают церковно-славянский язык, на котором написаны большинство канонических текстов. Поэтому проблемы соотношения религиозного и светского закона в средневековой Руси в лучшем случае игнорируются либо обрастают мифическими (политическими) гипотезами, далекими от истины. Неумение самостоятельно переводить древнерусские тексты приводит к ошибкам в юридической квалификации.

Так, для периода Русской правды и эпохи удельного княжения характерен союз «аще»: «*аще оутнет мечем ... , то 12 гривнь за обиду*» (Краткая редакция Русской правды); «*аще который товар възметь русин у Немчина ... , тый товар не ворочается*» (Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 года) [4, с. 12]; в конце XV – начале XVI века в великокняжеском и царских судебныхниках 1497, 1550 и 1589 годов промежуточное звено занимают конструкции с «а»: «а у поля став помярятца, окольничему имать полевых пошлин»; «а не став у поля или отбежит, и что пошлин имати»; «а възщет женка или девка и мал, и даст целование», «а ищет на трех или на четырех, и за коих отвечают ти не отвечают» [4, с. 12]. Стоит отметить, что оригинальные тексты раннего Средневековья не знают отдельного написания слов, как в Повести временных лет, а также не используют цифры для обозначения чисел, для этого применяются буквенные знаки. Летописи и многие юридические документы в Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском писались по-русски, но латинскими буквами.

Для преодоления «идолов» цитатно-авторитетной ортодоксии свободному научному

мышлению при исследовании правовых памятников (законодательства, судебных решений и летописных сведений), описывающих элементы формы государства, следует совмещать скептическое сомнение, допускающее возможность человеческих ошибок при письменном изложении историко-юридического материала, с компаративистскими приемами герменевтического толкования. Данную методику Г. М. Барац называет критико-сравнительным анализом, базирующимся на конъектуральном (дивинаторном) [1, с. 6] сомнении. Она весьма эффективна при восстановлении содержания первоначальных текстов. Суть ее состоит в проверке и исправлении типичных орфографических ошибок и погрешностей средневековых дьяков и летописцев. Среди них особое внимание заслуживают:

- замена букв «н» и «о» соответственно на «и» и «ѡ»;
- некорректное использование literalных значений в качестве численных и наоборот;
- описки, связанные с перестановкой в словах букв;
- неправильное понимание сокращений под титлами и так далее [1, с. VII].

Субъективных и объективных ошибок накопилось в летописных сводах предостаточно, например, в ст. 1 Устава великого князя Всеволода о церковных судах и о людях, и о мерилах торговых ошибочно говорится, что княгиня Ольга, известная в крещении как Елена, была матерью князя Владимира, крестившего Русь [21, с. 162]. Исследователям древнерусских летописей необходимо иметь в виду, что в средневековой Византии применялись две системы счета лет «от сотворения мира». По александрийской системе от сотворения мира до рождества Христова прошло 5 500 лет, а по константинопольской – 5 508. Это сбивало расчеты, приводило к историческим накладкам, так как не ясно было, какой из систем пользовался тот или иной автор летописи [16, с. 66]. В начале XVIII века Петр I провел реформу календаря, перейдя с александрийского на юлианский вариант, что дало повод старообрядцам упрекать «царя-антихриста» в том, что он «восемь лет у бога украл...» [16, с. 66]. Наряду с этим, начало года также считалось по разному: с 1 сентября и с 1 марта (сентябрьский и мартовский годы) [16, с. 66].

Католические хронографы также использовали теологические клише, свойственные фанатикам, а не ученым. Безебрехт, например, считал, что Киев есть один из важнейших городов Греции, ибо русы крещены византийцами [16, с. 114]. Константин Багрянородный столицу Древней Руси именовал «Семати», искажая выражение русских путешественников: «Се мати городов Русских» [16, с. 114].

Великая «схизма» 1054 года, разделившая христианский мир на католический и греко-православный, не в последнюю очередь связана с религиозными посланиями архиепископа Льва Охридского (Болгарского) архиепископу Транийскому, избличающими ереси латинского богословия и богослужения [2, с. 251]. Но главная проблема внутри христианского религиозного противостояния определялась борьбой за паству, власть и доходы. Так, Константинопольский патриархат имел в подчинении более 600 епархий, расположенных в Азии, Греции, Фракии, Македонии, Болгарии и Руси; в то же время Римскому понтифику принадлежала власть над приходами Германии, Королевства Франков, Англии, Испании, Ирландии, Хорватии, Венгрии, Польши и Чехии.

В христианском средневековом мире делались неоднократные попытки преодолеть церковный раскол на основе унии (союза греческих и латинских церквей) при условии сохранения особенностей восточного богослужения и экклезиологии (самобытной церковной организации) в рамках принципа икономии (домостроительства), но с признанием верховенства Папы Римского: так, в 1274 году была заключена Лионская уния, в 1439 году – Ферраро-Флорентийская.

Униатские идеи занимали важное место в религиозно-правовой политике Речи Посполитой: безуспешно король Ягайло (1386–1444) пытался созвать Поместный собор Русской православной церкви для воссоединения ее с папским священным престолом при поддержке митрополита Киевского Киприана (1390–1406); проблемы унии на Соборе 1418 года в городе Констанце с папой Мартином V (1417–1431) обсуждал неканонический Киевский митрополит Григорий Цамбалак (1365–1419) и только в 1596 году в городе Бресте ряд

православных священников приняли Берестейскую церковную унию.

Вместе с тем униатский союз был признан не всем православным духовенством, его не поддержала значительная часть прихожан, что лишь обострило религиозные противоречия, так как католики считали униатов «неправильными» христианами, а православные рассматривали их в качестве предателей веры отцов.

В 1232 году Папа Григорий IX запретил католичкам выходить замуж за православных [14, с. 31]. Это усилило религиозное отторжение и обострило духовно-политическое противостояние между латинянами и приверженцами греко-кафолического вероисповедания.

Для смягчения религиозного противостояния православных и униатов в 1634 году Папа Римский Урбан XIII признал русского святого равноапостольного князя Владимира (крестителя Руси) также католическим святым [9, с. 31]. Но эта канонизация не искоренила теологических противоречий между латинянами и греко-кафолической церковью.

Таким образом, чтобы разбираться в существенных теологических противоречиях христианских церквей, необходимо знать богословские доктрины государства и права [17, с. 25–29]. Современные юристы имеют весьма не плохие представления о шариате, но ничего не знают о каноническом праве, особенно греко-христианском, развивавшемся в условиях византийской государственности. По мнению профессора В. Цыпина, источники церковного

права следует делить на божественные (*divinum*), содержащие волю Бога, и положительные (*positivum*), основанные на законодательных актах самой церкви [13, с. 25]. Церковное право так же, как и светское, делится на писанное (*scriptum*) и неписанное (обычное право, право предания, *nonscriptum, per consuetudinem*) [13, с. 25]. «Существует общее (*commune*) и частное (*particulare*) церковное право. Первое подразумевает основные законы, обязательные для Вселенской Церкви, второе же составляют законодательные акты, действующие в отдельных поместных церквях» [13, с. 25].

В связи с этим для объективного исследования форм и содержания средневековой государственной власти и правовой системы Руси необходимо усилить философско-методологическую и практическую подготовку отечественных историков права с помощью введения в качестве обязательных предметов для аспирантов, пишущих диссертации по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве», следующие дисциплины: «Каноническое право», «Византология», «Юридическая славистика» [18, с. 692–698] и «Церковно-славянский язык».

Кроме того, для будущих поколений юристов и студентов важно перевести на современный русский язык «Номоканону», «Мерило праведное» и «Пандекты Никона Черногорца» и дать им комментарии.

Литература

1. Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: восстановление текста, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности – с Русской Правдой. М., 2016.
2. Величко А. М. Византийская симфония. М., 2013.
3. Закон судный людем (IX век) // Серегин А. В. Собрание памятников древнеславянского права: учебное пособие. Ростов н/Д, 2014. Т. III.
4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

Bibliography

1. Baratz G. M. Critique-a comparative analysis of contracts of Russia with Byzantium: the restoration of the text, translation, commentary and comparison with other legal monuments, in particular – a True Russian. Moscow, 2016.
2. Velichko A. M. The Byzantine Symphony. Moscow, 2013.
3. The law of judgment of the people (IX century) // Seregin A. V. The Collection of monuments of ancient Slavic law: the textbook. Rostov-on-Don, 2014. Vol. III.
4. Ivanov V. V., Toporov V. N. Ancient Slavic law: archaic mythopoetic foundations and sources in light of the language // The Formation of early feudal Slavic peoples. Moscow, 1981.

5. Кормчага (номоканонъ). Напечатана съ оригинала патріарха Іосифа. М., 1913.
6. Мерило праведное (конец XIII–XIV века). URL: <http://old.stsl.ru//manuscripts/medium.php?col=1&monuscript> (дата обращения: 13.09.2017).
7. Митровић Б. КолоВени (СлоВени) и континуитет културе и права. Белград – М. – СПб., 2008.
8. Митрович Б. Т. Геноцид римлян и славян. М., 1999.
9. Мясников А. Л. Рюриковичи и Смутное время. М., 2017.
10. Новгородская Судная грамота XV века // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. I.
11. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862.
12. Максимович К. А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.
13. Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право. М., 2012.
14. Послание Папы Григорія IX, къ нь котрымъ духовнымъ особамъ Польскимъ, о запрещеніи браковъ между Католичками и Русскими, которые ихъ перекрещиваютъ въ свою вѣру 1232 г. // Акты историческіе, относящіяся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ / Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ. Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и ихъ другихъ римскихъ библиотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. Санктпетербургъ, 1841. Т. I.
15. Юшков С. В. Правосудие митрополичь (доклад, читанный в Подкомиссии по подготовке к изданию Русской Правды 14 ноября 1928 года). М., 1989.
16. Прошин Г. Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1988.
17. Серегин А. В. Противоречивые модели библейского идеала формы государственного правления // Философия права. 2014. № 4.
18. Серегин А. В. Теоретические основы юридической славистики // Юридическая техника. 2015. № 9.
19. Серегин А. В. Форма государства средневековой Болгарии // История государства и права. 2017. № 5.
20. Софійская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 1913.
5. Korma (Nomocanon). Printed with original patriarcha Joseph. Moscow, 1913.
6. A measure of righteousness (the end of XIII – XIV centuries). URL: <http://old.stsl.ru//manuscripts/medium.php?col=1&monuscript> (date accessed: 13.09.2017).
7. Mitrovi B. Kolovani (Slovenia) and the continuity the artistic and law. Beograd – Moscow – St. Petersburg, 2008.
8. Mitrovic B. T. The Genocide of the Romans and the Slavs. Moscow, 1999.
9. Myasnikov A. L. The Rurik dynasty and the time of Troubles. Moscow, 2017.
10. The Novgorod judicial Charter of the XV century // Russian legislation X–XX centuries. Moscow, 1984. Vol. I.
11. Description of the Slavic manuscripts of the Moscow Synodal Library. Moscow, 1862.
12. Maccimovich K. A. Pandecta Nikon Montenegrin in the ancient XII century translation (legal texts). Moscow, 1998.
13. Archpriest Vladislav Tsypin. Canon law. Moscow, 2012.
14. Letter of Pope Gregory IX, KB natory spiritual personages of the Polish, the prohibition of marriages between Roman Catholics and Russian, which ih cross over unto their faith 1232 // The historical Acts related KB Russia recovered from foreign archives and libraries / D. St. Sov. A. I. Turgenev. Extracts from the Vatican secret archive and ih other Rimskiy libraries and archives, 1075 sh to 1584. St. Petersburg, 1841. Vol. I.
15. Yushkov S. V. Justice Metropolitan (report given at the sub-Commission on preparation for the edition of Russian Truth 14 Nov. 1928). Moscow, 1989.
16. Proshin G. The baptism // How was baptized Rus. Moscow, 1988.
17. Seregin A. V. Contradictory models the biblical ideal of the form of government // Philosophy of law. 2014. № 4.
18. Seregin A. V. The Theoretical basis of the law of Slavonic studies // Legal technique. 2015. № 9.
19. Seregin A. V. The Form of the medieval state of Bulgaria // History of state and law. 2017. № 5.
20. The Sofia first chronicle senior izvod // Complete collection of Russian annals / prepare text S. N. Kistereva, L. A. Timestoy, Foreword. B. M. Kloss. Moscow, 2001. Vol. 6. Issue 1.

сей / подг. текста С. Н. Кистерова и Л. А. Тимошиной, предисл. Б. М. Клосса. М., 2001. Т. 6. Вып. 1.

21. Устав князя Всеволода Мстиславовича // Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV веков / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. М., 1953.

21. The Charter of Prince Vsevolod Mstislavovich // Monuments of Russian law. Issue 2: Monuments of feudal rights-fragmented Russia XII–XV centuries / edited by S. V. Yushkov; assoc. A. A. Zimin. Moscow, 1953.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).

9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.

11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

12. По запросу автора статьи ему может быть предоставлена рецензия.

13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.

14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**